

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2

Выпуск (851)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

2500-347X

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

2

Issue (851)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 2(851)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденоко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Лапшов В. А.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, доцент (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 2(851)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
BELOZEROV VASILY

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Lapshov Valery	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

«Мягкая сила» США в сфере образования Турции ЗОЛотова В. Э.	9
Изменения в побратимских отношениях городов России после 2022 года ЗОТОВ В. С.	20
Африканская политика Франции при президенте Э. Макроне ПЕТКОВА Е. В.	28
Характеристика роли США и их западных союзников на Ближнем Востоке (на примере сирийского конфликта) САВЧЕНКО Е. О.	35
Международная деятельность российских городов: состояние и перспективы СУДАНЦ М. Б.	42
Политика Европейского союза в Каспийском регионе: основные направления и перспективы УСМАНОВ Р. Х., ВЕЛИКАЯ С. А.	48

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

«Русские – наши природные враги». Немецкий русофобский дискурс XIX – начала XX века БЕЛОЗЁРОВ В. К., МИРОНОВ Д. В., МЫРИКОВА А. В., ШИРИНЯНЦ А. А.	56
Электоральные аспекты формирования политики Украины в 1994–1999 годах ЛЯБАХ А. Ю.	64
Коминтерн в Башкирии (1941–1943) УСМАНОВ Н. В.	71
Тайна сельской матушки. Историко-антропологический этюд о перипетиях церковной жизни начала XX в. в связи с ее моральными, культурными и правовыми особенностями ХОХЛОВ А. А.	76

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Язык эксперта как модель концептуализации объекта социологического исследования ГОРЕЛИКОВ Е. С.	83
Трансформация миссии университета: историко-социологический анализ ЛУКАЩУК В. И.	90
К вопросу о качестве онлайн-выборок при изучении социальной структуры в социологических исследованиях ПРИМАКОВ В. Л.	97
Синергетический потенциал в деле совершенствования управленческой культуры организации САБЛУКОВ А. В.	105
Уровневая дифференциация среды социальной адаптации молодых наемных работников ШИШКОВ И. В.	113

POLITICAL SCIENCES

The «Soft Power» of the United States in the Field of Education in Turkey ZOLOTOVA V. E.	9
Changes in the Relations of Sister Cities in Russia Post–2022 ZOTOV V. S.	20
French Politics in Africa under President E. Macron PETKOVA E. V.	28
Assessment of the US and their Western Allies' Role in the Middle East (case of Syrian conflict) SAVCHENKO E. O.	35
International Activities of Russian Cities: Status and Prospects SUDANTS M. B.	42
European Union Policy in the Caspian Region: Main Directions and Prospects USMANOV R. KH., VELIKAYA S. A.	48

HISTORICAL SCIENCES

Russians Are Our Natural Enemies. German Russophobic Discourse of XIX – Early XX Centuries BELOZEROV V. K., MYRIKOVA A. V., MIRONOV D. V., SHIRINYANTS A. A.	56
Electoral Aspects of the Formation of Ukraine's Policy in 1994–1999 LYABAKH A. Yu.	64
Comintern in Bashkiria (1941–1943) USMANOV N. V.	71
The Mystery of the Rural Mother. Historical and Anthropological Study of the Vicissitudes of Church Life at the Beginning of the XX Century in Connection with Its Moral, Cultural and Legal Features KHOKHLOV A. A.	76

SOCIOLOGICAL SCIENCES

The Expert's Language as a Model of Conceptualization of the Object of Sociological Research

GORELIKOV E. S. 83

Transformation of the University's Mission: Historical and Sociological Analysis

LUKASHCHUK V. I. 90

Online Sampling Quality Revisited When Studying Social Structure in Sociological Research

PRIMAKOV V. L. 97

Synergetic Potential in Improving the Management Culture of an Organization

SABLUKOV A. V. 105

Layered Differentiation of Social Adaptation Environment for Young Employees

SHISHKOV I. V. 113

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_9

«Мягкая сила» США в сфере образования Турции

В. Э. Золотова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
victoria.zol@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается подход США к образовательной политике в Турецкой Республике в рамках реализации образовательных программ для школьников и студентов, а также в рамках программ профессионального обмена. Особое внимание уделяется административно-исполнительному аппарату НКО, раскрывается структура функционирования организаций, дается анализ ее перспектив в рамках осуществления политики «мягкой силы» США в Турции.

Ключевые слова: США, НКО, «мягкая сила», Турецкая Республика, образовательная политика

Для цитирования: Золотова В. Э. «Мягкая сила» США в сфере образования Турции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 9–19. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_9

Original article

The “Soft Power” of the United States in the Field of Education in Turkey

Victoria. E. Zolotova

*Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
victoria.zol@yandex.ru*

Abstract. The article examines the US approach to educational policy in the Republic of Turkey in the framework of the implementation of educational programs for schoolchildren and students, as well as professional exchange programs. Particular attention is paid to the system of the administrative and executive apparatus of the NGO-basis policy, an attempt is made to determine the systematic functioning of organizations, the author determines the systematic functioning of organizations, analyzes the prospects of the current system within the framework of US “soft power” policy in Turkey.

Keywords: USA, NGO, “soft power”, Republic of Turkey, educational policy

For citation: Zolotova, V. E. (2023). The “Soft Power” of the United States in the Field of Education in Turkey. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 9–19. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_9

ВВЕДЕНИЕ

Образование и образовательная политика сегодня становятся неотъемлемой частью внешней политики ряда государств. Использование передачи знания, навыков, компетенций, образовательной культуры, корпоративной этики в рамках обеспечения образовательного процесса приобретают новые формы в контексте глобализации и трансформации национальных образовательных систем [Цветкова, 2009]. К целям этой политики относится стремление унифицировать образовательные системы в западном формате, своевременно предоставляя необходимые ресурсы и обеспечивая профессиональную мотивацию на индивидуальном уровне, результатом чего становится главным образом формирование нейтральной по отношению к собственному государству политической элиты в странах того региона, который представляет наибольший интерес [Amirbek, Ydyrys, 2014].

В настоящем исследовании был выявлен подход США к реализации образовательной деятельности как инструмента «мягкой силы» в Турции на примере образовательных программ [Лебедева, 2017]. Объектом нашего исследования становится главным образом административно-исполнительная структура взаимодействия различных организаций, которые в рамках американских образовательных программ выполняют различные функции и реализуют дополнительную проектную деятельность, образуя единую скоординированную внешнюю образовательную систему. Предметами исследования являются образовательные программы для школьников и студентов и программы профессионального обмена. Основной источниковой базой исследования выступают официальные данные сайтов рассматриваемых организаций. Актуальность предпринятого исследования заключается в возрастающей роли НПО как самостоятельных и одновременно системных акторов, а также необходимости комплексного анализа трансформации политики «мягкой силы» США и определения новых методов ее реализации.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

По данным Посольства США в Турецкой Республике¹, в рамках образовательной деятельности США реализуют широкий спектр программ обмена для учеников старшей школы и студентов. Формы и методы работы в рамках программ облада-

ют собственной спецификой, что обуславливает необходимость охарактеризовать работу каждого из них [Колесников, Золотова, 2021].

Активная фаза запуска и развития американских образовательных программ приходится на период 2003–2008 годов. В начале 2000-х годов была создана программа *Kennedy-Lugar Youth Exchange and Study (YES) Programs*, направленная на укрепление межкультурного диалога в молодежной среде. Начиная с 2003 года студенты и школьники из Турции принимают участие в программе YES, при этом Турция вошла в число стратегически важных регионов для продвижения целей внешней политики США по развитию гражданского общества, развитию молодежного лидерства². Начиная с 2007 года программа функционирует в двунаправленном формате: американские студенты также получили возможность посещать Турцию³. Организационные вопросы в рамках программы возложены на некоммерческую организацию AFS-USA, которая в свою очередь является частью обширной партнерской сети AFS. В рамках реализации локальных проектов AFS сотрудничает с турецкими НКО и школами. Например, организация проводит ежегодный симпозиум для преподавателей с целью расширения профессиональных возможностей и укрепления глобального гражданского образования⁴, мероприятие организовано совместно с Türk Kültür Vakfı («AFS Turkey»), FMV Işık Okulları school (Стамбульский университет) и Education Reform Initiative (ERI; турецкая НКО).

В 2006 году была создана программа *National Security Language Initiative for Youth (NSLI-Y)* с целью повышения языкового уровня американских студентов и предоставления платформы для языковой практики. В первую очередь, программа создана для американских граждан, а страна-партнер – Турецкая Республика – выступает платформой для ее реализации. Программа обмена длится шесть недель, предлагает гражданам США, учащимся средней школы и выпускникам, возможность улучшить знания турецкого языка. Примечательно, что программа NSLI-Y изначально была создана по инициативе Агентства национальной безопасности США (The U.S. Department of State's National Security)⁵. Она не носит двунаправленного характера: несмотря на уже более чем 15-летнее

¹High School and University Educational Exchange Programs URL: <https://tr.usembassy.gov/education-culture/high-school-and-university-educational-exchange-programs/>

²Kennedy-Lugar Youth Exchange & Study (YES), At-a-Glance URL: <https://exchanges.state.gov/non-us/program/kennedy-lugar-youth-exchange-study-yes>

³High School and University Educational Exchange Programs URL: <https://tr.usembassy.gov/education-culture/high-school-and-university-educational-exchange-programs/>

⁴TÖMER URL: <https://afs.org/2018/06/05/spectrum-of-education/>

⁵National Security Language Initiative for Youth (NSLI-Y) – At-a-Glance URL: <https://exchanges.state.gov/us/program/nsli-y>

функционирование, программа предоставляет возможность для обмена только американским гражданам, не предлагая квот для турецких студентов. В рамках реализации программы сформировалась сетевая административно-исполнительная структура, состоящая из американских НКО:

- *International Education and Resource Network (iEARN)* – Международная образовательная и ресурсная сеть, является организацией-исполнителем NSLI-Y и выполняет административные обязанности. В настоящий момент состоит из более чем 30 000 школ и молодежных организаций в более чем 140 странах¹;

- *American Cultural Exchange Service (ACES)* – Американская служба культурных обменов (ACES) является организацией-исполнителем NSLI-Y ACES – НПО, занимающейся международными культурными, образовательными и спортивными обменами;

- *Council on International Educational Exchange (CIEE)* – крупнейшая в США НКО, спонсирующая широкий спектр возможностей для культурного обмена, включая программы профессионального обмена, программы обучения и стажировок для студентов колледжей и старшеклассников;

- *American Councils for International Education* – НКО, является ведущей организацией в администрировании и внедрении NSLI-Y и управляет процессом подачи заявок и отбора, координацией исполнителей программы.

- *American Councils* – НКО, создающая образовательные возможности, которые, в соответствии со сформулированными организацией целями, призваны подготовить отдельных лиц и учреждения к «новым реалиям глобализации»². Посредством академических обменов и стратегии развития образования, American Councils разрабатывают и управляют инновационными программами и образовательными проектами, главной чертой которых становится стратегическое планирование в рамках среднесрочной перспективы [Антюхова, 2014].

Запущенная в 2006 году программа *Critical Language Scholarships (CLS)* представляет собой совокупность летних языковых практикумов на 13 языках, включая турецкий. В программу обмена входят внеучебные мероприятия, регулярные индивидуальные встречи для разговорной практики, культурные мероприятия и экскурсии. В качестве исполнительного органа на сайте Посольства выступает The CLS Turkish³, однако на

сайте самой программы CLS партнерским учреждением, на которое возложена практическая реализация программы, выступает TÖMER Institute – Исследовательский и прикладной центр турецкого и иностранных языков Университета Анкары, основанный в 1984 году с целью преподавания турецкого языка иностранцам.

Отдельного внимания заслуживает стипендиальная программа *The Hubert H. Humphrey Fellowship Program* – программа обмена, которая начала реализовываться с 2018 года. Она предназначена для повышения профессиональной квалификации специалистов, занимающих руководящие должности на государственной службе. Стипендиаты Хамфри участвуют в индивидуальных учебных программах в принимающих учреждениях США. Основным методом, который используется в рамках данной программы – предоставление грантов участникам по различным направлениям: устойчивое развитие, построение демократических институтов, общественное здравоохранение, управление, планирование и политика в области образования и др. Система предоставления грантов организована следующим образом: координационным звеном в рамках исполнительного аппарата выступает The Turkish Fulbright Commission (Türkiye Fulbright Eğitim Komisyonu) – Комиссия по образовательному обмену между Соединенными Штатами и Турцией, которая была учреждена двусторонним соглашением между Турцией и Соединенными Штатами в 1949 году. Комиссия начала свою деятельность в соответствии с Законом № 5596, принятым турецким парламентом 13 марта 1950 года⁴. В компетенции Комиссии входит поддержка турецких и американских студентов и профессионалов различных областей. В рамках рассматриваемой программы Hubert H. Humphrey система грантообеспечения выстроена следующим образом: при подаче заявки по выбранному направлению участнику предлагается перейти на платформу компании Bridge US⁵ (Корпорация по предоставлению юридических услуг, предоставляющая иммиграционные услуги и ресурсы в США) с перечнем американских НКО и Фондов, которые готовы выступить в качестве спонсора. Выбор организации остается за участником программы. Число спонсоров может изменяться и варьируется от 1 до 1672 организаций, сходством которых является одно: все они являются американскими НКО, фондами или университетами. Ввиду большого объема данных по спонсорским организациям нами принята следующая систематизация.

¹iEARN NETWORK URL: <https://collaborate.iearn.org/>

²CIEE: Council On International Educational Exchange URL: <https://www.ciee.org/about/what-we-do/our-mission>

³High School and University Educational Exchange Programs URL: <https://tr.usembassy.gov/education-culture/high-school-and-university-educational-exchange-programs/>

⁴Türkiye Fulbright Eğitim Komisyonu URL: <https://fulbright.org.tr/>

⁵Bridge US URL: <https://j1visa.state.gov/participants/how-to-apply/sponsor-search/?program=Camp%20Counselor&state=any>

Таблица 1

НАПРАВЛЕНИЯ ГРАНТОВОЙ ПОДДЕРЖКИ И КОЛИЧЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ-СПОНСОРОВ

Выбранное направление (программа) в рамках заявки	Количество организаций, предоставляющих гранты / спонсорскую поддержку
Camp Counselor	26
College and University Student	826
Government Visitor	27
Intern	97
International Visitor	15
Professor	1672
Research Scholar	1672
Secondary School Student	1672
Short-Term Scholar	854
Specialist	437
Summer Work Travel	28
Teacher	65
Trainee	97

По образовательным траекториям выделяются *Study of the U.S. Institutes for Student Leader: Study of the U.S. Institutes (SUSIs)* – академические программы, предназначенные для иностранных студентов в возрасте от 18 до 25 лет, направленные на изучение социокультурной среды США и развитие лидерских навыков. Для турецких студентов в рамках данной программы открыт набор по направлению «Civic Engagement» с Bard College. На сайте колледжа административно-исполнительной единицей в рамках реализации программы указана НКО Meridian International Center, которая тесно сотрудничает с Государственным департаментом и другими правительственными учреждениями США, а также обладает собственной обширной сетью партнеров, структурированных по различным категориям¹.

Административно-исполнительная система реализации образовательных программ для школьников и студентов носит сложный и разветвленный характер, что отражено на схеме 1, где выделены реализующиеся программы и выстроена структурная взаимозависимость исполнителей. Основными различиями в методах и формах реализации программ являются разделение их на однонаправленные и двунаправленные, а также сроки реализации и сопутствующие мероприятия. К основным сходствам относятся возложение администрирования программ на американские НКО и университеты, а также на турецкие НКО.

Государственный сектор в рамках исполнительной структуры фактически не задействован (см. рис. 1).

ПРОГРАММЫ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБМЕНА

Отдельным направлением в рамках политики «мягкой силы» в Турции становится развитие и реализация программ профессионального обмена, которое обладает собственной спецификой. Однако главным аспектом данного направления становится индивидуальное финансирование.

Программа «The Legislative Fellows Program» (LFP) реализуется с 2005 года и заключается в краткосрочных стажировках в государственных структурах и НПО по всей территории Соединенных Штатов. LFP предоставляет до 55 квот молодым специалистам из Армении, Азербайджана, Грузии, Молдовы, России, Турции и Украины и возможность получить практический опыт работы в правительстве США и иных структурах или организациях. По прибытии номинанты программы принимают участие в трехдневном интенсивном ознакомлении с политическим процессом в США в Вашингтоне, а затем начинают четырехнедельную стажировку по всей территории Соединенных Штатов. В рамках программы проживание организуется в принимающей семье в США. Администрирование данной программы возложено на две американские НКО – AFL-CIO и American Councils for International Education. Финансирование программы осуществляется из средств специально созданного фонда – The Legislative Education Fund (LEF).

¹GLOBAL ECONOMIC COOPERATION – A MULTI-REGIONAL PROJECT – Project summary URL: <https://www.meridian.org/project/global-economic-cooperation-a-multi-regional-project/>

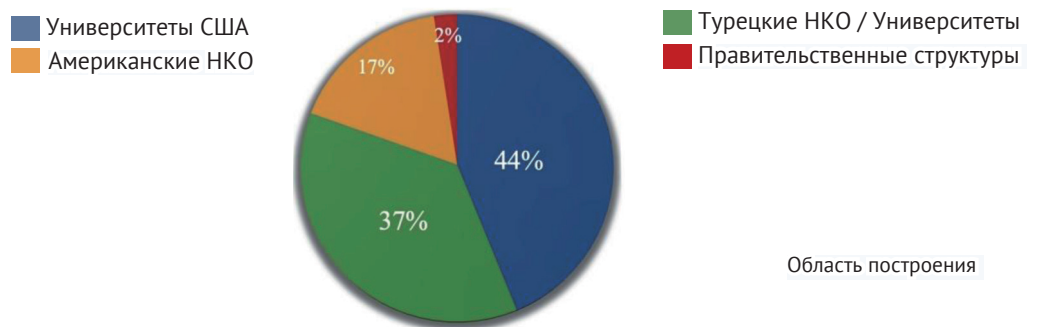

Рис.1. U.S. Embassy & Consulates in Turkey High School and University Educational Exchange Programs. Административно-исполнительная структура

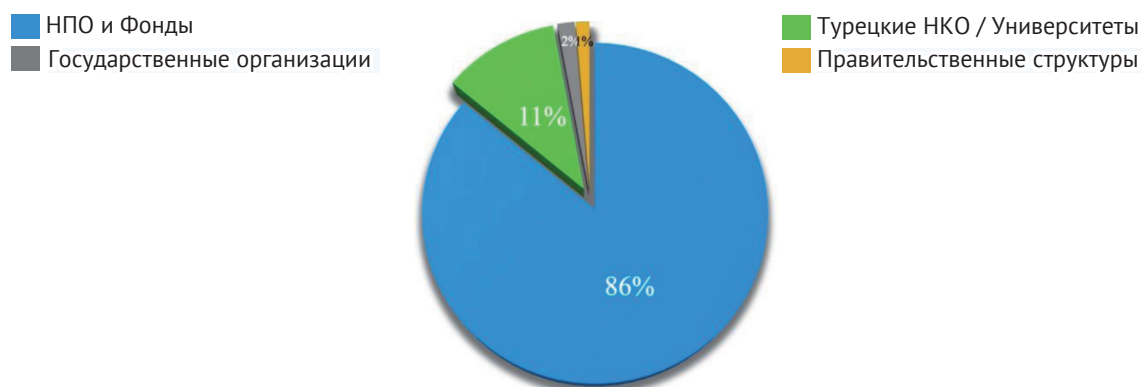

Рис. 2. Professional Exchange Programs. The Emerging Global Leaders Initiative-Atlas Corps. Административно-исполнительная структура

The Emerging Global Leaders Initiative-Atlas Corps: специально созданная программа для лиц, работающих в некоммерческом секторе. Она подразумевает возможность принять участие в профессиональной стажировке в США. Администрирование данной программы возложено на американскую НКО Atlas Service Corps, Inc. (Atlas Corps), созданную в 2006 году и представляющую собой международную сеть организаций социального и некоммерческого сектора. В рамках программы Atlas Corps организуется обширная сеть партнерств, которая представлена в таблице 2.

Административно-исполнительной системе реализации программ профессионального обмена характерно выстраивание функциональной цепи исполнителей, что отражено на схеме 2, где выделены реализующиеся программы и выстроена взаимозависимость исполнителей.

Ведущей программой профессионального обмена Государственного департамента США является *The International Visitor Leadership Program* (IVLP). Созданная в 1940 году, программа IVLP направлена на укрепление взаимопонимания между США и другими странами посредством

Таблица 2

ПАРТНЕРСКАЯ СЕТЬ ПРОГРАММЫ ATLAS CORPS

HOST ORGANIZATIONS (всего 306 подразделений)	Количество
НПО и Фонды	263
Государственные организации	5
Частные организации	34
Другие	4

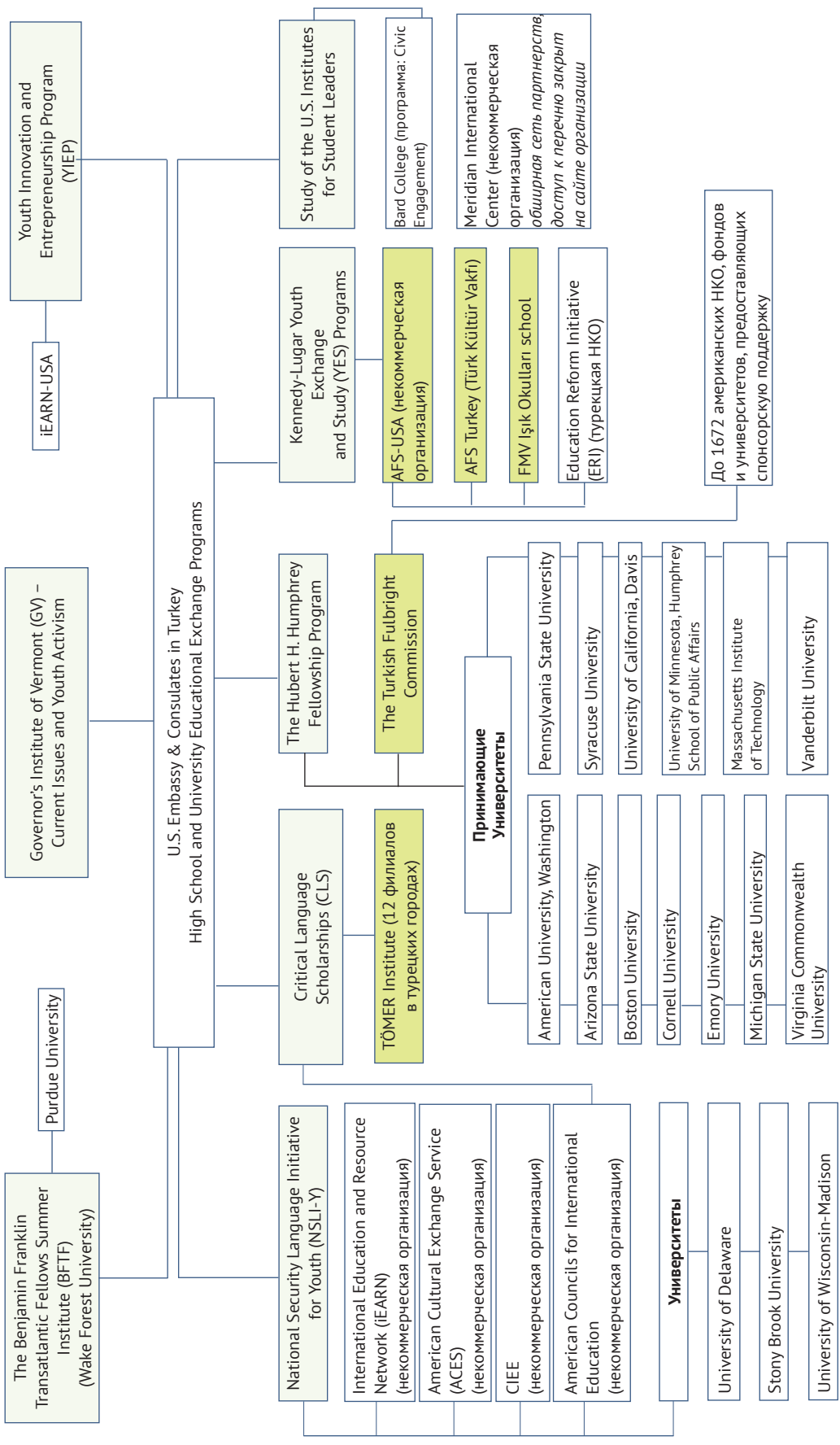

Схема 1. «Мягкая сила» США в Турции. Административно-исполнительный аппарат в рамках реализации образовательных программы для школьников и студентов

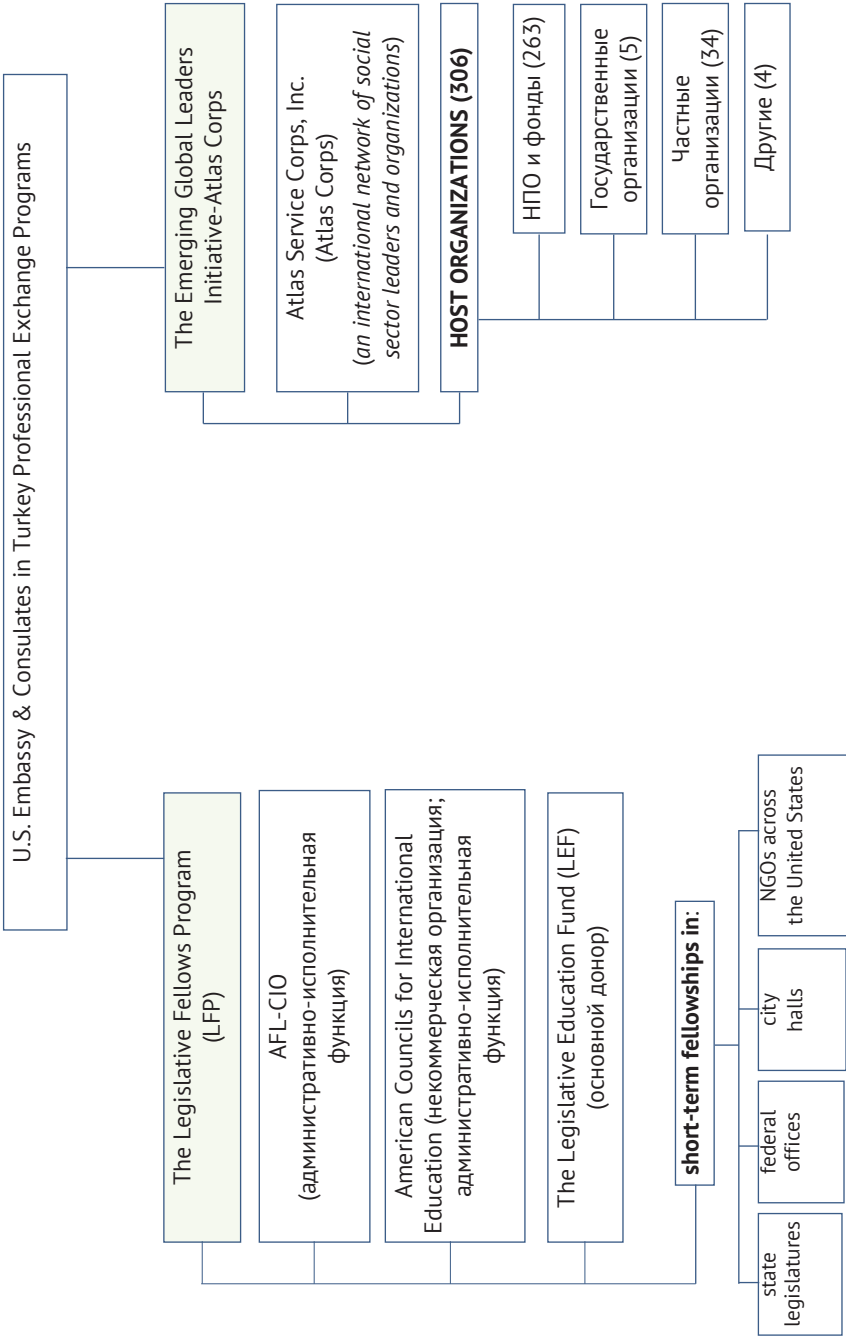

Схема 2. Professional Exchange Programs. Административно-исполнительная структура

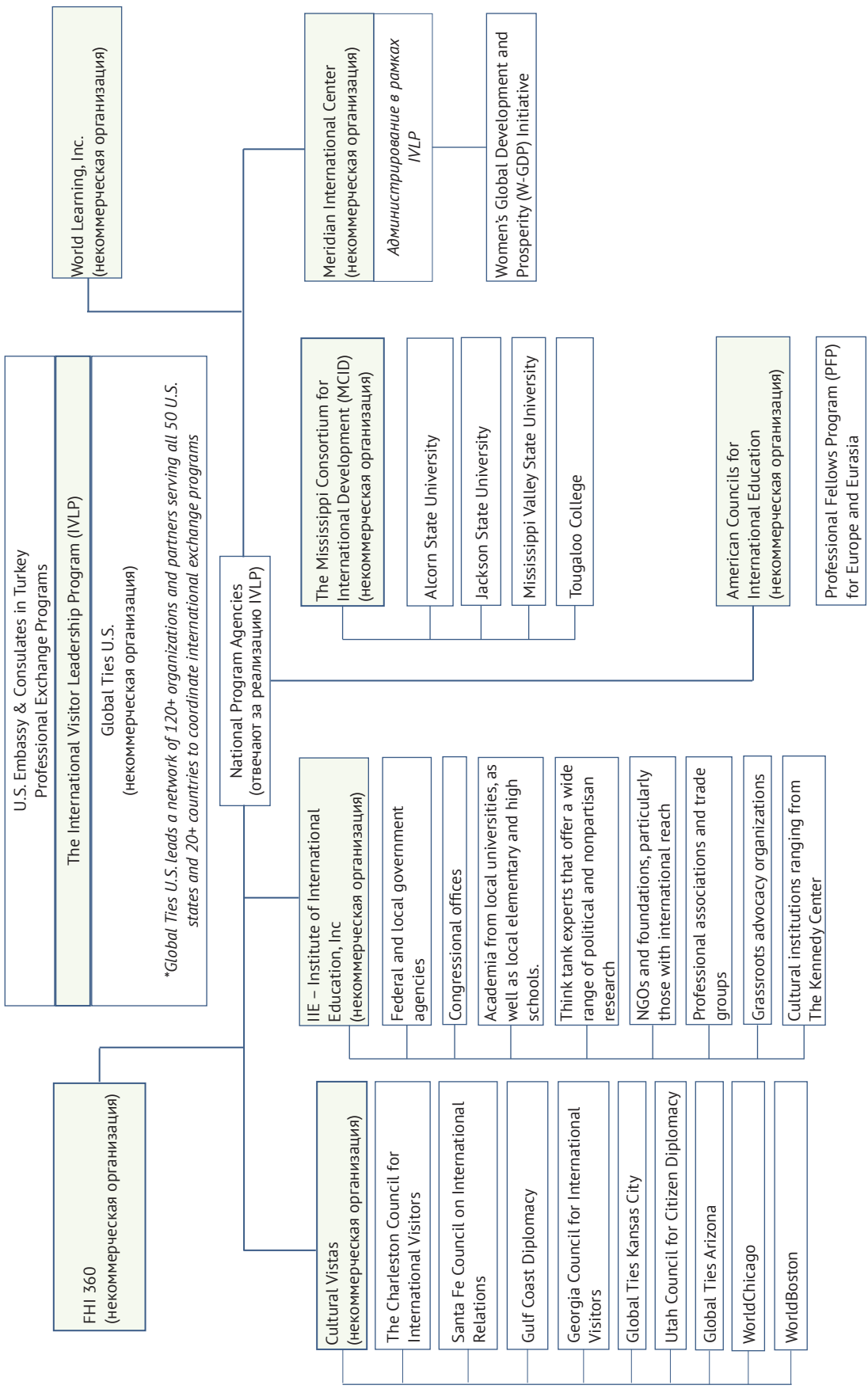

Схема 3. The International Visitor Leadership Program (IVLP). Административно-исполнительная структура

краткосрочных визитов в США для нынешних и новых иностранных лидеров. Участники программы ведут работу в различных тематических практикумах индивидуально или в группах, посещают профессиональные встречи с американскими коллегами, узнают о системе управления США на национальном, государственном и местном уровнях, посещают американские школы и знакомятся с американской культурой и общественной жизнью. Данная программа является одной из самых разветвленных в рамках административно-исполнительной цепи. Официально за реализацию программы IVLP отвечают семь Национальных программных Агентств (см. схему 3), которые являются американскими некоммерческими организациями. Исследование показало, что три Агентства (Cultural Vistas, IIE-Institute of International Education, Inc, The Mississippi Consortium for International Development (MCID)) в рамках административно-исполнительного аппарата формируют собственную партнерскую систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из ключевых вопросов в рамках изучения структуры исполнительного аппарата, обеспечивающего образовательную политику, является участие государственных структур и органов американской власти в данной системе. По итогам систематизации данных исследования было выявлено, что только 2 % административно-исполнительной структуры являются государственными (см. рис. 2). Немаловажным становится вопрос об НКО: почему именно данный тип организации приобретает особое значение как системный актор внешней образовательной системы США? На наш взгляд, данный факт может свидетельствовать о следующем:

- 1) возможность формирования бюджета из спонсорских средств и, следовательно, увеличение объемов финансирования при одновременном снижении бюрократической нагрузки;
- 2) вовлечение в административно-исполнительный аппарат большего числа американской экономической и политической элиты;
- 3) создание условий для снижения роли политического контекста государственного интереса (американского или турецкого) посредством акцента на индивидуальные цели и потребности участников программ.

Примечательна роль американских университетов в системе: являясь принимающей стороной, американские образовательные учреждения становятся проводниками американской образовательной культуры. К данной группе относятся различные

факторы организации образовательного процесса, такие как учебные планы, дисциплины, аттестационные и экзаменационные испытания у студентов, организационная структура подразделений университета (внутренняя корпоративная образовательная культура). Обучаясь в американском вузе-партнере, выпускники или участники программ, рассматриваемых в настоящем исследовании, становятся носителями таковой образовательной культуры, в дальнейшем оказывая влияние на свою собственную национальную образовательную систему, проводя административные реформы на местах. При максимальном увеличении числа носителей американской образовательной культуры, внутренние национальные образовательные структуры и государственные стратегии в области образования неизбежно претерпевают изменения, уподобляясь американским. Существенно и то, что рост числа турецких студентов, участвующих в американской системе мобильности, возрастает: по данным, представленным в ежегодном отчете Open Doors Report on international and U.S. student mobility, 8467 турецких студентов были зачислены в учебные заведения США в 2021/22 учебном году, при этом число турецких студентов в США выросло на 4,4 % по сравнению с 2020/21 учебным годом¹, что является самым высоким показателем роста за последнее десятилетие. При этом Турция занимает третье место по количеству студентов из Европы². С американской точки зрения, данный процесс способствует упрощению и унификации национальной системы образования, приведение ее в соответствие единому американскому стандарту. Результатом реализации образовательных программ становится качественное изменение человеческого ресурса: происходит формирование нейтрально или позитивно ориентированных политических и экономических элит, что в дальнейшем создает благоприятные условия для сотрудничества уже на двустороннем государственном уровне в политической, экономической и социокультурных областях.

Такое устройство внешней административно-исполнительной структуры в рамках проведения образовательной политики позволяет США добиться существенных и важных в рамках внешнеполитической стратегии результатов с использованием исключительно «мягких» способов воздействия:

- формирование политически нейтрального государства способствует укреплению позиций в том или ином регионе;

¹2022 Open Doors Report URL: <https://opendoorsdata.org/>

²Turkish Students Choose To Study in the United States: 4.4% Growth in the 2021-22 School Year – U.S. Embassy Ankara URL: <https://tr.usembassy.gov/turkish-students-choose-to-study-in-the-united-states/>

– при проведении данного рода политики в нескольких государствах одновременно становится возможным использование региона в собственных национальных интересах безопасности или в экономической сфере, использование ресурсов данной территории;

– данная образовательная политика при стабильном функционировании позволяет изменить изнутри национальные политические и корпоративные системы, которые, в свою очередь, становятся инструментом, обеспечивающим проведение политической воли США.

Для Турецкой Республики, которая становится объектом образовательной политики США, существуют определенные риски в средне- и долгосрочной перспективах. К таким рискам относится снижение роли национального интереса с учетом индивидуальных потребностей представителей политических и экономических элит внутри страны. Трансформация стандартов государственных образовательных аккредитаций, изменение качества образования в целом становится основным следствием в случае отсутствия национальной стратегии развития системы образования, наряду с рисками для национального рынка труда ввиду оттока части квалифицированных кадров, образование которых позволяет выходить на международный рынок труда.

Сложившаяся образовательная политика характеризуется скрытой или неявной системностью административно-исполнительного аппарата; выявление степени ее влияния в среднесрочной и долгосрочной перспективах осложняется и может

привести к потере национальной идентичности и культуры, к социальным противоречиям и дестабилизации в традиционном обществе. Несмотря на наличие двунаправленных программ обмена, где принимают участие в том числе американские студенты, в целом систему нельзя охарактеризовать как взаимовыгодный образовательный обмен в рамках межкультурного диалога, так как трансформации подвергается только одно из двух государств. С учетом данных внутригосударственных трансформаций можно полагать, что выстроенная система является наиболее благоприятным механизмом для проведения политики «мягкой силы» с целью приобретения политического влияния в государстве и / или регионе.

Сложившаяся система является ярким примером организации успешной долгосрочной политики «мягкой силы» в области образования. Благодаря таким факторам, как многоуровневая организация внутрикорпоративной системы, особая роль отраслевых и институциональных единиц системы и их самостоятельное финансовое развитие, а также особая система организации деятельности в рамках отдельных образовательных программ, главным образом заключающаяся в предоставлении свободы выбора контрагентов-исполнителей, система становится независимой и скоординированной, она обеспечивает стабильное функционирование в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цветкова Н. Ф. Глобализация и образование: эволюция политики современного государства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 101. С. 326–331.
2. Amirbek A., Ydyrys K. Education And Soft Power: Analysis As An Instrument Of Foreign Policy // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 143. С. 514–516.
3. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО (У). 2017. № 3 (54). С. 212–223.
4. Колесников А. А., Золотова В. Э. Инструментарий «мягкой силы» США в Турции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 3 (844). С. 57–71.
5. Антюхова Е. А. Образование в политике мягкой силы США // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 123–136.

REFERENCES

1. Tsvetkova, N. F. (2009). Globalisation and education: the evolution of public policy Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 101, 326–331. (In Russ.)
2. Amirbek, A., Ydyrys, K. (2014). Education And Soft Power: Analysis As An Instrument Of Foreign Policy. Procedia – Social and Behavioral Sciences, 143, 514–516.
3. Lebedeva, M. M. (2017). Soft power: the concept and approaches. MGIMO Review of International Relations, 3 (54), 212–223. (In Russ.)

4. Kolesnikov, A. A., Zolotova, V. E. (2021). Language as the tool of "soft power" of the state (from materials of the USA). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(844), 57–71. (In Russ.)
5. Antyukhova, E. A. (2019). Education in the US "soft power" Policy. Polis. Political studies, 2, 123–136. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золотова Виктория Эдуардовна

аспирант кафедры международных гуманитарных связей
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zolotova Victoria Eduardovna

Postgraduate Student of the Department of International Humanitarian Relations
Saint-Petersburg State University

Статья поступила в редакцию	08.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	09.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.03.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_20

Изменения в побратимских отношениях городов России после 2022 года

В. С. Зотов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

v.s.zot@bk.ru

Аннотация. В статье ставятся и анализируются проблемы в сфере международного сотрудничества городов-побратимов. Делается акцент на политико-правовой базе, регулирующей развитие городов-побратимов. Рассматриваются также вызовы, появившиеся в условиях новой политической реальности. Решаются проблемы, возникшие в результате разрыва международных связей и в отказе западных государств от сотрудничества с российскими городами после событий февраля 2022 года. Приводятся конкретные примеры.

Ключевые слова: новые политические условия, международные связи, города-побратимы, сотрудничество, политико-правовая база, проблемы, разрыв побратимских связей

Для цитирования: Зотов В.С. Изменения в побратимских отношениях городов России после 2022 года // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 20–27. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_20

Original article

Changes in the Relations of Sister Cities in Russia Post–2022

Viacheslav. S. Zotov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

v.s.zot@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of international cooperation of sister cities. Emphasis is placed on the political and legal framework that regulates the development of sister cities. The article examines the challenges arisen due to the new political reality, analyzes the problems manifested in the severance of international relations and refusal to cooperate with Russian cities on the part of Western states after the events of February 2022. Specific examples of the breaking of sister-ties are given.

Keywords: new political conditions, international relations, sister cities, cooperation, political and legal framework, problems, breaking of sister city relationship

For citation: Zotov, V. S. (2023). Changes in the relations of sister cities in Russia post–2022. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 20–27. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_20

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях возрастает количество субъектов международных отношений, которые становятся всё более полисубъектными. Полисубъектность предполагает способность актора самостоятельно действовать и формулировать свои собственные интересы, позицию. На международную арену выходят такие игроки, как транснациональные корпорации, средства массовой информации, общественные движения. Субъекты федерации имеют также немаловажное значение в международных отношениях.

Субъекты федераций наделены признаками, которые делают их схожими с суверенными государствами: они обладают территорией, границами, населением, их международная деятельность регулируется как нормами международного права, так и внутренними законами и документами концептуального характера. Международные связи развиваются по различным направлениям: экономическое сотрудничество, связи в области культуры, науки и спорта. В этой связи стоит выделить еще одно направление международных связей – породненные связи между городами иностранных государств. В условиях, в которых оказалась Россия с февраля 2022 года, такой вид сотрудничества является одним из наиболее эффективных методов развития муниципальных образований [Колодяжная-Шереметьева, 2021]. Данный фактор способствовал определению *актуальности* исследования.

Исследовательскую основу составляют книги, научные статьи. *Эмпирической базой* являются материалы СМИ, официальные сайты администраций населенных пунктов и международных организаций, задействованных в сфере сотрудничества городов-побратимов, интервью, выступления официальных лиц.

Методы исследования характеризуются многообразием. Применение исторического метода позволило проследить процесс развития побратимского движения в исторической перспективе. Благодаря контент-анализу был сделан ряд выводов о политико-правовой базе, регламентирующей сотрудничество городов-побратимов. Сравнительный анализ способствовал пониманию разницы между кризисами в сфере сотрудничества городов-побратимов в 2022 и 1956 годами.

К сожалению, в настоящее время побратимские связи оказались под влиянием политизации международных отношений.

Во второй части статьи данная проблема ставится и решается в сфере породненного сотрудничества городов.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ

Деятельность субнациональных акторов во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах определяется как парадипломатия. Данный феномен стал предметом исследования многих отечественных и зарубежных ученых. Стоявший у истоков исследования парадипломатии И. Духачек представил свое значение данного термина и ввел определение для описания внешних связей [Duchacek, 1990]. Более того, он определил основные формы сотрудничества этих субъектов. К ним, по его мнению, относятся ведение переговоров и заключение международных соглашений о сотрудничестве в торгово-экономическом, научно-технической и культурном планах.

В научных кругах представлено множество определений парадипломатии. Российский исследователь А. С. Кузнецов определяет парадипломатию как деятельность субнациональных единиц на международной арене [Kuznetsov, 2015]. По мнению С. Уолфа, парадипломатия представляет собой независимое от государства участие субгосударственных субъектов в деятельности на международной арене для достижения собственных интересов [Wolff, 2007].

С конца XX века парадипломатия подверглась политико-правовой консолидации и упорядочению. Данный процесс позволяет регионам участвовать в международных делах и является важным проявлением самоуправления и развития федерализма. Парадипломатия вносит вклад в развитие региона и городов, получения взаимовыгодных инвестиций и повышения конкурентоспособности как внутри страны, так и на международной арене.

Парадипломатия представляет собой относительно новый феномен в политическом дискурсе [там же]. Между тем первые упоминания о международном сотрудничестве появились достаточно давно. Речь идет о практике создания породненных связей между городами разных государств. Так, зафиксировано, что установление побратимских связей между городами произошло еще в 836 году в средневековой Европе [Лошкарев, 2018]. Первым примером практики породненных городов выступает международное сотрудничество между германским Падерборном и французским Ле-Маном. Разумеется, стоит отметить более раннее существование Ахейского и торгового Ганзейского союзов. Е. В. Кузнецова подчеркивает, что начало официальной истории побратимства как социально-культурного явления связано с бельгийским городом Гент, в котором началось

международное муниципальное движение в начале XX века [Кузнецова, 2022].

Значительного развития система городов-побратимов достигла в послевоенные годы. Причиной тому был экономический кризис, огромный объем разрушений городов после Второй Мировой войны, вследствие чего возникла необходимость не только в налаживании сотрудничества и в предоставлении экономической помощи, но и в моральной поддержке.

Первым историческим примером установления связи советского города с иностранным стали Ковентри и Сталинград. Данный пример показывает единому населению двух городов во время боевых действий.

Полное определение городов-побратимов можно найти в Большой советской энциклопедии: «Города различных стран, установившие непосредственные дружеские связи для укрепления взаимопонимания между народами, для культурного сотрудничества, обмена опытом в разрешении аналогичных проблем, стоящих перед городскими властями и организациями» [Большая советская энциклопедия, 1969–1978].

На новый уровень эта деятельность вышла после 1957 года, когда была создана институциональная основа для развития побратимских связей в виде Всемирной федерации объединенных (породненных) городов (ВМПГ). Организация выступает от имени местных и региональных органов власти со всех уголков мира, стремясь повысить их роль, влияние и стать основным источником информации, передового опыта и поддержки демократического, эффективного и инновационного местного самоуправления¹. Стоит подчеркнуть, что на момент 2023 года Российская Федерация остается членом Евразийской секции организации.

Во времена образования ВМПГ многие страны были скептически настроены к принятию в члены организации городов СССР. Так, Жан-Мари Брессан, занимавший в те времена пост генерального секретаря организации, отмечал, что «политическая ситуация во Франции очень сильно осложняет развитие Федерации из-за того, что степень недоверия к Советскому Союзу очень высока» [Максимов, 2011].

Причиной такой реакции послужил Суэцкий кризис, в котором СССР поддерживал Египет, и события в Венгрии 1956 года: контрреволюционное восстание, которое было подавлено с использованием военной силы. Стоит отметить, что любые действия по защите национальных интересов нашей страны (Российской Федерации или СССР)

приводили к незамедлительной реакции западных государств и ограничению развития сотрудничества, если сравнивать 1956 и 2022 годы.

Только спустя много лет, при М. С. Горбачеве и его новом внешнеполитическом курсе, который некоторыми современными исследователями оценивается довольно критически, политическая обстановка улучшилась и начался новый этап становления побратимских связей уже с городами России [Белозёров, 2011].

Другим примером институционализации породненных связей является Международная ассоциация «Породненные города». Стоит отметить, что на официальном сайте ассоциации представлена устаревшая информация².

Так, среди городов-побратимов Мурманска насчитывается девять зарубежных населенных пунктов: Акюрейри (Исландия), Вадсё (Норвегия), Гронинген (Нидерланды), Джексонвилль (США), Лулео (Швеция), Рованиemi (Финляндия), Тромсё (Норвегия), Щецин (Польша), Куксхафен (Германия). Фактически же в декабре 2022 года Мурманск разорвал отношения с Акюрейри в ответ на аналогичный шаг городского совета города³. Были разорваны побратимские связи с польским городом Щецином, в ноябре 2022 года о разрыве связи с Мурманском заявил норвежский Тромсё. Другими словами, статистика на официальном сайте Международной ассоциации «Породненные города» не обновлялась в течение целого года.

Для успешного функционирования побратимских связей помимо институциональной основы необходима политико-правовая база. Часть исследователей говорит о несовершенстве и недоработке юридической базы, регулирующей данный вид связей [Макаренко, Ожегова 2019; Фархутдинова, 2019].

Так, ни в одном документе, составляющих политико-правовую базу международных связей, согласно анализу, не представлено регламентаций деятельности породненных городов. Такая регламентация отсутствует и в политико-правовых актах РФ. Можно назвать следующие:

- Конституцию Российской Федерации;
- Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 04 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ»;

²Мурманск разорвал побратимские связи с исландским Акюрейри. URL: <https://ria.ru/20221215/murmansk-1838862564.html>

³Породненные города URL: <http://goroda-pobratimy.ru/porodnennye-goroda>

¹The World Organization of United Cities and Local Governments. URL: <https://www.uclg.org/en/organisation/about>

Постановление Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2000 г. № 91 «О принятии Правительством Российской Федерации решений о согласии на осуществление субъектами Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей с органами государственной власти иностранных государств»;

– Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 164 «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»;

– Указ Президента Российской Федерации от 08 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации».

Отдельно выделим документы концептуально-го характера, причем практически все из них были утверждены уже после указанных правовых актов.

Е. В. Кузнецова в своей работе опирается на Указ президента РФ, которым регламентируются побратимские связи, и указывает на ответственный за данный вид деятельности орган. Рассотрудничество, согласно своим полномочиям, «координирует сотрудничество между породненными городами»¹.

Следовательно, на современном этапе регламентация породненных связей содержится в договоренностях, соглашениях или иного рода письменных контрактах между городами. Причем данные документы не содержат обязательных или официальных предписаний, а определяют лишь самые общие направления сотрудничества городов. В качестве примера можно указать Соглашение о дружбе

и сотрудничестве между городским округом «Город Чита» и районом Хайлар 1992 года².

Другой проблемой становится недостаточный уровень квалификации и подготовки экспертов по международным делам. Представители региональных властей не всегда ориентируются в культуре определенного региона, с которым осуществляют международные или побратимские связи. Отсутствие информации о зарубежной стране, о традициях и обычаях, не говоря уже об экономической сфере, может стать серьезным препятствием на пути к развитию сотрудничества и международных связей. Другой стороной данной проблемы выступает незнание языка иностранного города. Условием успешного сотрудничества выступает максимально возможное преодоление языкового барьера, формирование коммуникативной компетентности специалистов. Следует отметить, что проблема коммуникативной компетентности остается недостаточно решенной в теоретическом плане [Белозёров, 2004].

Еще одним обстоятельством выступает недостаток осведомленности. Так, Т. Д. Макаренко утверждает, одним из условий успешного развития побратимских связей может выступать степень информированности населения городов-побратимов о наличии соответствующих отношений и проводимых в этой связи мероприятиях [Макаренко, Ожегова, 2019]. Разумеется, решение данной проблемы зависит от СМИ и возможностей коммуникации, которая в современных условиях быстро трансформируется [Белозёров, 2020].

¹Указ Президента Российской Федерации от 06 сентября 2008 г. № 1315 «Положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020/page/1>.

²Чита – Хайлар: 20 лет дружбы. URL: <http://www.visitchita.ru/ru/news/mejdunarodnoe-sotrudnichestvo/chita-hailar-20-let-drujbi.html>

Таблица 1

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

№	Документ	Год
1.	Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества	2010
2.	Концепция внешней политики Российской Федерации	2016
3.	Основы государственной пограничной политики Российской Федерации	2018
4.	Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года	2019
5.	Концепция приграничного сотрудничества	2020
6.	Морская доктрина Российской Федерации	2022
7.	Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом	2022

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПОБРАТИМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сегодня не имеет смысла подвергать сомнению важность побратимских связей как для самих городов и населения, так и страны, в целом. Территория распространения городов-побратимов не ограничивается одним континентом. Например, столица Республики Башкортостан Уфа имеет связи с такими городами, как Анкара (Турция), Шэньян, Провинция Ляонин (КНР), Цицикар, Провинция Хэйлунцзян (КНР), Хэфэй, Провинция Аньхой (КНР), Наньчан, Провинция Цзянси (КНР), Нур-Султан (Казахстан), Бишкек (Киргизская Республика), Минск (Белоруссия). Ставропольский край и его города установили побратимские связи с городами Темуко (Чили), Чжэньцзян, Чанджоу (КНР), Ереван (Армения), Пицунда (Абхазия), Сумгаит (Азербайджанская Республика). Сотрудничество между городами развивается в различных сферах.

До февраля 2022 года развитие побратимских связей шло по нарастающей, однако после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине часть городов-побратимов начала заявлять о разрыве или приостановлении побратимских связей с городами России. Так, правительства городов США Чикаго, Даллас и Де-Мойн приняли решение приостановить десятилетние отношения с российскими городами-побратимами, ссылаясь на СВО¹.

¹Города стремятся разорвать «побратимские» связи с правительствами России. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a62bebc6-64058fb0-8a24d4e7-74722d776562/

25 февраля 2022 года Челтнем приостановил побратимские связи с черноморским курортом Сочи. 26 февраля 2022 года договор о дружбе с Санкт-Петербургом приостановил Манчестер. В начале марта графство Дарем прекратило 54-летние связи с Костромой. 3 марта, Таллин прекратил партнерство с Москвой и Санкт-Петербургом, Гданьск – с Санкт-Петербургом и Калининградом, а Варшава – с Москвой, Санкт-Петербургом, Грозным, Нижним Новгородом и Смоленском. 4 марта городской совет Оксфорда приостановил побратимские связи с Пермью. 11 марта 2022 года городской совет Эссетера единогласно проголосовал за приостановку гражданских отношений с Ярославлем². Ссылаясь на известные политические процессы, можно провести аналогию и определить данные действия как «Парад приостановления побратимских связей».

Показательными примерами являются стирания любых упоминаний о России, наших интересах и культуре. Так, в августе 2022 года в Хельсинки демонтировали подаренный экс-побратимом Москвой памятник «Мир во всем мире», а Дюселедорф решил убрать с улиц таблички «Москва», напоминавшие о побратимских отношениях с российской столицей³.

<https://www.seattletimes.com/nation-world/cities-move-to-sever-sister-city-ties-with-russian-governments/>

²Брат ты мне или не брат. В Смоленске не жалеют о разрыве побратимских отношений с Варшавой. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249903> (дата доступа: 07.03.2023)

³Гуманитарные узы: какие города ЕС разрывают связи с побратимами в РФ. URL: <https://iz.ru/1381488/mariia-vasileva/gumanitarnye-uzy-kakie-goroda-es-razryvaiut-svizi-s-pobratimami-v-rf>

Таблица 2

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ГОРОДАМИ

№	Направление	Содержание
1.	Экономическое	Увеличение: импорта товаров и услуг; экспорта товаров и услуг; партнерских связей; инвестиций; количества рабочих мест; количества стажировок специалистов за рубежом. Учреждение международных предприятий
2.	Социальное	Развитие туризма. Увеличение количества международных спортивных, культурно-массовых, научных мероприятий. Формирование положительного образа города в глазах населения города-побратима
3.	Решение экологических проблем	Обмен информацией о глобальных проблемах; Организация мероприятий разного характера: уборка мусора, очистка водоема и т. д.
4.	Сотрудничество в научной сфере	Установление контактов и связей между представителями науки; студенческие обмены и стажировки, содействие распространению языка города-побратима.

Одной из самых серьезных проблем, которые не описывались в первой части, является политизация международных связей.

Российская Федерация и ее регионы по-прежнему представляют большой интерес для бизнесменов и инвесторов. Тем не менее возможное сотрудничество с иностранными партнерами и городами реструктурируется той политической обстановкой, которая существует в данной стране, и политизацией международных связей [Демидов, 2008].

В основном давление исходит от держав, придерживающихся западных либеральных ценностей, и выражается в политизации международных отношений, которые, в свою очередь, влияют на установление и развитие международных и побратимских связей. К сожалению, довольно часто федеральный уровень заполитизирован и зависит от решений ЕС и заокеанских партнеров. Таким образом, связи разрываются городами Украины, Польши, Финляндии и Прибалтики. По мнению А. Турова, заместителя председателя комитета Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, нет ничего удивительного в разрыве побратимских отношений. Так, существует множество примеров уничтожения мемориалов в честь советских воинов-освободителей в Польше и других странах ЕС¹.

Тем не менее стоит отметить положительное обстоятельство: большинство городов не «разрывают», а приостанавливают побратимские связи с городами России. Так, городской Совет города-побратима Глазго в своем письме заявил о временной приостановке побратимских отношений с Ростовом-на-Дону, а в немецких Дортмунде и Гере не стали делать заявление о разрыве отношений с Ростовом, но направили письма в адрес администрации Ростова с осуждением действий России на Украине. Власти других европейских городов-побратимов, таких как Севилья (Испания), Волоса (Греция), Плевена (Болгария), выразили надежду на продолжение сотрудничества после завершения военных действий на Украине².

Следовательно, сохраняется возможность принятия в перспективе мер со стороны как Российской Федерации, так и иностранных городов, направленных на нормализацию побратимских связей.

В первую очередь, необходимо осознать многообразие форм и географических направлений сотрудничества. Стоит усилить сотрудничество

с городами Африки и Азии. Так, посольство России в Республике Замбии предложило рассмотреть возможность установления побратимских отношений между Ростовом и столицей республики Лусакой³. Во-вторых, необходимо совершенствовать институциональную базу побратимских связей. Отличительным примером выступает сотрудничество города Ялты с иностранными городами после 2014 года в условиях санкционной политики, экономического кризиса и последствий COVID-19. Перечисленные непростые для города условия не воспрепятствовали продолжению обмена между делегациями из Европы и Ялты. Более того, город осуществил молодежные проекты с участием партнеров из ФРГ, а на основании Договора (соглашения) о сотрудничестве между Ялтой и Баден-Баденом (2000) созданы общества друзей между городами. Одной из возможных причин успеха города в развитии данного направления является развитая институционализация: в структуре ялтинской городской администрации воссоздан на сегодняшний день единственный в Республике Крым специализированный отдел внешних связей и регионального сотрудничества, который подчиняется непосредственно руководству городской администрации. Во-третьих, важно найти пути решения тех проблем, которые были описаны ранее, ведь только системный подход к развитию данного направления сможет внести положительный вклад в побратимское взаимодействие городов и привести к успеху сотрудничества между породненными городами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В научной литературе деятельность субъектов федераций на международной арене определяется как парадипломатия. Одним из направлений международного сотрудничества может стать установление побратимских связей между городами разных государств. До 2022 года российские города успешно реализовали данный формат сотрудничества. Тем не менее на современном этапе существует ряд нерешенных проблем, например, несовершенство законодательства, регулирующего побратимские связи, проблемы с институционализацией.

Одной из самых серьезных проблем является приостановление или разрыв побратимских связей с городами России после событий февраля 2022 года. Отметим, что данное следствие вызвано, в первую очередь, политизацией международных отношений. О разрыве побратимских связей объявляют власти городов Прибалтики, Украины,

¹Брат ты мне или не брат. В Смоленске не жалеют о разрыве побратимских отношений с Варшавой. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249903>

²Или не брат: какие города разорвали отношения с Ростовом. URL: <https://rostov.rbc.ru/rostov/22/04/2022/62626c4c9a7947f080a6afb8ahtps://www.kommersant.ru/doc/5249903>

³Там же.

Польши и Финляндии, другие же города заявляют о временном приостановлении сотрудничества. Причиной тому является осознание важности побратимских связей для развития города, повышения качества жизни населения, установления связей в области науки, культуры и спорта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колодяжная-Шереметьева С. В. Межмуниципальное сотрудничество в формате побратимских связей как неэкономический метод развития экономики Республики Крым // *BENEFICIUM*. 2021. № 2 (39). С. 83–89.
2. Duchacek I. D. *Perforated Sovereignities: Toward a Typology of New Actors in International Relations*

// *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford : Clarendon Press. 1990. P. 230–232.

3. Kuznetsov A. S. *Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international politics*. New York: Routledge. 2015.
4. Wolff S. *Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges* // *The Bologna Center Journal of International Affairs*. 2007. Vol. 10. № 1. P. 141–150.
5. Лошкарев И. Д. Внешние связи регионов: основные проблемы теории парадипломатии // *Право и управление. XXI век*. 2018. № 3 (48). С. 9–106.
6. Кузнецова Е. В. Взаимодействие породненных городов как социокультурная практика в интеграционных процессах евразийского пространства // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2022. Т. 13. № 3. С. 1–12.
7. Большая Советская энциклопедия: в 30 т. / под ред А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
8. Максимов В. Б. Образование Всемирной Федерации породненных городов и начало ее деятельности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. «История. Регионоведение. Международные отношения»*. 2011. № 1 (19). С. 121–127.
9. Белозёров В. К. Публичность, ответственность, экспертиза как условия эффективности политического руководства Вооруженными силами Российской Федерации // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. 2011. № 7. С. 96–107.
10. Макаренко Т. Д., Ожегова Л. А. Побратимские российско-китайские отношения как форма международного сотрудничества // *Российско-китайские исследования*. 2019. Т. 3. № 2. С. 42–52.
11. Фархутдинова К. В. Институт городов-побратимов в муниципальном праве Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 12–3 (39). С. 168–170.
12. Белозёров В. К. Информационный фактор формирования коммуникативной компетентности военных и политических кадров ФРГ // *Дистанционное и виртуальное обучение*. 2004. № 3. С. 80–90.
13. Белозёров В. К. Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 2. С. 177–194.
14. Демидов А. В. Межрегиональные и приграничные связи во внешней политике России // *Право и безопасность*. 2008. № 4. С. 26–34.

REFERENCES

1. Kolodyazhnaya-Sheremetyeva, S. V. (2021). Inter-Municipal Cooperation in the Format of Twinning Relations as a Non-Economic Method of Economic Development of the Republic of Crimea. *BENEFICIUM*, 2(39), 83–89. (In Russ.)
2. Duchacek, I. D. (1990) *Perforated Sovereignities: Toward a Typology of New Actors in International Relations*. In *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* (pp. 230–232). Oxford: Clarendon Press.
3. Kuznetsov, A. S. (2015) *Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international politics*. New York: Routledge.
4. Wolff, S. (2007) *Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges*. *The Bologna Center Journal of International Affairs*, 1(10), 141–150.
5. Loshkariov, I. D. (2018). External Relations of the Regions: the Main Problems of Paradiplomacy Theory. *Journal of Law and Administration*, 3(48), 99–106. (In Russ.)
6. Kuznetsova, E. V. (2022). Vzaïmodejstvie porodnennyh gorodov kak sociokul'turnaja praktika v integracionnyh processah evrazijskogo prostranstva = Interaction of twin cities as a socio-cultural practice in the integration processes of the Eurasian space. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 13(3), 1–12. (In Russ.)

7. Prohorov, A. M. (Ed.) (1969–1978). Bol'shaja Sovetskaja jenciklopedija. Volum 30. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)
8. Maksimov, V. B. (2011). Obrazovanie Vsemirnoj Federacii porodennyh gorodov i nachalo ee dejatel'nosti = On Foundation of the World United Towns Federation and Commencement of Its Functioning. Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations, 1(19), 121–127. (In Russ.)
9. Belozero, V. K. (2011). Publichnost', otvetstvennost', jekspertiza kak uslovija jeffektivnosti politicheskogo rukovodstva Vooruzhennymi silami Rossijskoj Federacii = Publicity, responsibility, Expertise as conditions for the effectiveness of the Political leadership of the Armed Forces of the Russian Federation. Vestnik of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7, 96–107. (In Russ.)
10. Makarenko, T. D., Ozhegova, L. A. (2019). Twin-city Russian-Chinese Relations as a Form of International Cooperation. Russian & Chinese studies, 3(2), 42–52 (In Russ.)
11. Farkhutdinova, K. V. (2019). Institute of Sister Cities in Municipal Law of the Russian Federation. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 12–3(39), 168–170. (In Russ.)
12. Belozero, V. K. (2004). Informacionnyj faktor formirovanija kommunikativnoj kompetentnosti voennyh i politicheskikh kadrov FRG = Information factor of formation of communicative competence of military and political personnel of Germany. Distancionnoe i virtual'noe obuchenie, 3, 80–90. (In Russ.)
13. Belozero, V. K. (2020). International Political Communication in The Context of Digitalization of World Development. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 13. 2, 177–194. (In Russ.)
14. Demidov, A. V. (2008). Mezhhregional'nye i prigranichnye svjazi vo vneshnej politike Rossii = Interregional and cross-border relations in Russia's foreign policy. Pravo i bezopasnost', 4, 26–34. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зотов Вячеслав Сергеевич

соискатель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zotov Viacheslav Sergeevich

PhD Student at the Department of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_28

Африканская политика Франции при президенте Э. Макроне

Е. В. Петкова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mrsfreeman1892@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается африканская политика Франции президента Э. Макрона. Особое внимание уделяется методам и формам взаимодействия сторонами. В работе рассмотрены актуальные проблемы, оказывающие негативное влияние на имидж Франции в Африке.

Ключевые слова: Франция, Африка, внешняя политика, доктрина Макрона

Для цитирования: Петкова Е. В. Африканская политика Франции при президенте Э. Макроне // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 28–34. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_28

Original article

French Politics in Africa under President E. Macron

Elena V. Petkova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mrsfreeman1892@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the African policy of France under the presidency of E. Macron. Particular attention is paid to the methods and forms of interaction between France and Africa. The paper deals with relevant issues that have a negative impact on the French authority in Africa.

Keywords: France, Africa, foreign policy, the Macron doctrine

For citation: Petkova, E. V. (2023). French politics in Africa under President E. Macron. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 28–34. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_28

ВВЕДЕНИЕ

Французская внешняя политика многовекторна. Среди ее основных направлений выделяется африканская политика, которая долгое время рассматривалась в качестве фундаментального, но в то же время уникального явления. Фундаментального, потому что с геополитической точки зрения Африка оставалась единственным континентом, где Франция могла надеяться после движения за деколонизацию сохранить сильное лидерство и реальное влияние, «соизмеримое с ее амбициями великой державы» [Châtaigner, 2006]. Африканская политика Франции никогда полностью не сочеталась с ее внешней политикой с ее отношением к другим странам мира. До 1999 года сохранялось Министерство сотрудничества с африканскими государствами, отделенное от Министерства иностранных дел, обладающее реальной политической автономией. На современном этапе существует индивидуализированный африканский департамент при Министерстве иностранных дел.

Примечательна также преемственность африканской политики. Президенты Пятой республики, сменяя друг друга, оставались верны идее новых отношений Франции и Африки. Основные положения заключались в формировании равноправного диалога между сторонами, многостороннем сотрудничестве и невмешательстве во внутренние дела африканских государств. Но как только французские интересы оказывались под угрозой, риторика политиков Пятой республики менялась. Особенно заметно она менялась, когда речь шла о «захвате природных богатств суверенных государств» [Филиппов, 2017]. Так, Н. Саркози в 2008 году говорил о том, что Франция больше не будет присутствовать в Африке в качестве жандарма (*Vie Publique*, 29.02.2008). Однако при смене интересов политического руководства Франции страна участвует в интервенции в Ливию (*L'OBS*, 29.03.2018). Ф. Олланд, будучи на посту президента, также настаивал на проведении политики невмешательства и на установлении равного диалога между сторонами (*ИМЭМО*, 21.06.2017), но события в ЦАР и Мали стали веским основанием, для того чтобы изменить изначальные планы, так было положено начало операции «Бархан» [Laboeuf, 2014]. Следовательно, намечаемая президентами политика могла быть изменена согласно интересам Франции. Франция осуществляла свою политику, игнорируя потребности африканских партнеров. Вместе с тем все еще декларировалась официальная позиция Парижа о равноправном партнерстве, существовавшая только в теории.

АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА Э. МАКРОНА

Президент Франции Э. Макрон занимает четкую позицию в отношениях с африканскими государствами. Он ее сформулировал, в частности, в своей речи в Уагадугу в ноябре 2017 года (*Le Monde*, 28.11.2017): выйти из франкоязычного «пре-Карре»-африканских стран, сохранивших наиболее тесные связи с бывшей метрополией и нуждающиеся, по мнению Франции, в постоянной защите, сделать ставку на молодежь и, следовательно, на образование. Особенность проводимой социальной политики заключалась в том, что высококвалифицированные специалисты, вернувшись домой, станут рупором политических и экономических интересов Франции (*Le Figaro*, 28.11.2017). Представлялось важным преодолеть определенные исторические и психологические препятствия, связанные с колониальным и постколониальным прошлым, укрепить позиции Европы и Франции в качестве основных партнеров на ближайшие десятилетия для Африканского континента. Помимо этого, для активного влияния Франции в Африке использовалась ее экономическая помощь (*Le Monde*, 12.04.2012) африканским странам, в особенности франкофонным государствам. При этом целенаправленно продвигалась одна из основ французской культурной политики – язык. С данной задачей успешно справляется Международная организация Франкофонии, учрежденная в 2005 году. В целом Э. Макрон следовал французской логике «мягкой силы» тем самым представляя африканскую политику немного привлекательней, чем она была на самом деле [Филиппов, 2018].

В конце 2020 года Президент Пятой республики Э. Макрон встретился с представителями «Groupe d'études géopolitiques»¹ и определил актуальные направления взаимодействий, которые считает «жизненно важными не только для Франции и Африки, но и для Европы» (*GEG*, 16.11.2020). Положения, озвученные Э. Макроном, получили соответствующее название «Доктрина Макрона». В ходе дискуссии Президент обозначил наиболее важные аспекты сотрудничества ЕС, Франции и Африки. Вот некоторые из них:

1. Новый формат партнерства «Европа–Африка» включал в себя помощь в усовершенствовании системы здравоохранения и борьбу с терроризмом. По мнению президента Франции, Европа и Африка имеют общую судьбу и переживают

¹Groupe d'études géopolitiques – Группа геополитических исследований, или GEG – это французский аналитический центр, который проводит междисциплинарные исследования, связанные с европейской геополитикой. Зарегистрирована в Высшей нормальной школе в 2017 году.

схожие кризисы, среди которых исламистский терроризм, бедность, проблема здравоохранения, на которую глава Республики делает особый упор. Э. Макрон отметил, что это общие проблемы и предложил партнерство между Европой и Африкой, которое должно было быть отмечено реальным равенством двух государств. А символом этого равного партнерства господин Макрон назвал создание и применение вакцины от COVID-19.

2. Новое восприятие Африки. По мнению президента, с превращением Европы в ведущую образовательную, медико-санитарную, цифровую и «зеленую державу», активно отстаивающую различные ценности» афроевропейская ось становится важным направлением европейского развития.

По словам Э. Макрона, поворот в сторону Африки следует рассматривать как настоящий исторический разрыв с европейско-африканским прошлым. Для обновленного восприятия Африки необходимо выйти за рамки исключительно миграционной перспективы. Но для этого необходимо провести реформу миграционной политики. Она была задумана, чтобы предотвратить то, что президент называет «массовым злоупотреблением права на убежище». Фактически это попытка перестроить отношения с бывшими колониями и другими африканскими государствами, представляющими интерес для Франции, отбросить образ «колонизатора» в пользу нового диалога «Европа–Африка», цель которого – сохранение доступа к необходимым ресурсам (*Le Grand Continent*, 16.11.2020). Такой же концепции придерживалась и предшествующие президенты Пятой республики, однако в рамках реальных действий принципы навязывания африканским странам французской воли просто принимали новый облик.

В целом доктрина Макрона направлена на пересмотр отношений Франции и Африки, она предполагает новый вектор развития, исключая колониальное прошлое сторон и включающий третьего партнера – ЕС.

В отчете Елисейского дворца утверждается, что с 2017 по 2022 год установлено «новое партнерство» с Африкой, основанное, в частности, на «успокоении памяти» возвращении произведений искусства, некогда разграбленных французскими колониальными войсками, и реформе франка КФА. Некоторые специалисты считают эту валюту отголоском колониализма и инструментом влияния Парижа, тормозящего экономическое развитие в странах использования [Жамбиков, 2020]. Эти элементы взаимодействия регулярно подчеркиваются в сообщениях французского правительства относительно его африканской политики. Но очевидно, что этого недостаточно и что есть огромное

количество факторов, которые несколько ухудшили отношения между Африкой и Францией.

Одно из препятствий к эффективному франко-африканскому взаимодействию – отсутствие конструктивного политического диалога. В любом случае возникающие политические проблемы в конечном итоге начали активно разрастаться, и необходимость общения с африканскими коллегами стала очевидной для президента. В апреле 2021 года в Париже состоялась встреча, посвященная проблеме финансовых задолженностей, с участием нескольких глав африканских государств. Отсутствие четко установленной формы отчетности о распоряжении финансами для африканских партнеров приводит к неконтролируемым расходам и, соответственно, к долгам. Э. Макрону пришлось столкнуться также и с ухудшением отношений между Мали и Францией.

Демократически избранный президент Ибрагим Бубакар Кейта был отстранен от власти малийскими военными в 2018 году. В течение нескольких месяцев антифранцузские и антинаркотические демонстрации усилились. Новый военный путч, совершенный в мае 2021 года, который еще сильнее отдал Мали от демократических процессов, а приход к власти полковника Ассими Гойта знаменовал окончательный разрыв с бывшей колониальной державой (*Public Senat*, 13.05.2022).

В январе 2020 года несколько лидеров континента были приглашены для обсуждения ситуации в Сахаро-Сахельском регионе. Вопрос сохранения безопасности и ведения борьбы против террористических группировок в регионе требовал незамедлительного решения, потому что напрямую влиял на франко-африканское экономическое сотрудничество [Les conflits, 2017]. Нестабильность в регионе могла негативно повлиять на освоение урановых месторождений в Нигере – важного для Франции энергоносителя и на реализацию проектов, связанных с доступом к водным ресурсам и развитием транспортных путей в Нигерии, Чаде и Буркина-Фасо, что повлекло бы за собой значительные финансовые издержки [Чихачев, Бирон, 2018].

Во время правления Э. Макрона действительно были предприняты различные политические меры, направленные на улучшение отношений между сторонами, однако их результаты не всегда были положительными (*Le grand continent*, 24.12.2020). Разрушенные отношения с Мали, нестабильность в Сахаро-Сахельском регионе негативно отразились на авторитете Франции.

Следует отметить, что президент Франции заинтересован и в сотрудничестве со странами за пределами французского пре-Карре. В Нигерии в июле 2018 года (*Le parisien*, 04.07.2018) он

проявил интерес к деятельности малых и средних предприятий страны, ее предпринимателей и создателей стартапов. Проводимая Францией политика уникальна тем, что она охватывает различные сегменты экономики. Развитие отношений с крупными и мелкими компаниями позволяет заключить множество торговых соглашений и контрактов, тем самым сделать франко-африканские связи еще более тесными. Темы экономического развития и подготовки квалифицированных кадров также были затронуты во время его визита в Кению в марте 2019 года (*Elysée*, 14.03.2019). Тогда между Парижем и Найроби начался конструктивный диалог. Полтора года спустя президент Ухуру Кеньятта был принят в Елисейском дворце. Французское правительство также проявило интерес к сотрудничеству с Эфиопией и ЮАР (*IFRI*, 08.04.2022). Посетив Африканский Рог, Э. Макрон заключил договоры об экономическом сотрудничестве, в том числе касающиеся сбыта нефтепродуктов и поставки солнечных панелей [Наджаров, 2021]. Данные события действительно демонстрирует желание сторон наладить диалог, однако первым препятствием стала пандемия COVID-19, а вторым – Специальная военная операция на Украине, так как при голосовании, требующем вывода российских войск с территории Украины, некоторые государства Африки воздержались, в том числе и ЮАР. Франция полагалась на поддержку африканских партнеров в этом вопросе, однако они не последовали за Пятой республикой. Вполне очевидно, что подобные решения африканских правительств не соответствуют ожиданиям Парижа и впоследствии отразятся на отношениях между сторонами.

ФРАНЦИЯ НА ПУТИ НОВОГО ДИАЛОГА С АФРИКОЙ

Относительно нового диалога между Францией и Африкой среди политологов не наблюдается безусловного единодушия. У представителей научного сообщества разное видение того, как должны строиться отношения далее. Историк и политолог из Камеруна Адиль Мбембе выделил несколько направлений, по которым необходимо провести работу: отказ от дипломатии влияния; прекращения французского военного присутствия на континенте; поддержка развития африканской демократии и инвестиции в различные проекты (*Jeune Afrique*, 11.05.2022). По его мнению, новый диалог по выделенным направлениям станет отправной точкой в развитии равных франко-африканских отношений. Однако французский специалист по развитию Стефан Мадуль менее оптимистичен.

Опираясь на волны антифранцузских настроений, он отмечает, что временно лучше дистанцироваться от Африки, так как огромные финансовые вливания до сих пор себя не оправдали, но подчеркивает необходимость продолжать помогать в ликвидации чрезвычайных гуманитарных ситуаций или в борьбе с нищетой (*Alternatives Economiques*, 30.11.2022). Невзирая на мнения различных представителей обеих сторон, президент Пятой республики не оставляет попыток наладить контакт с африканскими партнерами.

После переизбрания в апреле 2022 года Э. Макрон активно продолжает воплощать свои цели относительно «нового диалога» с Африкой. В новостном выпуске канала «Etele BENIN» обсуждался вопрос о самой сути африканской политики Франции. Было отмечено, что взаимодействия между сторонами несут более лояльный характер, «политика господства» канула в историю, и культурные ценности начали выходить на первый план (*Etele Benin*, 30.04.2022).

Основополагающим элементом в нынешних отношениях Франции и Африки является политика безопасности. Однако военное вмешательство Парижа довольно часто получало негативный отклик у африканского населения. Следует отметить, что важным шагом во франко-африканском диалоге является завершение военной операции «Бархан» (2014–2022) [Современная Франция, 2022]. Главная задача операции заключалась в обеспечении безопасности и борьбе с терроризмом в зоне Сахеля [Емельянов, Сидорова, 2021]. В ноябре 2022 года Э. Макрон объявил о завершении операции «Бархан». Некоторые специалисты полагают, что данное решение было принято из-за предстоящих президентских выборов и роста антифранцузских настроений на Африканском континенте (*Anadolu Agency*, 13.06.2021). Сам президент объяснил свое решение тем, что французское присутствие должно быть ограничено по времени и дальнейшая стратегия взаимодействия будет сформулирована в течение шести месяцев после вывода войск (*ICI*, 09.11.2022). В Нигерии эта новость стала «невероятно приятным событием», которое они встретили с радостью и облегчением (*DW*, 09.11.2022). Однако были озвучены мнения о том, что битва еще не окончена и что этот шаг просто часть новой французской стратегии, направленной на сближение. Следует отметить, что успешная реализация новых принципов взаимодействия с африканскими государствами требует решения ряда проблем, одной из которых является сформировавшийся негативный образ Франции.

Имиджевая политика Пятой республики долго была движущей силой на африканском континенте, так как в большей степени опиралась на общность истории и культурно-ценностных ориентиров и не встречала сопротивления. Однако на современном этапе формирование позитивного образа Франции является наиболее важной и сложной проблемой. С ростом антифранцузских настроений возникла необходимость пересмотра некоторых механизмов формирования позитивного образа Франции. Для этого действия правительства по проведению политики безопасности и распространению демократических ценностей преподносились в качестве «вынужденной необходимости» с упором на то, что в силу исторической близости Пятая республика четко представляет потребности африканских государств и именно поэтому является предпочтительным партнером. В начале второго президентского срока Э. Макрон посетил Камерун, Бенин и Гвинею-Бисау, в основном речь шла о равном партнерстве, взаимопомощи и сохранении безопасности на континенте. Учитывая, что в качестве достойного партнера африканские страны рассматривают также Россию, Э. Макрон не упустил возможности назвать нашу страну колониалистской (*Le soleil*, 27.07.2022). Подобная формулировка была выбрана не случайно, давление на колониальное прошлое Африки очень часто находит мощный отклик среди правительств и населения африканских стран. Смысл подобных высказываний заключался в том, чтобы понизить привлекательность России как потенциального партнера и в то же время сделать французское предложение о сотрудничестве более конкурентоспособным.

В основном позитивный образ Франции на африканском континенте базируется на культурной политике и экономической помощи. Особое место отводится Международной организации Франкофонии (МОФ). В ее круг задач входит взаимодействие с молодежью, продвижение французских ценностей, языка и видение актуальной международной обстановки [Leveratto, 2021]. Несмотря на заявления о формировании новых партнерских отношений, Париж рассматривает МОФ в качестве

отправной точки для еще большего развития французского бизнеса в Африке [Магадеев, 2022].

Согласно заявлениям Министерства иностранных дел Франции, финансовая помощь Африке в первую очередь направлена на проекты по обеспечению мира и безопасности, развитию здравоохранения и образования, а также на принятие мер по борьбе с изменением климата (*Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères*, 01.04.2021). Париж прилагает огромные усилия для повышения имиджа страны, однако их ключевое положение об обеспечении безопасности довольно быстро становится катализатором недовольств на африканском континенте. Тем не менее Сенат Франции на постоянной основе проводит множество дискуссий о роли государства в Африке, об эффективных методах борьбы с негативным образом страны, но они не получили пока логического завершения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальная африканская политика Франции принимает новый облик. Обещания взаимовыгодного сотрудничества, обеспечения безопасности, экономического и социального развития говорят о попытках Э. Макрона сделать Пятую республику вновь привлекательным и интересным партнером.

Вполне очевидно, что потеря французского авторитета в Африке беспокоит президента, в связи с этим, задавая новое направление франко-африканскому диалогу, Э. Макрон отказался от политики своих предшественников и активно форсирует французскую культурную политику в африканских странах. Выбор в пользу культурного воздействия посредством языка и образования вполне логичен. Для многих африканских государств именно французский язык является связующим звеном с внешним миром. Опираясь общностью ценностей, давая большую свободу в принятии некоторых политических решений, президент Франции пытается получить одобрение со стороны африканских партнеров. Подобное проявление лояльности необходимо Пятой республике, чтобы реализовать свою главную

цель — взаимодействие стран Африки с другими государствами и ЕС через Францию. Реальная возможность воплощения подобной политики кажется маловероятной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Châtaigner, J-M. Principes et réalités de la politique africaine de la France // *Afrique Contemporaine*. 2006. № 220 (4). P. 247–248.

2. Филиппов В. Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2017. № 2. С. 402–415.
3. Leboeuf A. La politique africaine de la France sous François Hollande. Renouveau et impensé stratégique. Bruxelles : IFRI, 2014.
4. Филиппов В. Р. Африканская политика Э. Макрона: «мягкая сила» или сила оружия? // Международные отношения. 2018. № 2. С. 111–112.
5. Жамбиков А. М. ЭКОВАС и введение единой валюты в Западной Африке: проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2020. № 3. С. 54–58.
6. Les conflits dans la région du Sahel et leurs conséquences sur le développement / Nations Unis; Commission économique pour l'Afrique. Addis-Abeba : Groupe de la publication et de l'impression de la CEA, 2017.
7. Чихачев А. Ю., Барон Ю. С. Французская операция «Бархан»: Pro et contra // Мировая политика. 2018. № 4. С. 56–66.
8. Наджаров А. М. Внешняя политика Франции в войне Африканского Рога // Современная Европа. 2021. № 5. С. 190–198.
9. Современная Франция: между тревогами и надеждами / отв. ред. М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. М. : ИМЭМО РАН, 2022.
10. Емельянов А. И., Сидорова Г. М. Антитеррористическая стратегия Франции в зоне Сахеля в рамках европейской безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 4 (845). С. 50–51.
11. Leveratto J. M. Politique linguistique et politique culturelle de la France en Afrique subsaharienne // HAL Open Science. 2021, April 19. URL: <https://hal.univ-lorraine.fr/hal-03201788>
12. Магадеев И. Э. Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в Субсахарской Африке: преемственность и новизна // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 1. С. 114–128.

REFERENCES

1. Châtaigner, J. M. (2006). Principes et réalités de la politique africaine de la France. *Afrique Contemporaine*, 220(4), 247–261.
2. Filippov, V. R. (2017). Fransafrique and Ethics in International Relations. *Vestnik RUDN. International relations*, 2, 402–415. (In Russ.)
3. Leboeuf, A. (2014). La politique africaine de la France sous François Hollande. Renouveau et impensé stratégique. Bruxelles: IFRI
4. Filippov, V. R. (2018). Afrikanskaia politika E. Macrona: “myagkaya sila” ili sila oruzhii = E. Macron’s African policy: “soft power” or the power of weapons? *Mejdunarodnyi jurnal*. 2, 111–122. (In Russ.)
5. Zhambikov, A. M. (2020). ECOWAS and the introduction of single currency in West Africa: problems and prospects. *Asia and Africa Today*, 3, 54–58. (In Russ.)
6. Commission économique pour l'Afrique (2017). Les conflits dans la région du Sahel et leurs conséquences sur le développement. Addis-Abeba: Groupe de la publication et de l'impression de la CEA.
7. Chikhachev, A. Y., Biron, Y. S. (2018). Frantsuzskaya operatsiya «Barkhan»: Pro et Contra = French operation «Barkhan»: Pro et Contra. *Mirovaja politika*, 4, 56–66. (In Russ.)
8. Nadzharov, A. M. (2021). French Foreign Policy in the Horn of Africa Region. *Sovremennaya Evropa*, 5, 190–198. (In Russ.)
9. Klinova, M. V., Kudryavtsev, A. K., Timofeev, P. P. (Eds.) (2022). *Sovremennaya Frantsia mejdu trevogami i nadejdami = Modern France: between worries and hopes*. Moscow: IMEMO RAN. (In Russ.)
10. Emelianov, A. I., Sidorova, G. M. (2021). French anti-terrorist strategy in the Sahel zone within the framework of European security. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4 (845), 47–63. (In Russ.)
11. Leveratto, J. M. (2021). Politique linguistique et politique culturelle de la France en Afrique subsaharienne. HAL Open Science. <https://hal.univ-lorraine.fr/hal-03201788>
12. Magadeev, I. E. (2022). Multilateralism as Forced Necessity? Evolution of the French Policy in Sub-Saharan Africa: Continuity and Change. *International Organisations Research Journal*, 1, 17, 114–128. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петкова Елена Васильевна

аспирант кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petkova Elena Vasilevna

PhD Student at the Department of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	08.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 327.8

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_35

Характеристика роли США и их западных союзников на Ближнем Востоке (на примере сирийского конфликта)

Е. О. Савченко

Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Смоленск, Россия
savchenko_eugene@mail.ru

Аннотация. В статье дается характеристика роли США и их западных союзников на Ближнем Востоке (на примере сирийского конфликта). Анализ показывает, что в настоящее время данный конфликт утратил приоритет для США, однако они сохраняют военно-политическое присутствие в Сирии для возможного оказания влияния на ситуацию в регионе. В частности, сформулирован вывод о том, что, в рядах США и их западных союзников отсутствует единая позиция в отношении региона и что помощь союзников является преимущественно символической.

Ключевые слова: внешняя политика США, Ближний Восток, конфликт в Сирии, внешняя политика России, союзники США

Для цитирования: Савченко Е. О. Характеристика роли США и их западных союзников на Ближнем Востоке (на примере сирийского конфликта). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 35–41. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_35

Original article

Assessment of the US and Their Western Allies' Role in the Middle East (case of Syrian conflict)

Evgenii. O. Savchenko

Smolensk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Smolensk, Russia
savchenko_eugene@mail.ru

Abstract. The paper describes role of the United States and its Western allies in the Middle East (based on Syrian conflict case). The analysis shows that now this conflict has lost priority for the United States, however, they maintain a military-political presence in Syria in order to possibly influence the situation in the region. In particular, the conclusion is formulated that, in the ranks of the United States and its Western allies, there is no unified position regarding the region and that the help of the allies is rather symbolic.

Keywords: US foreign policy, Middle East, conflict in Syria, Russia foreign policy, US allies

For citation: Savchenko, E. O. (2023). Assessment of the US and their Western allies role in the Middle East (case of Syrian conflict). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 35–41. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_35

ВВЕДЕНИЕ

Текущая администрация США продолжила направленный на сдерживание Китая внешнеполитический курс, инициированный Д. Трампом. Так, в своей первой внешнеполитической речи 4 февраля 2021 года Дж. Байден обратил внимание на необходимость противостояния КНР и продолжил формировать системные рамки данного курса. Не случайно, что уже в марте 2021 года соответствующие программно-доктринальные документы были представлены Британией, позиционирующей себя как тесного военно-политического союзника США. В них акцент был сделан на противостояние Китаю, а проблематика Ближнего Востока (как и в американских документах) отошла на второй план, хотя еще не так давно роль региона была более важной как для США, так и для их союзников.

После стабилизации процессов, инициированных «арабской весной», которая изменила политику США в отношении региона, приоритеты Белого дома в настоящее время следующие:

- трансформация отношений с государствами Ближнего Востока (в том числе и с Израилем) с акцентом на противостояние с КНР;
- иранская проблема.

На определенном этапе сирийское направление было одним из приоритетов США, что подтверждается объемом финансирования. По данным Службы исследований Конгресса США (CRS), за период 2012–2021 годов финансирование составило около 3 млрд долл. США на гуманитарные цели, что существенно превышает показатели финансирования Ирака [Sharp, Humud, Collins, 2021].

Что касается ситуации вокруг Ирана, то изначально после прихода к власти Дж. Байдена США прилагали усилия по перезапуску переговоров по ядерной программе, что было приоритетом для Вашингтона. Однако геополитический конфликт на Украине и последовавшее российско-иранское сближение, а также рост напряженности в отношениях США с КНР привели к тому, что Иран отошел на второй план.

США прилагали активные усилия по привлечению своих западных союзников для обеспечения интересов на Ближнем Востоке. Цель данного исследования – рассмотреть их роль на примере сирийского конфликта.

ОЦЕНКА СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА В РАЗРЕЗЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США И РОЛИ ИХ ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ

К настоящему моменту конфликт в Сирии утратил приоритет для США и перестал быть центральным

фактором их политики в регионе. Однако Белый дом продолжает сохранять присутствие в Сирии. Ниже рассмотрим сирийский конфликт, а также роль в нем США и их западных союзников.

На начальном этапе сирийского конфликта (до конца 2011 года) европейские союзники США (Франция) предпринимали попытки играть самостоятельную роль, что можно объяснить демонстрацией своей внешнеполитической субъектности (как и ранее в Ливии). Однако уже к началу 2012 года американская администрация начала доминировать, оказывая давление не только на партнеров, но и на другие страны. Она требовала и добивалась поддержки своих шагов и мер против режима Б. Асада, включая и введение санкций.

Для повышения легитимности внешнего вмешательства в дела Сирии ставка была сделана на привлечение как постоянных, так и временных союзников, а также на международные организации (ООН, ОЗХО и др.). Участие в сирийском конфликте не соответствовало их интересам, некоторые из них (Германия) дистанцировались, ограничившись символической, гуманитарной и / или политико-дипломатической, поддержкой. Другие страны (Франция, Британия) более активно поддерживали США практически на всем протяжении конфликта (от инициатив США в ООН и на других международных площадках, выделения средств на цели гуманитарной помощи до фактического ограниченного участия в боевых действиях на стороне США (Британия)). Так, указанные государства приняли участие в нанесении совместных с США ракетных ударов по Сирии в ночь на 14 апреля 2018 года, при этом другие страны НАТО выразили полную поддержку данному решению (*Коммерсант*. 14.04.2018).

По мнению Н. А. Ахтамзян, основными направлениями помощи со стороны Германии были:

- организация «воздушных мостов» для доставки продуктов питания в труднодоступные и отдаленные районы;
- помощь медучреждениям (70 проектов);
- участие в разминировании освобожденных от группировки «Исламское государство» («ИГ») населенных пунктов;
- поддержка оппозиционных лидеров и отрядов так называемой гражданской обороны [Ахтамзян, 2018].

Постепенно западные союзники США меняли свою позицию, делая акцент на использовании невоенных инструментов и дистанцируясь от Вашингтона, который со второй половины 2018 года также существенно снизил интенсивность ударов по территории Сирии, предпочитая предоставлять Израилю информацию для нанесения ударов по целям в этой стране.

Во Франции дистанцирование стало заметно во второй половине 2018 года, что можно объяснить общим ухудшением трансатлантических отношений и политикой Д. Трампа (в частности, он стремился снизить уровень присутствия США в Сирии, что вызвало недовольство европейских союзников, которые не хотели брать на себя дополнительные обязательства). Франция начала делать акцент на финансовой помощи. В июне 2020 года она объявила о новых финансовых взносах в целях:

- реагирования на чрезвычайную гуманитарную ситуацию в Сирии;
- поддержки сирийских беженцев и принимающих их стран [Война в Сирии: понимание позиции Франции, 2021].

Отмечалось, что в 2021–2022 годах Франция предоставит финансовую помощь в размере более 560 млн евро для сирийского населения, находящегося в бедственном гуманитарном положении, беженцев и принимающих стран, в частности Ливана и Иордании.

Указанная тенденция получила дальнейшее развитие, а возникшая в начале 2020 года пандемия коронавируса и последовавшие за ней экономические проблемы стали факторами, обусловившими снижение роли Ближнего Востока во внешнеполитической повестке стран Запада.

Рассматривая в динамике ситуацию в Сирии, необходимо обратить внимание на следующее. В самом начале сирийского конфликта Белый дом ограничивался заявлениями, делая ставку на информационную кампанию против режима Б. Асада через СМИ и соцсети, в которых обосновывался тезис о необходимости свергнуть Б. Асада.

В конце марта – начале апреля 2011 года ряд стран Запада выразили возмущение действиями сил правительства Сирии по подавлению протестов, но каких-либо значимых мер принято не было. В августе 2011 года президент США Б. Обама призвал к смене режима в Сирии (*The Times*, 19.08.2011). Однако на тот момент уровень информационно-пропагандистской кампании не был высоким, усилившись только к концу 2011 года. Тогда же Белый дом и начал предпринимать первые практические шаги против законной власти Сирии. Прежде всего, это выразилось в финансовой, а затем и в военной помощи антиправительственным элементам, которая позднее начала предоставляться и западными союзниками США, при этом Британия и Франция стремились играть активную роль.

Фактический распад ВС Сирии, выразившийся в массовом дезертирстве и переходе на сторону противника, привел к существенному ослаблению ее военного потенциала и значительному

ухудшению позиций правительства. Примерно в конце 2012 – в начале 2013 года активно обсуждался вопрос о вторжении США в Сирию с целью свержения режима Б. Асада. Несмотря на лоббистские усилия ряда политических сил и внешних акторов, включая Саудовскую Аравию, и на «раскрученную» в СМИ и соцсетях кампанию, администрация Б. Обамы не спешила принимать радикальное решение, что можно объяснить рядом факторов.

Во-первых, после гибели лидера Ливии М. Каддафи произошло резкое обострение ситуации в стране. Во-вторых, на тот момент существенно ухудшилась обстановка в Ираке, куда в 2011 году Белый дом был вынужден вновь ввести ограниченный контингент ВС. В-третьих, военное руководство США постоянно предупреждало, что военная операция не приведет к устранению причин конфликта, хотя и позволит достичь некоторых военно-политических целей.

И всё же аргументы постепенно склонялись в пользу вторжения. В середине 2013 года США предприняли попытку «разыграть карту химического оружия», что стало бы формальным поводом для начала наземной операции сил коалиции во главе США (для этого велась «накачка» общественного мнения как США, так и других стран Запада) [Blanchard, Sharp, 2013].

Запад осудил применение химоружия в Сирии 21 августа 2013 года, однако ЕС и НАТО заняли осторожную позицию, подчеркнув важность работы через ООН и отметив необходимость принятия мер против режима Б. Асада только после публикации соответствующего отчета ООН по расследованию указанной химической атаки. Позицию США по вторжению в Сирию и участию в операции из европейских союзников поддержала только Франция. Позиция Британии была обусловлена тем, что 29 августа 2013 года Палата общин проголосовала против участия в какой-либо операции США в Сирии.

На этом фоне президент России В. Путин выступил с инициативой ликвидации химоружия сирийского правительства под контролем ООН и ОЗХО. Такой поворот событий привел к тому, что администрация Б. Обамы отказалась от вторжения в Сирию, сделав ставку на не прямые методы вмешательства. Это позволило президенту Б. Асаду удержать власть и укрепить свои позиции, а дальнейшее вмешательство со стороны России и Ирана привело к перелому в войне и стало фактором ослабления позиций Вашингтона как в Сирии, так и на Ближнем Востоке.

В то же время, учитывая, что именно Конгресс США санкционирует применение ВС, в тот период

администрация Б. Обамы продолжала работать над получением со стороны Конгресса такой санкции, одновременно проводя развертывание ВС в районе Сирии (кораблей ВМФ США USS Stout, USS Gravelly, USS Mahan, USS Barry, USS Ramage, а также сил 26-го экспедиционного подразделения морской пехоты) [Blanchard, Sharp, 2013].

При этом сам Б. Обама считал интервенцию «нежелательной», выступая за увеличение военной и иных видов помощи силам так называемой умеренной оппозиции, а также за нанесение ограниченных военных ударов в случае применения химоружия Б. Асадом. Данные инициативы на дипломатическом уровне были поддержаны ключевыми союзниками США – прежде всего, Британией.

Примерно с конца 2013 года активность Запада в Сирии снизилась. В тот период госсекретарь США Дж. Керри пообещал возобновить поставки оружия и снаряжения (коммуникационного, медицинского и др.) силам сирийской оппозиции, которые ранее были прекращены США и Британией из-за опасений, что сражающимися против режима Б. Асада боевиками командуют представители радикальных исламистов. В 2014 году произошло усиление активности США и стран Запада, которое можно объяснить укреплением позиций последних. Так была создана коалиция для борьбы против «ИГ», что не препятствовало нанесению авиаударов по позициям сирийских правительственных сил.

Поддержка антиправительственных сил со стороны США и стран Запада продолжалась на всем протяжении конфликта, однако она не привела к каким-либо значимым результатам. Б. Асад не только сохранил, но и укрепил свою власть. Ограниченный масштаб финансовой и военной помощи со стороны США и их союзников был обусловлен опасениями, что современные системы вооружений могут попасть в руки террористов, которые в конце 2013 года резко усилили свои позиции как в Сирии, так и Ираке, что сняло с повестки Белого дома вопрос свержения Б. Асада, хотя некоторое время он еще продолжал обсуждаться в информационном поле.

В период 2014–2016 годов вряд ли можно говорить о каких-либо существенных изменениях во внешнеполитическом курсе США и их союзников в отношении Сирии: ВС США осуществляли основные военные операции (под предлогом борьбы против терроризма была создана международная коалиция, однако удары наносились и по позициям сил Б. Асада), а союзники – вспомогательные. В октябре–декабре 2015 года наблюдался всплеск политико-дипломатической активности в связи с началом российской операции в Сирии.

Так, главы МИД стран Евросоюза осудили ее и обвинили РФ в подрыве процесса урегулирования кризиса. Данная активность была в целях демонстрации силы подкреплена учениями НАТО Trident Juncture в западном Средиземноморье, которые стали самыми масштабными с 2002 года.

В декабре 2015 года парламенты Великобритании и Германии проголосовали за участие страны в кампании против «ИГ». Однако уровень их участия в конфликте был разным. Если участие немецких ВВС в сирийском конфликте ограничивалось разведкой полетами и дозаправкой самолетов союзников, то парламент Британии одобрил нанесение авиаударов, но выступил против использования наземных сил (*Ведомости*, 10.09.2018). В начале 2019 года министерство обороны Британии было вынуждено признать факт использования в Сирии подразделений спецназа.

Также немаловажны события в 2016 году вокруг Турции. После попытки госпереворота она развернула свой внешнеполитический курс и фактически перестала быть союзником США, что сразу привело к снижению уровня участия европейских союзников (их противоракетные комплексы «Пэтриот» были развернуты на южной границе Турции). Анкара начала активно противодействовать внешней политике Вашингтона как в Сирии, так и в регионе в целом, а отношения между странами существенно ухудшились. Следует обратить внимание и на турецкий фактор в деле журналиста Washington Post Д. Хашогги (заявления Анкары способствовали подрыву позиций как Вашингтона, так и Эр-Рияда).

В данном случае западные партнеры США не стали следовать в русле политики Вашингтона, а пошли на обострение, на которое Белый дом был вынужден отреагировать. 22 октября 2018 года министр экономики Германии П. Альтмайер заявил, что страна приостановит продажу оружия саудитам, и в Берлине призвали другие страны ЕС выступить единым фронтом против Эр-Рияда (*Financial Times*, 23.10.2018). Общая реакция Запада оказалась вялой, а санкции против последнего введены не были.

ДИНАМИКА УЧАСТИЯ США И ИХ СОЮЗНИКОВ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ ПРИ Д. ТРАМПЕ И ДЖ. БАЙДЕНЕ

Приход на пост президента США Д. Трампа привел к тому, что уровень участия Белого дома и их западных союзников в сирийском конфликте продолжил снижаться (данная тенденция началась в последний год пребывания Б. Обамы на посту президента). С одной стороны, США с участием Франции

и Британии в апреле 2017 года и апреле 2018 года нанесли удары по объектам военной инфраструктуры правительства Сирии. С другой – в 2018 году США и союзники (Британия) сократили или прекратили финансирование некоторых программ помощи в контролируемых повстанцами районах Сирии (*Reuters*, 20.08.2018). В конце 2018 года Д. Трамп объявил о выводе ВС США из Сирии в связи с достижением поставленных задач (*Коммерсант*, 20.12.2018).

В декабре 2019 года он же принял решение вернуть ограниченный контингент ВС США в Сирию для охраны нефтяных месторождений, где тот продолжает оставаться, при этом цели его пребывания были переформулированы после прихода Дж. Байдена. Некоторые СМИ отмечали, что по состоянию на ноябрь 2019 года в Сирии было дислоцировано до 200 французских военных, но не самостоятельно, а под прикрытием подразделений ВС США (*Anadolu Agency*, 19.11.2019).

Военная активность США и их западных союзников в тот период стала носить эпизодический характер в связи со снижением приоритета Сирии и Ближнего Востока, что можно объяснить усилением актуальности других вызовов, включая пандемию коронавируса. НАТО также продолжило оказывать различным региональным акторам непрямую военную поддержку, заключающуюся в подготовке и в обучении личного состава антиправительственных элементов и ВС Ирака, Иордании и т. д., однако ее уровень также снижался.

Вышеуказанные тенденции сохранились и после прихода Дж. Байдена к власти. В конце февраля 2021 года он санкционировал авиаудары по объектам проиранских сил в Сирии в ответ на нападения на американские объекты в Ираке (*Коммерсант*, 27.02.2021). В целом сирийская и ближневосточная проблематика отходила на второй план, несмотря на возобновление переговоров с Ираном по вопросу Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе.

При оценке финансового аспекта ближневосточного направления следует отметить, что США в период 2018–2021 год снизили объемы помощи Сирии и что после существенного (на 13 % в годовом выражении) падения финансирования в 2018 году странам Ближнего Востока наблюдается ее постепенное восстановление. Запрос администрации Дж. Байдена на финансирование помощи странам региона на 2022 год составил 7,446 млрд долл. США, при этом имеет место существенное увеличение помощи Сирии в 3,6 раза по сравнению с предыдущим периодом (до 145 млн долл. США). Приведенная статистика говорит о том,

что США планируют усилить активность на сирийском направлении.

Трудно преуменьшить и роль российского фактора, который продолжает влиять на политику США и их союзников в Сирии, ограничивая пространство для маневра. Так, во второй половине 2018 года Кремлю удалось добиться политико-дипломатических успехов (например, с августа 2018 года миротворцы ООН возобновили патрулирование сирийско-израильской границы, прекратившееся в 2014 году из-за войны).

В конце июля 2018 года состоялся визит в Израиль главы МИД РФ С. Лаврова и главы Генштаба В. Герасимова (однако на его результаты в значительной степени повлиял инцидент с самолетом-разведчиком Ил-20 17 сентября 2018 года, который был сбит ВВС Израиля).

Размещение Россией в 2018 году на территории Сирии комплексов С-300 и ряд иных мер привели к сужению военно-политических возможностей США и их союзников в регионе. При этом Вашингтон уже не предпринимал попыток отыграть ситуацию в свою пользу, постепенно сворачивая свое присутствие в Сирии и на Ближнем Востоке, в то же время сохраняя отношения с ключевыми союзниками в регионе – Израилем и Саудовской Аравией.

В период с 2018 года и по настоящее время Россия сохраняет определенный уровень активности не только в Сирии, но и на Ближнем Востоке. Так, в конце октября 2021 года на аэродром Камышлы (Сирия) были перебазированы российские истребители, что, согласно данным СМИ, свидетельствует о стремлении РФ расширить военное присутствие на востоке страны (*Коммерсант*, 29.10.2021). А многие страны региона обращаются к Москве в качестве посредника, что негативно значимо для Вашингтона.

С одной стороны, цели и задачи нынешней администрации США на Ближнем Востоке частично сохраняют преемственность (прежде всего, в отношении сотрудничества с Израилем), с другой – наблюдается их определенная эволюция. По состоянию на текущий момент к приоритетным целям можно отнести следующие:

- оптимизация военно-политического присутствия в регионе, в частности, к концу 2021 года предполагался полный вывод ВС из Ирака, при этом военное присутствие в Сирии сохранялось;
- сохранение сотрудничества с Израилем и Саудовской Аравией;
- сдерживание Ирана и заключение сделки по его ядерной программе. В первой половине 2021 года наблюдался возврат к подходу администрации Б. Обамы с адаптацией к текущим реалиям.

Однако обострение ситуации вокруг Украины и Тайваня на данном направлении привели к тупику, причем он носит долгосрочный характер.

Среди представителей американской академической элиты есть понимание ограниченности внешнеполитического потенциала США и необходимости выстраивания приоритетов в новых геополитических реалиях. Американский политолог Джон Миршаймер отметил второстепенный характер Ближнего Востока в системе внешнеполитических приоритетов США, указав на то, что администрация Байдена должна сделать акцент на иранской ядерной проблеме (*Коммерсант*, 3.11.2021). Однако конфликты на Украине и вокруг Тайваня становятся более острыми и будут требовать всё больше ресурсов, что снизит значимость Ближнего Востока и конфликт в Сирии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение подведем итоги.

1. Политика США на Ближнем Востоке носит непоследовательный характер (например, сначала США заявляют о выводе войск, потом – о новой дислокации). В начале 2021 года предполагалось, что с приходом Дж. Байдена следует ожидать относительно стабильного курса, который, с одной стороны, будет напоминать курс администрации Б. Обамы, а с другой – будет постепенно меняться. По состоянию на начало 2023 года становится очевидно, что этого не произошло и что позиции США в регионе ухудшаются.

2. На Ближнем Востоке роль США и их западных союзников снизилась в силу непоследовательности внешнеполитического курса и внешних факторов, включая рост активности Турции, России, Ирана, а также Саудовской Аравии. Данная

тенденция сохранится как в кратко-, так и долгосрочной перспективе.

3. В рядах США и их западных союзников отсутствует единая позиция по Ближнему Востоку (и по сирийскому конфликту), а временная динамика изменений позиции последних показывает стремление свести поддержку политики Белого дома на Ближнем Востоке к минимуму.

США продолжают испытывать на себе последствия своего внешнеполитического курса в регионе, а попытки призвать союзников более ответственно выполнять свои обязательства не приводят к сколько-нибудь значимому результату – они по-прежнему или играют символическую роль (Британия, Франция), или стремятся дистанцироваться от политики Белого дома, оказывая второстепенную помощь (Германия).

В настоящее время задачей Белого дома более не является свержение режима Б. Асада и декларируется настрой на мирное урегулирование конфликта. Учитывая запросы администрации США на финансирование сирийского направления, следует прогнозировать сохранение военно-политического присутствия США в Сирии (по состоянию на конец 2021 года там находилось порядка 900 военнослужащих США [Humud, 2022]). Наиболее вероятный сценарий предполагает, что текущие тенденции, наблюдаемые в политике Вашингтона в отношении Ближнего Востока, будут сохраняться в кратко- и долгосрочной перспективе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sharp J., Humud C., Collins S. U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical

Background, Recent Trends, and the FY2022 Request // FAS. 2021, September 7. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R46344.pdf>

2. Ахтамзян Н. А. Политика Германии в сирийском конфликте // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 138–159.
3. Война в Сирии: понимание позиции Франции // Министерство Европы и иностранных дел. 2021. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/syrie/guerre-en-syrie-comprendre-la-position-de-la-france>.
4. Blanchard C., Sharp J. Possible U.S. Intervention in Syria: Issues for Congress // FAS. 2013, September 12. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R43201.pdf>.
5. Humud C. Syria and U.S. Policy // FAS. 2022, April 19. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/IF11930.pdf>.

REFERENCES

1. Sharp, J., Humud, C., Collins, S. (2021, September 7). U.S. Foreign Assistance to the Middle East: Historical Background, Recent Trends, and the FY2022 Request. FAS. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R46344.pdf>.
2. Akhtamzyan, N.A. (2018). Politika Germanii v siriyskom konflikte = German policy in the Syrian conflict. Aktual'nyye problemy Yevropy, 4, 138–159. (In Russ.)

3. Voyna v Sirii: ponimaniye pozitsii Frantsii = The war in Syria: understanding the position of France (2021). Ministere de L'Europe et des Affaires Etrangeres. <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/syrie/guerre-en-syrie-comprendre-la-position-de-la-france>. (In Russ.)
4. Blanchard, C., Sharp, J. (2013, September 12). Possible U.S. Intervention in Syria: Issues for Congress. FAS. <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R43201.pdf>
5. Humud, C. (2022, April 19). Syria and U.S. Policy. FAS. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/IF11930.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савченко Евгений Олегович

кандидат политических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента
Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savchenko Evgenii Olegovich

PhD (Political Sciences), Associate Professor, Chair of Economics and Management
Smolensk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	25.01.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_42

Международная деятельность российских городов: состояние и перспективы

М. Б. Суданц

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Marat5085238@gmail.com

Аннотация. Российские города активизируют свою международную деятельность в связи решением значимых для них задач. Международная деятельность городов и регионов РФ имеет правовое регулирование. Российские города создают сети, способствующие продвижению парадипломатии и внешнеполитической деятельности страны. Развитие подобных связей способно повысить уровень открытости страны миру, усилить позиции институтов гражданского общества, способствовать демократизации внутреннего устройства страны, что отразится на ее внешней политике.

Ключевые слова: города, городская политика, международные связи городов, международная деятельность городов, городские объединения, международные отношения

Для цитирования: Суданц М. Б. Международная деятельность российских городов: состояние и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2(851). С. 42–47. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_42

Original article

International Activities of Russian Cities: Status and Prospects

Marat B. Sudants

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Marat5085238@gmail.com

Abstract. Russian cities are stepping up their international activities in connection with the solution of important tasks. Such activities of cities and regions of the Russian Federation have legal regulation. Russian cities are creating networks that promote the country's paradiplomacy and foreign policy activities. The development of such ties can increase the level of openness of our country to the world, strengthen the positions of civil society institutions, contributing to the democratization of the internal structure of the country and affecting its foreign policy.

Keywords: cities, urban policy, international relations of cities, international activity of cities, urban associations, international relations

For citation: Sudants, M. B. (2023). International activities of Russian cities: status and prospects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 42–47. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_42

ВВЕДЕНИЕ

Город как актор современных международных отношений способен успешно реализовать и отстаивать свою собственную позицию во внешней политике. Политическая активность современного полиса обусловлена его локальными интересами и потребностями. Своей международной деятельностью город в известной степени формирует и имидж государства на мировой политической арене, показывает его состоятельность и дееспособность. Вместе с тем город обнаруживает свою относительную политическую самостоятельность на фоне государства как целого.

Города России проявляют способность к самоорганизации и координации своей деятельности, к сотрудничеству и к совместному решению значимых для них задач. В результате возникают и институционализируются различные формы взаимодействия российских городов, созданные по их инициативе.

СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

В постсоветской России постепенно сформировалось политико-правовое регулирование международной деятельности городов и регионов. Среди существующих правовых актов, регламентирующих эту деятельность, следует назвать, прежде всего, федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»¹. В данном правовом акте содержится, в частности, положение о том, что «субъекты Российской Федерации в пределах полномочий, предоставленных им Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством и договорами между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий, обладают правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также на участие в деятельности политических структур с помощью органов, созданных специально для этой цели. Субъекты Российской Федерации с согласия Правительства Российской Федерации

могут осуществлять такие связи и с органами государственной власти иностранных государств»².

Для реализации такого полномочия субъектам РФ необходимы определенные институты. Поэтому названным законом предусмотрено (ст. 10, пп. 1, 2), что «субъекты Российской Федерации в целях реализации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации пользуются правом открывать свои представительства за пределами Российской Федерации. Органы государственной власти субъекта Российской Федерации по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации вправе давать разрешение на открытие на территории данного субъекта представительств субъектов иностранных федеративных государств и административно-территориальных образований иностранных государств»³.

В России среди городских поселений довольно активно развивается и практика сетевых образований. В качестве примера таких образований можно назвать созданные в нашей стране «Союз российских городов» и «Ассоциацию малых и средних городов России», деятельность которых регулируется собственными уставами.

Первое из названных образований, Союз российских городов, является добровольным объединением муниципальных образований, в том числе тех, которые являются центрами субъектов РФ. Объединение создано в целях координации деятельности муниципальных образований, более эффективного осуществления ими своих прав и интересов, развития местного самоуправления в РФ⁴. К предмету деятельности этого объединения относятся:

- организация взаимодействия городских муниципальных образований по вопросам, затрагивающим интересы местного самоуправления;
- содействие реализации в муниципальных образованиях – членах Союза проектов, способствующих повышению инвестиционной привлекательности муниципальных образований и обеспечивающих эффективное исполнение органами местного самоуправления своих полномочий, в том числе по реализации национальных проектов и программ;
- содействие развитию городских территорий муниципальных образований России;

²Там же.

³Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347>

⁴Устав Союза российских городов 2021 года // Союз российских городов, 2023. URL: <http://www.urc.ru/about/statute>

¹Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347>

– создание условий для эффективной работы представителей муниципальных образований – членов Союза в Москве.

При этом активность союза распространяется и на международную сферу, поскольку он поддерживает связи с целым рядом институтов. Следует назвать Межпарламентскую Ассамблею государств – участников Содружества Независимых Государств, Государственное агентство по делам местного самоуправления и межэтнических отношений при Правительстве Киргизской Республики, Союз общин Армении, Союз местных самоуправлений Киргизской Республики, Национальную ассоциацию мэров Республики Кореи, Международную Ассамблею столиц и крупных городов, Ассоциацию финских местных и региональных властей, Германо-Российский форум, Ассоциацию породненных городов США, Международную ассоциацию Городов посланцев мира, Союз Муниципалитетов Тюркского Мира и Международную Китайскую Ассоциацией Дружбы Городов¹. С зарубежными партнерскими организациями Союз установил и поддерживает тесное сотрудничество, в рамках которого проводятся регулярные совещания, поддерживается коммуникация.

Другое, существующее в нашей стране, образование – Ассоциация малых и средних городов России – также является добровольным объединением муниципальных образований РФ. Ассоциация создана для выражения и защиты общих интересов городов и для содействия развитию территориальной, правовой, организационной и финансово-экономической основ местного самоуправления в РФ. Согласно уставу, деятельность Ассоциации направлена на:

- содействие развитию в РФ местного самоуправления;
- содействие социально-экономическому развитию членов Ассоциации;
- защита законных прав и интересов муниципальных образований в федеральных и региональных органах государственной власти;
- развитие межмуниципального сотрудничества².

При том что ассоциация не ведет международную деятельность непосредственно, фактически она сотрудничает с другими государствами через своего рода организации-посредники, например, через вышеупомянутый Союз российских городов.

Нельзя недооценивать стремление указанных организаций к сотрудничеству с зарубежными

партнерами, хотя их деятельность сосредоточена прежде всего на улучшении взаимодействия городов в рамках нашей страны. Тем самым объективно создаются основы для позиционирования российских городов на международном уровне, развития партнерских и иных отношений.

В целом же имеются основания утверждать, что развитие городской международной деятельности способствует развитию демократических процессов в рамках отдельного взятого государства как в его внутренней, так и во внешней политике. Разумное ослабление централизации позволяет регионам гармонично развиваться, исходя из собственных уникальных потребностей и выстраивая отношения с зарубежными партнерами. В частности, потенциал такого сотрудничества российских регионов и находящихся на их территории городов достаточно убедительно удалось показать С. П. Артееву на примере изучения отношений Республики Коми и Венгрии [Артеев, 2018].

Отметим, что международная деятельность городов и регионов в РФ строится на основе правовых актов, в которых определены их полномочия в этой сфере. Уместно обратить внимание на то, что речь в данном случае идет в том числе и о городах федерального значения, являющихся субъектами РФ. При этом небезынтересно, что их субъектность фактически закреплена в международной деятельности. Так, «открытие представительств субъектов Российской Федерации на территориях иностранных государств, а равно открытие иностранных представительств на территории субъекта Российской Федерации производится на основе соглашения между соответствующим органом государственной власти субъекта (курсив мой. – М. Б.) Российской Федерации и правомочным органом субъекта иностранного федеративного государства или правомочным органом административно-территориального образования иностранного государства»³. Тем самым можно утверждать, что в России деятельность субъектов по развитию своих международных связей в известной степени децентрализована.

Оценивая состояние правовой регламентации международных связей российских городов, следует также отметить, что положения процитированного закона распространяются на **города федерального значения**, поскольку такими субъектами являются сегодня только Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Между тем правовой статус названных городов, как указывают российские

¹Партнеры // Союз российских городов. 2023. URL: <https://www.urc.ru/partners>

²Устав некоммерческой организации «Ассоциация малых и средних городов России» // Ассоциация малых и средних городов России. 2023. URL: <http://www.amsg.ru/ob-associacii-2/ustav/>

³Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347>

специалисты-правоведы, в настоящее время четко все еще не определен [Пахомова, Камолов, Павлюк, 2018; Проскурякова, 2010]. Следовательно, сохраняется и неопределенность ситуации в вопросах регламентации международных связей указанных трех российских городов.

Международные связи городов федерального значения, являющихся субъектами РФ, обусловлены во многом их стремлением осуществлять международную деятельность, ориентируясь на политико-правовые и социально-экономические реалии. Как отмечают в этой связи российские исследователи, «цель рационализации участия субъектов федерации во внешнеэкономической деятельности состоит в максимальном содействии наращиванию экспортного потенциала регионов, увеличению валютной выручки как базы роста поступлений в федеральный и местный бюджеты» [Барковский, Комиссаров, 2000]. Например, развиваются торгово-экономические, социальногуманитарные и культурные связи, максимальное расширение делового сотрудничества Севастополя с российскими и зарубежными государственными и частными компаниями в целях привлечения инвестиций в экономику Республики Крым.

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРODOB РОССИИ

Наличие нерешенных вопросов в указанной сфере, потребность в создании условий для устойчивого и безопасного развития городов России обуславливают необходимость совершенствования их международной деятельности.

Как полагают российские экономисты А. Н. Барковский и А. В. Комиссаров, именно в целях оптимизации процесса и упорядочивания правил согласования проектов соглашений субъектов РФ с за рубежом партнерами и был подготовлен Указ президента РФ № 424¹. Названным указом устанавливается порядок, в соответствии с которым органы государственной власти субъектов РФ направляют на согласование все проекты соглашений о сотрудничестве в сфере международных и внешнеэкономических связей в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на решение вопросов экономического развития страны [Барковский, Комиссаров, 2000].

Следует отметить, что помимо внешнеполитического ведомства важная роль в регулировании вопросов международного сотрудничества субъектов РФ принадлежит министерству экономического развития. В ведомстве для этого функционирует департамент развития и регулирования внешнеэкономической деятельности. К сфере компетенции департамента отнесены полномочия, связанные с развитием межрегионального и приграничного сотрудничества. В рамках их реализации департаментом осуществляются следующие функции:

- организация и проведение международных форумов, конференций и иных мероприятий по вопросам межрегионального и приграничного сотрудничества;
- реализация полномочий в области приграничного сотрудничества;
- организация работы по согласованию проектов соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключаемых органами государственной власти субъектов РФ;
- обеспечение деятельности секретариатов российских частей межправительственных комиссий, подкомиссий и рабочих групп по вопросам межрегионального и приграничного сотрудничества между РФ и иностранными государствами².

Сложившиеся же международные связи российских городов можно классифицировать по разным основаниям, выделяя в них, в частности, культурные, гуманитарные, экономические и иные виды деятельности. Приоритеты в развитии таких связей в настоящее время складываются, прежде всего, вследствие воздействия тех непростых условий и факторов, которыми детерминируются резко обострившаяся международная обстановка и позиции России на мировой арене [Белозёров, 2019].

В целом же на сегодняшний день необходимость совершенствования международной деятельности российских городов, в том числе и ее регламентации, обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, существует необходимость укрепления международного сотрудничества городов и субъектов РФ перед лицом новых вызовов, рисков, опасностей и угроз. Такое сотрудничество способно выступить в качестве эффективной ответной меры на санкционную политику и давление, осуществляемые на протяжении ряда лет западными странами. Запад противопоставит суверенитету России и ее стремлению защитить свои

¹Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2015 г. № 424 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на осуществление функций, предусмотренных п.п. 1 и 2 статьи 4 Федерального закона от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40006>

²Развитие межрегионального и приграничного сотрудничества // Министерство экономического развития Российской Федерации, 2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/razvitie_mezhregionalnogo_i_prigranichnogo_sotrudnichestva/

интересы на мировой арене. Причем такие усилия потребовали и применения военной силы с учетом ценностных оснований [Белозёров, 2007].

Во-вторых, серьезным ресурсом для наращивания международной деятельности российских городов в сложившихся условиях острого геополитического противоборства России и Запада является приоритетное развитие приграничного и международного сотрудничества со странами ЕАЭС и СНГ, Союзного государства России и Белоруссии¹. Фактически развитие такого сотрудничества получает мощный дополнительный импульс в результате ограничительных мер, предпринимаемых коллективным Западом против России и Белоруссии.

В-третьих, одним из последствий специальной военной операции, проводимой Россией на Украине с февраля 2022 года, является повышение значения гуманитарного сотрудничества российских городов. Необходимость активизации такого сотрудничества предполагает в том числе и выход России на международную арену. Характерно, что в сентябре 2022 года президентом России В. В. Путиным была утверждена Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом².

Подчеркнем что нет основания, для того чтобы в ближайшей перспективе произошла отмена санкций и давления на Россию. Интересы адаптации к сложившейся ситуации требуют разработки и реализации комплекса мер, в том числе

и поиска новых подходов в международной деятельности российских городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российские города активно ведут свою международную деятельность, которая регламентируется федеральным законодательством. Города поддерживают международные культурные и экономические связи, соответствующие потребностям развития городской и региональной среды. Населенные пункты, не имеющие статуса города федерального значения, взаимосвязаны в своей международной деятельности со своим регионом. Такая ситуация обусловлена интересами равномерного развития всего региона в целом посредством недопущения отрыва конкретного города от регионального центра.

В настоящее время перспективы международной деятельности городов России в значительной степени складываются в условиях существенных затруднений и проблем, возникших в связи с преодолением последствий пандемии коронавирусной инфекции, с издержками и внешним давлением, обусловленными специальной военной операцией, проводимой Россией на Украине. Последствия названных процессов детерминируют ограничение связей городов и координацию их деятельности на международной арене. Тем не менее отметим, что поставлены на паузу, а не совсем отменены экономические, культурные и иные отношения и обмены. Так, продолжают осуществляться академические обмены, институт побратимства и сестринства городов, прорабатываются другие формы их сотрудничества, что дает основания для оптимизма.

¹Механизмы реализации инициатив российского председательства в ЕАЭС обсудили в Минске // ЕЭК. 2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/26-01-2018-1.aspx>

²Указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артеев С. П. Эволюция международных связей Республики Коми с Венгрией: дис. ... канд. полит. наук. М., 2018.
2. Пахомова Н. М., Камолов С. Г., Павлюк А. В. Особенности городов федерального значения: пробелы законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 93–96.
3. Проскуракова М. И. Города федерального значения и города-земли: общее и особенное // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2010. № 4. С. 13–21.
4. Барковский А. Н., Комиссаров А. В. Внешнеэкономические связи субъектов РФ и укрепление единого экономического пространства России // Проблемы прогнозирования. 2000. № 3. С. 18–25.
5. Белозёров В. К. Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. С. 165–171.

6. Белозёров В. К. Система ценностей и оборона страны // Место и роль армии в российском обществе: социологический анализ: материалы научной конференции / под ред. проф. В. И. Добренькова. М. : КДУ, 2007. С. 146–159.

REFERENCES

1. Arteev, S. P. (2018). Evolyuciya mezhdunarodnyh svyazej Respubliki Komi s Vengrijej = Evolution of the Komi Republic's international relations with Hungary: PhD in political science. Moscow. (In Russ.)
2. Pahomova, N. M., Kamolov, S. G., Pavlyuk, A. V. (2018). Features of federal cities: gaps in legislation. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki, 4, 93–96. (In Russ.)
3. Proskuryakova, M. I. (2010). Cities of federal significance and cities-lands: general and special. Bulletin of St. Petersburg University. Law, 4, 13–21. (In Russ.)
4. Barkovskij, A. N., Komissarov, A. V. (2000). Foreign economic relations of the subjects of the Russian Federation and strengthening of the Single Economic Space of Russia. Problema prognozirovaniya, 3, 18–25. (In Russ.)
6. Belozero, V. K. (2019). Protivostojanie global'nyh projektov kak osnovnoe sodержание sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij = Confrontation of global projects as the main content of modern international relations. Sovremennaja Rossiya v mirovom politicheskom processe: global'noe i regional'noe izmerenie: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (pp. 165–171): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
7. Belozero, V. K. (2007). Sistema cennostej i oborona strany = The system of values and the defense of the country. Mesto i rol' armii v rossijskom obshhestve: sociologicheskij analiz (pp. 146–159): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суданц Марат Борисович

соискатель кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sudants Marat Borisovich

PhD Student at the Department of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.03.2023
24.03.2023
03.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_48

Политика Европейского союза в Каспийском регионе: основные направления и перспективы

Р. Х. Усманов¹, С. А. Великая²

^{1,2}Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹usmanr@mail.ru

²velikaya.s.a@gmail.com

Аннотация. Авторы статьи рассматривают процесс укрепления политического сотрудничества прикаспийских стран с ЕС. Их солидарность обусловлена как их общими экономическими интересами, так и их желанием продемонстрировать свой государственный суверенитет России и Ирану. Международные политические акторы подтверждают их сотрудничество межправительственными переговорами и консультациями, а также совместными проектами. Все вышеперечисленное характеризует стоящие перед ними задачи внутренней и внешней политики.

Ключевые слова: геополитика, Европейский Союз, Каспийский регион, политические процессы, сотрудничество, ресурсы, транспортные коридоры, торговля, энергетический рынок, партнерство

Для цитирования: Усманов Р. Х., Великая С. А. Политика Европейского союза в Каспийском регионе: основные направления и перспективы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 48–55. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_48

Original article

European Union Policy in the Caspian Region: Main Directions and Prospects

Rafik Kh. Usmanov¹, Sabina A. Velikaya²

^{1,2}Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹usmanr@mail.ru

²velikaya.s.a@gmail.com

Abstract. The authors of this article examine the strengthening of political cooperation between the Caspian states and the EU through a comparative analysis, which is also driven by a desire to demonstrate their autonomy and sovereignty over the positions of Russia and Iran. This cooperation is evidenced by the numerous intergovernmental negotiations and consultations, as well as the implementation of joint projects.

Keywords: geopolitics, European Union, Caspian region, political processes, cooperation, resources, transport corridors, trade, energy market, partnership

For citation: Usmanov, R. Kh., Velikaya, S. A. (2023). European Union policy in the Caspian region: main directions and prospects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 48–55. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_48

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР с появлением новых независимых государств внешние игроки получили доступ в первую очередь к ресурсам Каспийского региона, который становится всё более привлекательным для внерегиональных акторов.

Наличие крупных углеводородных запасов стало причиной активизации внешнеполитической деятельности Европейского Союза в регионе. По мнению экспертного сообщества, в настоящее время Каспийский регион является для Европы важным источником энергетических ресурсов [Усманов, Головин, 2020].

Целью работы является концептуальное описание политики Европейского союза в Каспийском регионе и связанных с ней общественных процессов. Интеллектуальную почву исследования составляют междисциплинарные подходы, а также системный, сравнительный, институциональный методы.

В результате анализа современной научной литературы и нормативно-правовых актов были выделены основные геостратегические и политические задачи Европейского союза в Каспийском регионе. Полученные результаты исследования позволят продолжить углубленное изучение представленной тематики.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕС В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Вопросы энергетики являются частью компетенций ЕС и его стран-членов. Этот факт позволяет Европейской комиссии влиять на политику стран-членов в сфере энергетики с помощью различных законодательных инициатив.

Одним из основополагающих документов общей энергетической политики Европейского союза является Энергетическая хартия, или Европейская энергетическая хартия 1991 года. Главными принципами сотрудничества по хартии являются заинтересованность в стабильности энергоснабжения и устойчивости экономического развития¹.

Энергетическая хартия составляет правовую основу политики ЕС в энергетической сфере наряду с Договором к Энергетической хартии и Протоколом к Энергетической хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам (ПЭЭСЭА), является основой для региональных энергетических рынков и стремится распространиться за пределы ЕС.

Для Европейского союза расширение источников импорта энергоресурсов является важной составляющей либерализации энергетического рынка, которая также отражена в ряде документов Европейской комиссии: в Зеленой книге «Европейская стратегия устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетики»²; в Заключении Европейского Совета от 2006 года³; в Сообщении Комиссии для Европейского парламента, Совета, Европейского экономического и социального комитета и Комитета регионов «Второй стратегический обзор энергетики – план действий ЕС по энергетической безопасности и солидарности» (COM/2008/781)⁴; в документе «Энергетическая политика ЕС по взаимодействию с партнерами вне границ Евросоюза»⁵; в Сообщении Комиссии Европейскому парламенту и Совету «Европейская стратегия энергетической безопасности»⁶; в Регламенте (EU) 2017/1938/ Европейского парламента и Совета от 25 октября 2017 года о мерах по обеспечению безопасности газоснабжения и отмене Регламента (EU) № 994/2010⁷.

Перечисленные документы контролируют расширение импорта энергоносителей, позволяют предотвратить избыточный контроль внешних поставщиков, расширяя поиск выгодных условий поставок.

Одним из первых проектов политики ЕС в Каспийском регионе в 1991–2006 годах стала программа Технической помощи Содружеству Независимых Государств (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States, TACIS), направленная на ускорение процесса имплементации реформ в экономической сфере в странах СНГ и Монголии⁸.

Еще одной инициативой реализации политики ЕС в Каспийском регионе стал проект «Транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия» (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia), который был создан в 1993 году и действует сегодня по Стратегии МПК TRACECA 2016–2026 годов⁹. Он координирует межправительственное сотрудничество по вопросам маршрутов нефте- и газопроводов из

¹International Energy Charter. URL: <https://www.energycharter.org/process/european-energy-charter-1991/>

²EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:l27062>

³European Council. URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/89013.pdf

⁴EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0781:FIN:EN:PDF>

⁵EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52011DC0539>

⁶EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52014DC0330>

⁷EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2017/1938/oj>

⁸EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISUM:r17003>

⁹TRACECA. URL: <http://www.traceca-org.org/ru/glavnaja/strategija-mpk-traseka-2016-2026-gg/>

Каспийского региона в Европу, связывает Центральную Азию и Кавказ с европейскими государствами. На различных этапах реализации проекта к нему присоединились каспийские государства с целью поддержать собственную политическую и экономическую независимость: Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран. Транспортный коридор TRACECA охватил сферу железнодорожного, автомобильного, воздушного и морского транспорта и позволил создать значительный потенциал политического влияния ЕС в Каспийском регионе.

В 1996 году Евросоюз начал реализовывать проект INOGATE (Interstate Oil and Gas Pipelines Transport to Europe), который функционирует и сегодня в рамках Бакинской инициативы и Восточного партнерства. Проект объединил страны ЕС, Турцию и страны СНГ (за исключением России), в том числе Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, для взаимодействия в энергетической сфере. Цели сотрудничества заключаются в первую очередь в повышении безопасности и надежности поставок энергетических ресурсов посредством развития новой транспортной инфраструктуры, в укреплении связей между энергетическими рынками стран-партнеров, поддержке развития устойчивой энергетики, привлечении необходимых инвестиций¹.

В настоящее время высокую значимость приобретает «Южный газовый коридор» («Southern gas corridor»), призванный повысить безопасность поставок газа в Европу. Проект состоит из маршрутов:

Южнокавказский газопровод: транспортный маршрут Баку – Тбилиси – Эрзурум. На сегодняшний день активно функционирует и активно развивает сотрудничество Турции и Азербайджана в энергетическом секторе на основе договоренностей до 2024 года. По данным госкомстата Азербайджана, по южнокавказскому газопроводу за I полугодие 2021 прошло 49 % газа (8 368, 5 млн м³) от общего объема, транспортируемого по азербайджанским магистральным газопроводам².

Трансанатолийский газопровод (The Trans-Anatolian gas pipeline, TANAP): маршрут, по которому производятся энергетические поставки природного газа из азербайджанского месторождения «Шахдениз-2» к греческой границе через Грузию и Турцию³. Проект был предложен Азербайджаном и Турцией с целью развития дополнительных маршрутов для поставки углеводородов в ЕС

и поддержан Европейским Союзом, что стало большим успехом для азербайджанской внешней политики.

Трансадриатический газопровод (TAP): продолжение TANAP, позволяет осуществлять поставки энергоресурсов из Прикаспия и Ближнего Востока в Западную Европу, проходит через Грецию, Албанию, Адриатическое море, которое является офшорной частью, и Италию. Азербайджан также участвует в проекте, поставляя газ в указанные государства, в том числе из месторождения Шах Дениз [Grigas, 2017].

С целью участия в проекте Южного газового коридора в 2014 году было создано закрытое акционерное общество «Южный газовый коридор», акции которого поделило между собой министерство экономики и государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики (SOCAR) [Айвазян, Кузьмина, 2019]. В 2015 году к Южному газовому коридору присоединился Туркменистан.

Еще одним приоритетным проектом для политики ЕС в сфере энергетики стал газопровод «Набукко», протяженность которого составляет 3,3 тыс. км от Эрзурума до Баумгартена через Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию.

Осуществление проекта было приостановлено по нескольким причинам. Во-первых, в связи со строительством Трансадриатического газопровода, переключением центра внимания европейских государств и усилившейся конкуренцией крупных транснациональных корпораций. Во-вторых, самым крупным поставщиком газа в проекте является Туркменистан, политический режим которого противоречит политике ЕС в отношении защиты прав человека. По нашему мнению, инициатива также будет сопровождаться глубокими социальными и экологическими проблемами, а планируемая транспортировка газа через конфликтные территории Южного Кавказа не обеспечит долгосрочную стабильность поставок.

Инвестиции в крупные проекты по транспортировке топлива имеют, в первую очередь, политические задачи. При этом вопрос социальных выгод населения государств-участников подобных инициатив остается спорным. Опыт проекта нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, который финансировался Международной финансовой корпорацией и Европейским банком реконструкции и развития, также не продемонстрировал существенные социальные преимущества для рядовых граждан.

В результате в 2013 году Европейский Союз пересмотрел политику в сфере энергетики и решил к менее масштабным трубопроводным проектам. В связи с этим был предложен проект газопровода «Набукко-Вест» от турецко-болгарской

¹INOGATE. URL: <http://www.inogate.org/pages/1?lang=ru>

²The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: https://www.stat.gov.az/source/balance_fuel/?lang=en

³Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://ru.president.az/articles/29087>

границы до Австрии, который столкнулся с проблемой отсутствия свободных объемов газа.

Одним из сегментов южного газового коридора и результатом реализации проекта Набукко должен был стать подводный Транскаспийский газопровод, который бы обеспечил транспортировку ресурсов из Казахстана и Туркменистана через Азербайджан в Турцию и Грузию, а далее – в европейские государства. Планировалось, что трубопровод будет присоединен к Южно-Кавказскому газопроводу, далее через Трансанатолийский газопровод подключится к Трансадриатическому газопроводу до территории Италии [Бальдони, 2019]. В октябре 2021 года после очередного заседания Совместного комитета Европейский союз – Туркменистан реализация проекта газопровода была временно приостановлена в связи с решением иных стратегически важных задач. Кроме того, в условиях сейсмической активности, протекающих тектонических процессов в регионе и отсутствия полной информации о точном геологическом строении и рельефе участка, строительство трубопровода может привести к непредсказуемым негативным последствиям для всех прикаспийских государств.

С политической точки зрения создание подобных транспортных коридоров с востока на запад позволит Европейскому Союзу диверсифицировать возможные маршруты транспортировки ресурсов, что обеспечит энергетическую безопасность государств. Это также позволит изменить транспортную систему государств бывшего СССР и обеспечит экспортный контроль энергоресурсов Центральной Азии. С другой стороны, по мнению Д. С. Айвазян, диверсификация импорта энергетических ресурсов столкнулась с рядом проблем: необходимостью масштабного инвестирования в разработку новых месторождений, уязвимостью инфраструктуры при транспортировке и ненадежностью потенциальных поставщиков [Айвазян, 2018].

ДВУСТОРОННИЕ СВЯЗИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА СО СТРАНАМИ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Основное внимание ЕС обращено в сторону экономического и политического взаимодействия с Казахстаном и Азербайджаном. На стратегию крупных европейских государств влияют внутренние элементы политической организации, несмотря на удаленность региона и отсутствие исторических связей.

В свою очередь, взаимодействие с Европейским Союзом является важной частью внешней политики Казахстана. Так, в первом крупном политическом документе – «Стратегия становления

и развития Казахстана как суверенного государства» (1992) подчеркнуты приоритеты партнерских отношений с США, Японией и Западной Европой [Назарбаев, 1992].

Первым правовым актом, регулирующим взаимодействие ЕС и Республики Казахстан, стало Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1995 года. В Соглашении кратко упоминаются политические отношения, но акцент в документе сделан на вопросы экономического сотрудничества и на правовые реформы, необходимые для налаживания тесных связей между ЕС и Казахстаном¹.

Документом, регулирующим сотрудничество ЕС с Казахстаном на современном этапе, является Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве 2016 года. В нем отражены все сферы взаимодействия, учтены современные реалии и проблемы. Несмотря на то, что преимущественное внимание в настоящем документе уделено вопросам экономики, количество вопросов политического характера (как и в предыдущем документе) значительно возросло. Соглашение включает в себя следующие актуальные направления сотрудничества: внешняя политика, безопасность, гражданская оборона; торговля товарами и услугами, таможенная и налогообложение, инвестиции и финансы, движение капитала, трансграничное экономическое сотрудничество, урегулирование споров и страхование; энергетика, транспорт, промышленность, сельское хозяйство; санитарные и фитосанитарные вопросы, охрана окружающей среды, сотрудничество в области изменения климата; здравоохранение, спорт, образование, культура, средства массовой информации, исследования и инновации, космос и т.д.²

Немаловажное значение для сотрудничества ЕС с Казахстаном имеет Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). На сегодняшний день ЕБРР реализовал 293 проекта в Казахстане за весь период сотрудничества, при этом количество активных проектов 127. Совокупные инвестиции в проекты составили 9 066 млн евро³. Основной акцент ЕБРР делает на развитие энергетического сектора. При этом вложения финансовых учреждений все еще недостаточны для проведения в Казахстане европейской политики внутренних реформ. По этой причине был избран иной подход к сотрудничеству

¹Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА.

URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/soglasheni-e-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-kazahstanom-1995-g/>

²EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2016.029.01.0003.01.ENG

³European Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://www.ebrd.com/kazakhstan-data.html>

геополитических образований. Он основывался на инвестировании в предприятия малого и среднего бизнеса и направлен на развитие коммерческих отношений в крупных госпредприятиях.

Другим объединением, через которое европейские государства реализуют собственную политику в Казахстане, является Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), регулирующая вопросы государственного управления и безопасности, демократизации и прав человека. Организация представлена в Казахстане с 1998 года и сегодня продолжает работу по реализации принципов и мероприятий ОБСЕ, обеспечивая контакт и обмен информацией между Казахстаном и головным офисом ОБСЕ. По причине географической удаленности и разрыва в уровнях правового регулирования политических процессов присутствие ОБСЕ в Казахстане не играет ключевой роли в политике государства.

ОБСЕ выступает в роли наблюдателя за выборами, в связи с чем страны-участницы обязаны приглашать представителей других государств для наблюдения за ходом выборов. К примеру, одно из подразделений ОБСЕ – Бюро демократических институтов и прав человека (БДИПЧ) – принимало участие в организации парламентских выборов 10 января 2021 года в Казахстане, по результатам которого был представлен подробный отчет о процессе. В отчете подчеркивались основные проблемы политико-правовой системы государства: несовместимость правовой базы проведения выборов с международными нормами, отсутствие конкуренции и полной прозрачности на выборах, ограничения на реализацию конституционных свобод, многочисленные нарушения на избирательных участках и т. д.¹

В рамках саммита COP27 в Шарм эль-Шейх 7 ноября 2022 года Премьер-Министром Казахстана Алиханом Смаиловым и Президентом Европейской комиссии Урсулой фон дер Ляйен был подписан Меморандум о стратегическом партнерстве в области цепочки создания устойчивой стоимости сырья, аккумуляторных батарей и зеленого водорода, что ознаменовало новый этап развития политических процессов между Казахстаном и ЕС, в том числе в сфере финансов, высоких технологий и научных исследований².

Значимость подписанного меморандума отмечает американский Каспийский политический центр, рассматривающий данное событие также

в контексте проекта ЕС и Казахстана по строительству центра производства и распределения зеленого водорода в Мангистауской области³.

Важность сотрудничества ЕС и Казахстана подчеркнул Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности – вице-президент Европейской Комиссии Жозеп Боррель во время своего официального визита в Казахстан 16–17 ноября 2022 года. Во время встречи с европейским представителем президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев заявил о значимости подписанного в Египте Меморандума, а также о перспективности реализации Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве⁴. Кроме того, в ходе визита были обсуждены вопросы функционирования международных транспортных коридоров в рамках инициатив ЕС в Центральной Азии и проекта «Глобальные ворота», а также возможности развития взаимодействия в сельскохозяйственной сфере и в «зеленой» экономике.

Несмотря на вышеперечисленное, влияние ЕС на политические процессы в Казахстане ограничено в связи с преобладанием экономических вопросов при взаимодействии территориальных образований и вниманием прикаспийской страны к региональным и субрегиональным проектам.

Двустороннее сотрудничество с Азербайджаном в сфере энергетики было закреплено в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Азербайджаном 1999 года (последние дополнения внесены в действующее соглашение в 2009 году). Так, ст. 55 Соглашения закрепила взаимодействие сторон по вопросам транспортировки, а также транзита энергетического сырья и продуктов, и обеспечения безопасности поставок⁵.

В 2011 году состоялся визит действующего на тот момент председателя Еврокомиссии в г. Баку в рамках европейской программы «Восточное партнерство», результатом которого стало подписание совместной декларации по трубопроводу «Южный коридор», которая призвала открыть прямой доступ ЕС к каспийскому газу. Далее последовал ряд документов, обеспечивающих сотрудничество Азербайджана и ЕС: Меморандум

³Caspian Policy Center.

URL: <https://caspiantpolicy.org/research/energy-and-economy-program-eeep/eu-signs-a-deal-with-kazakhstan-the-future-of-the-green-hydrogen-hub>

⁴Официальный сайт Президента Республики Казахстан.

URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-vstrechu-s-verhovnym-predsta-vitelem-es-po-inostrannym-delam-i-politike-bezopasnosti-vice-prezidentom-evropeyskoy-komissii-zhozepom-borrelem-1710544>

⁵EUR-Lex.

URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A01999A0917%2801%29-20091101>

¹Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/d/475547.pdf>

²Министерство индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/miid/press/news/details/456718?lang=ru>

о взаимопонимании между Азербайджанской Республикой и Еврокомиссией о Национальной индикативной программе на 2011–2013 годы и Меморандум о взаимопонимании между Азербайджанской Республикой и Еврокомиссией по рамочному документу всесторонней институциональной созидательной программы.

В Рекомендации № 1/2018 Совета сотрудничества ЕС и Азербайджана от 28 сентября 2018 года о приоритетах партнерства сторон одним из приоритетных направлений сотрудничества является реализация проекта Южного газового коридора, а именно – осуществление поставок газа на территорию Европы¹. Решение Совета (ЕС) 2021 / 1987 от 9 ноября 2021 года закрепило приоритеты сотрудничества и отразило необходимость принятия Рекомендации о продлении приоритетов партнерства ЕС-Азербайджан до 2024 года².

На политику в регионе большое влияние оказывает нагорно-карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном, который на данный момент до конца не разрешен. Азербайджан при этом рассчитывает на поддержку западных государств, что обуславливает его энергетическую политику.

Тесные взаимоотношения Туркменистана и ЕС отмечаются на уровне туркменского правительства. Так, 23 сентября 2022 года Министр иностранных дел Туркменистана Р. Мередов на заседании Кабинета Министров страны подчеркнул важность расширения направлений международного сотрудничества со странами Европейского Союза как одной из главных задач внешней политики государства. Кроме того, главой представительства Туркменистана при Европейском Союзе были высказаны инициативы назначения нового Посла Туркменистана в Бельгии. Это кадровое решение было нацелено на укрепление правовой базы сторон и на развитие их взаимодействия³. В ноябре 2022 года в г. Ашхабаде состоялась конференция «Зеленая энергетика и стратегии ЕС по использованию водорода и сокращению выбросов метана» при участии Посла ЕС в Туркменистане Диего Руис Алонсо, на которой эксперты и политики обсудили возможности использования возобновляемых источников энергии в Туркменистане и применения экологических и ресурсосберегающих технологий, а

также рассмотрели предложения по дорожной карте международного сотрудничества в сфере водородной энергетики⁴.

Сотрудничество Туркменистана с ЕС осуществляется также посредством участия представителей Туркменистана в Совместном комитете и Межпарламентском диалоге «Туркменистан – Европейский Союз», в форуме «Европейский Союз – Центральная Азия», посвященном устойчивому экономическому развитию, а также в различных конференциях. К примеру, 11 декабря 2022 года в рамках Международной конференции «Диалог – гарантия мира» состоялась официальная встреча Министра иностранных дел Р. Мередова со Специальным представителем ЕС по Центральной Азии Тери Хакала, на которой обсуждались вопросы межправительственного взаимодействия⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая стратегия Европейского союза в Каспийском регионе касается в значительной степени сотрудничества в энергетике, транспорте и торговле; она связана с технической помощью, инвестициями и экологией. При этом транснациональные корпорации становятся полноправными акторами политических процессов в энергетической дипломатии государств Каспийского региона и членов Европейского союза.

Основой политики Европейского союза в Каспийском регионе являются:

- поддержание двустороннего и регионального партнерства, которое включает в себя европейскую политику соседства, заключение договоров с каспийскими государствами по различным направлениям, эффективное использование современных финансовых инструментов;
- создание в долгосрочной перспективе разветвленной структуры маршрутов поставок энергетических ресурсов в европейские государства в энергетической сфере.

Несмотря на активную деятельность, политика Европейского союза в Каспийском регионе сталкивается с рядом проблем:

- отсутствием высокотехнологичной ресурсоориентированной транспортной инфраструктуры региона и удаленностью от потенциальных энергетических рынков;

¹EUR-Lex.

URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22018D1598&qid=1641585810074>

²EUR-Lex.

URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021D1987>

³Посольство Туркменистана.

URL: <https://russia.tmembassy.gov.tm/ru/news/102130>

⁴Представительство Европейского Союза в Туркменистане.

URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/turkmenistan/совместная-конференция-европейского-союза-и-туркменистана-на-тему-зеленая_ru?s=231

⁵Министерство иностранных дел Туркменистана.

URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/3523>

- наличием политически нестабильной модели регионального устройства;
- отсутствием отлаженного механизма природопользования в Каспийском море;
- недостаточным объемом углеводородных ресурсов в каспийских месторождениях;
- отсутствием единой политической позиции по вопросам Каспийского региона в ЕС;
- наличием у европейских государств иных приоритетных задач во внешней политике.

Прикаспийские государства, в свою очередь, сумели использовать интерес Европейского союза для решения задач внутренней и внешней политики.

Поиск новых производителей энергии и развитие «зеленой» энергетики необходимы ЕС в условиях европейского энергетического кризиса. Для ЕС важна реализация политико-экономических инициатив и проектов по строительству трубопроводов из Каспия в Европу, что обеспечит создание разветвленной диверсифицированной структуры маршрутов поставок энергетических ресурсов и соединит энергетические системы ЕС с главными поставщиками из Южного Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока. При этом европейским задачам укрепления стабильности и благосостояния, может послужить политика учета интересов всех участников политических и экономических процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Усманов Р.Х., Головин В.Г. МТК «Север – Юг»: от геополитики к геоэкономике формирующегося пространства большого Каспия // Каспий XXI века: пути устойчивого развития: материалы Международного научного форума, 19–20 февраля 2020 года. Астрахань, 2020. С. 337–340.
2. Grigas A. The New Geopolitics of Natural Gas. Cambridge, 2017.
3. Айвазян Д. С., Кузьмина Е. М. Газотранспортные проекты в Каспийско-Черноморском регионе и интересы Европейского союза // Современная Европа. 2019. № 3 (88). С. 114–125.
4. Бальдони М. Транскаспийский газопровод – реальные возможности или бесконечные обещания? // Постсоветские исследования. 2019. № 6. С. 1355–1363.
5. Айвазян Д. С. Южный газовый коридор как инструмент диверсификации импорта газа в Европейский Союз // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 128–134.
6. Назарбаев Н. А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. Алма-Ата, 1992.

REFERENCES

1. Usmanov, R. H., Golovin, V. G. (2020). MTK "Sever – Yug": ot geopolitiki k geoekonomike formiruyushchegosya prostranstva bol'shogo Kaspiya = North-South ITC: from geopolitics to geo-economics of the emerging Greater Caspian Sea area. Kaspiy XXI veka: puti ustojchivogo razvitiya: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. (pp. 337–340). Astrakhan. (In Russ.)
2. Grigas A. (2017). The New Geopolitics of Natural Gas. Cambridge.
3. Ajvazyan, D. S. (2019). Kuz'mina E. M. Gazotransportnye proekty v Kaspijsko-Chernomorskom regione i interesy Evropejskogo soyuza = Gas transport projects in the Caspian-Black Sea region and European Union interests. Sovremennaya Evropa, 3(88), 114–125. (In Russ.)
4. Bal'doni, M. (2019). Transkaspijskij gazoprovod – real'nye vozmozhnosti ili beskonechnye obeshchaniya? = Trans-Caspian pipeline - real opportunities or endless promises? Postsovetskie issledovaniya, 6, 1355–1363. (In Russ.)
5. Ajvazyan, D. S. (2018). Yuzhnyj gazovyy koridor kak instrument diversifikacii importa gaza v Evropejskij Soyuz = The Southern Gas Corridor as a tool to diversify gas imports into the European Union. Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN, 2, 128–134. (In Russ.)
6. Nazarbaev, N. A. (1992). Strategiya stanovleniya i razvitiya Kazakhstana kak suverenno gosudarstva = Strategy for the establishment and development of Kazakhstan as a sovereign state. Alma-Ata. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усманов Рафик Хамматович

доктор политических наук, профессор

Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева

Великая Сабина Азеровна

аспирант Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Usmanov Rafik Khammatovich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Velikaya Sabina Azerovna

PhD Student
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Статья поступила в редакцию	25.01.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.03.2023	
принята к публикации	03.04.2023	

Обзорная статья

УДК 94 (430)

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_56

«Русские – наши природные враги» Немецкий русофобский дискурс XIX – начала XX века

В. К. Белозёров¹, Д. В. Миронов², А. В. Мырикова³, А. А. Ширинянц⁴¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, vk_belozerov@mail.ru^{2,3,4}Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия²denisdenmir@yandex.ru³an_my@mail.ru⁴jants@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа работ немецких теоретиков XIX – начала XX века дается обзор русофобского общественно-политического дискурса. Формируется целостное представление о специфике подходов Э. М. Арндта, Я. Ф. Фальмерайера, Р. Э. Мартина, П. Рорбаха. Их наработки в дальнейшем оказались востребованы немецкими теоретиками и политиками для идеологического обеспечения антироссийского курса. Понимание и аргументации немецкой русофобии важно для противодействия ей и ее нейтрализации.

Ключевые слова: Германия, Россия, русофобия, теоретический дискурс, аргументация, пропаганда

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания № FSFU-2020-0020.

Для цитирования: Белозёров В. К. и др. «Русские – наши природные враги». Немецкий русофобский дискурс XIX – начала XX века / В. К. Белозёров, Д. В. Миронов, А. В. Мырикова, А. А. Ширинянц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2(851). С. 56–63. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_56

Original article

“Russians are Our Natural Enemies” German Russophobic Discourse of XIX – Early XX Centuries

V. K. Belozerov¹, A. V. Myrikova², D. V. Mironov³, A. A. Shirinyants⁴¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vk_belozerov@mail.ru^{2,3,4}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian²an_my@mail.ru³denisdenmir@yandex.ru⁴jants@yandex.ru

Abstract. The article provides an overview of the Russophobic socio-political discourse based on the study of the works of German theorists of the XIX – early XX centuries. It is possible to get an idea of the approach specifics of E. M. Arndt, J. F. Falmerayer, R. E. Martin, P. Rohrbach. Their elaborations later proved to be in demand by German theoreticians and politicians for the ideological support of anti-Russian course. Understanding the approaches and arguments of German Anti-Russian sentiment is important for countering and neutralizing it.

Key words: Germany, Russia, Russophobia, theoretical discourse, argumentation, propaganda

Acknowledgments: The study was performed within the framework of state task No. FSFU-2020-0020.

For citation: Belozerov, V. K. Mironov, D. V., Myrikova, A. V., Shirinyants, A. A. (2023). Russians are our natural enemies – German russophobic discourse of XIX – early XX centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 56–63. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_56

ВВЕДЕНИЕ

В ситуации обострения международных отношений русофобия ложится в основу внешнеполитических стратегий ряда стран. Отсюда важно понимать истоки и смысл русофобии.

Корректное определение русофобии как политико-идеологического феномена содержится в Меморандуме экспертного центра Всемирного русского народного собора «О русофобии» (2015): «Русофобия – неприязнь, ненависть к России и русским, к проявлениям их этнокультурной, религиозной и национально-государственной идентичности». В этом документе выделен и набор догм доктрины, представляющей Россию полюсом зла, угрожающим человечеству: «Россия – агрессивное государство. Ее огромные размеры являются результатом ее имманентной агрессивности; Россия – ксенофобское общество, “тюрьма народов”. Русские враждебно относятся к своим соседям и жестоко эксплуатируют национальные меньшинства; Россия – пространство рабства и несвободы. Права и возможности человеческой личности в России фатально ограничены; Русские не имеют собственного мнения, их убеждения – целиком продукт официальной пропаганды (вплоть до того, что русские воспринимаются не как индивидуумы, а как элементы бездушной государственной машины); Россия – нищая, отсталая страна. Причинами этого являются русская лень, пьянство и экономическая неэффективность чрезмерно влиятельного государства»¹.

В XIX – начале XX века в конструировании русофобских стереотипов, штампов и клише проявили себя и некоторые немецкие авторы. Германская русофобия имела сложную генеалогию. Со времен Петра I Россия была связана с германскими государствами множеством связей. Как идеология русофобия появляется в Германии в конце XIX века после создания Второго рейха и достигает своих пределов в расистской идеологии Третьего рейха.

Свои истоки она черпает в XVIII – первой половине XIX века, исходя из особого взгляда на культуру, народ и немецкое национальное государство. Такое видение возникло в идеях романтизма и идеализма в ответ на абстрактный универсализм французского Просвещения. Воплощением романтического национализма стало учение о народном духе, порождающем своеобразие немецкой нации. Причем «новые представления вызревали постепенно под влиянием величайшего немецкого философа Иммануила Канта, гениев эпохи

романтизма Лессинга, Гердера и в особенности Гёте, Шиллера и Гёльдерлина, а также философов-идеалистов – от Фихте до Гегеля. Именно они стали основоположниками *Deutschtum* – идеи о национальной самобытности немцев, которая, опираясь на славянофобию, выступит своеобразным катализатором германской политики экспансионизма» [Меттан, 2016, с. 126].

Обращение к немецкой русофобии ввиду обширности описываемого объекта требует некоторых комментариев. Нельзя не признать, что в немецкой консервативной мысли существовали и выраженные русофильские тенденции. Достаточно назвать Франца фон Баадера, считавшего русскую Церковь неиспорченной цивилизацией, и Августа фон Гаксгаузена, превозносившего преимущества русской общины. Пророссийские тенденции проявлялись в описываемый период и в политических кругах немецких государств. Необходимо отметить, что вне рамок данной статьи остается и нескрываемое отвращение классиков марксизма к славянам вообще и к русским в частности. Причем речь идет не только о Марксе и Энгельсе [Медяков, 2012].

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РУСОФОБИЯ АРНДТА

Одним из тех, кто с восторгом воспринял идею духа как одушевляющий вселенную принцип, был *Эрнст Мориц Арндт* (1769–1860). Будучи внуком крепостного, он стал университетским профессором, поэтом и историком, ярким публицист, сочетавшим германский патриотизм, национализм и антисемитизм, нелюбовь к славянам (полякам и русским) и к французам. Последних он поначалу превозносил за стремление к свободе, называя Французскую революцию «борьбой света против тьмы», в эпоху же наполеоновских войн стал испытывать страх перед ними. Главным объектом франкофобии Арндта был «кровавый тиран» Наполеон. В 1806 году, по крылатому выражению Г. Гейне, «Наполеон дунул на Пруссию, и ее не стало», а Арндт, выпустивший незадолго до этого первую книгу сборника «Дух времени» (1806, последующие три книги вышли в 1809–1818), вынужден был бежать в Швецию и развернуть там антинаполеоновскую агитацию.

В его книге развивалась идея об этнической однородности и единстве происхождения народа как главном условии его политической свободы, что сделало Арндта одним из видных популяризаторов идеи немецкого национального единства.

Арндтом дается отрицательная характеристика русскому народу, которую он расширил в специальной работе «Краткое слово о России, ее

¹Меморандум экспертного центра Всемирного русского народного собора о русофобии.
URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=1259>

позиции и ее поведении по отношению к остальной Европе до и после Петра Великого», опубликованной в 1808–1809 годах в выпускавшемся в Швеции журнале «Der nordische Kontrolleur». Это большое произведение некоторые исследователи считают «вершиной осмысления места Российской империи в современной (ему. – *ред.*) Европе» [Заиченко, 2018, с. 10]. Между тем выпады националиста-романтика Арндта вполне тривиальны и не выходят за рамки обычной русофобской логики и лексики. Русские – варвары, рабы, и... обезьяны – утверждает он. «Русские, в отличие от своих европейских современников всё еще находятся в варварском состоянии. Таковы их обычаи, таково их общественное состояние, таково их правительство, таковы их государственные перевороты и революции» [Europa und Russland... 1959, с. 30–31]. Истоки русской культуры – в глубочайшей трясине рабства: «воздух рабства все еще веет над огромной империей, и подневольная лень и беспечность не дают расцвести более благородным вещам ни снизу, ни сверху. ...Бездуховное никогда не рождает дух, тем более у вырождающихся и униженных, каковыми, очевидно, являются русские» [там же, с. 36]. И своего рода апофеоз: «Русские... являются самыми талантливыми обезьянами в заучивании чужого... Я не говорю, что русские не могут стать никем иным из-за порочности своей природы; я только говорю, что они не будут никем иным, пока сохраняется порочность их общественного устройства» [там же, с. 37–38].

По иронии судьбы Арндт, сравнивавший русских с приматами, в 1812 году оказался в Санкт-Петербурге в роли личного секретаря находящегося на российской службе опального прусского министра-реформатора барона фон Штейна. Здесь он обзавелся кругом светских знакомств, и разрешил открыть осенью 1812 года переводом своей статьи из книги «Дух времени» первый номер нового русского патриотического журнала «Сын отечества». Ирония истории в том, что именно русская армия, освободила родину Арндта.

Мечты Штейна и Арндта о создании единого немецкого государства во главе с Пруссией не сбылись. Германский союз (1815–1866), возникший после Венского конгресса, включал 39 немецких государств под председательством Австрии. Ее соперничество с Пруссией и привело союз к самороспуску в 1866 году без всякого участия России. Более того, «Священный союз» России, Пруссии и Австрии, созданный с целью поддержания установленного на Венском конгрессе международного порядка, такого не мог допустить. Либеральное же национальное движение в Германии озаботилось освобождением от этого гнета...

поляков, проявив солидарность с ними после подавления польского восстания 1830–1831 годов в российском Царстве Польском. Но после того, как в 1848 году стало очевидно, что требование о восстановлении суверенитета Польши несовместимо с территориальными интересами Германии, восторженное отношение немецких либералов к Польше заметно остыло. Национальное собрание, заседания которого проходили во Франкфурте (и в которых принимал участие Арндт), приняло в июле 1848 года решение в пользу «здорового национального эгоизма» против «сентиментального космополитического идеализма», т. е. против Польши.

АНТИСЛАВЯНСКАЯ РУСОФОБИЯ ФАЛЬМЕРАЙЕРА

После революции и венгерского восстания в 1848–1849 годах, немецкая русофобия получила новый импульс. Эстафету «экспертизы» России с враждебных и предвзятых позиций принял путешественник, публицист, политик и историк-византист *Якоб Филипп Фальмерайер* (1790–1861). В отличие от тех, кто судил о России по впечатлениям своих или чужих путешествий, он выстроил свою антироссийскую риторику на основе фундаментальных подходов.

Фальмерайер получил известность как один из основателей византистики, создав серьезный труд «История Трапезундской империи» (1827). В 1848 году он был избран делегатом от Баварии в Франкфуртское национальное собрание, где занял крайне левую антиклерикальную и демократическую позицию.

Что касается грекофобии, славянофобии и русофобии Фальмерайера, то они основывались на тезисе об ассимиляции греков славянами, что позволило ему выстроить теорию об угрозе славянского вторжения и замещении населения романо-германских народов Европы славянами. Отстаивая вечный дуализм Востока и Запада, Фальмерайер выступал против независимости Греции, требовал всеми силами поддерживать Османскую империю, которую считал оплотом противостояния славянам и России. Он активно пропагандировал свою позицию в публицистических статьях. Так, уже в 1839 году в статье «Вид на земля Нижнего Дуная», он прямо заявлял, что «ближайшее будущее в Европе и Азии будет принадлежать славянам» [там же, с. 310]. Спустя год он характеризовал Россию как «универсальное, военно-дисциплинированное, колоссальное церковное государство, институт покаяния и слез для нравственного восстановления развращенного мира, постепенно вязнущего в трясине материальных интересов»

[Europa und Russland... 1959, с. 312]. «Душа и жизнь русскости», по Фальмерайеру, – выгнать турок и затянуть в петлю немецкие племена вместе с греками, которые уже «определены русскими в списки для приведения в дальнейшем к покорности». Поэтому именно русские – «наши природные враги, наши аспиды и недруги» [там же, с. 313–314]. «Претензии России на будущее колоссальны, – приходит он к выводу, – и ее сила признается страхом перед ней Европы» [там же, с. 333].

Во время Крымской войны Австрия, Пруссия, а затем с 1854 года и весь Германский союз, включая Баварию, где в то время жил и работал Фальмерайер, формально и фактически находились в положении нейтральных стран. Поэтому его антирусские выпады прозвучали резко и вызывающе. Особенно выделяется статья Фальмерайера 1855 года «Германия и Восточный вопрос», в которой он объяснял особенности европейских государств и Российской империи цивилизационными различиями: «Россия – это безграничная казарма, где по-военному, железной рукой и буйно правит абсолютная воля, где вся жизнедеятельность механически обученных миллионов направлена к единственной цели, лежащей далеко за границами страны. Выполнять работу без отдыха, терпеть лишения, мучения и наказания по произволу, сражаться и умирать за священного царя – вот великая политическая догма московитов. ... Русский двигается, отдыхает, идет вперед или бежит, стоит, живет и умирает везде только по приказу своего начальника, в то время как в Западной Европе человек хочет иметь свою волю и право, уважение к личной свободе, к собственности и человеческому достоинству, уважение к вероисповеданию, культивирование изящных искусств, поэзии, житейской мудрости, точных наук и народного образования, даже споры о звании профессоров, о жаловании и почестях заслуженных академиков и, наконец, колебания рыночных цен на зерно создают препятствия и обязательства для правительств, определяют полномочия и налагают ограничения, о которых в России мало знают и которых не понимают» [там же, с. 336–337]. Вселенский масштаб приобретает в его интерпретации и российская угроза. «Московский абсолютизм» призван «готовить московитский удел для всех народов Земли, должен повсюду разжигать распри и раздоры, чтобы, постоянно всасывая свежий материал, восстанавливать силы, израсходованные его расточительными управленцами. Россия не может и не будет успокаиваться, пока либо сама не будет сломлена, либо не станет властителем обитаемой земли» [там же, с. 337]. Как туркофил Фальмерайер расценивает роль в европейской политике Османской империи как спасительную, поскольку от московитского господства Европу спасают только

турки: «Если бы турки в гибельный момент русского вторжения были так же бесполезны, никчемны и трусливы, как христиане Византии в аналогичных условиях, какая судьба постигла бы миролюбивую, искусную и процветающую Европу?» [там же, с. 339].

РАСИСТСКАЯ РУСОФОБИЯ МАРТИНА

В последней четверти XIX века Германия по численности населения вдвое превосходила соседние государства, ее промышленный рост был сродни экономическому чуду. Ей становилось тесно в занимаемых пределах: «Не успев вовремя присоединиться к завоеванию заморских колоний, Германия в поисках новых территорий обращает свой взор на наиболее доступный и многообещающий регион – необъятную Россию» [Меттан, 2016, с. 126]. Немецкие националисты восторгались силой и крепостью, богатством и деловитостью нового государства, гением создавшего его Бисмарка. В начале XX века *Рудольф Эмиль Мартин* (1867–1916), советник германского имперского статистического ведомства, руководствуясь мыслями Бисмарка «не давать России денег, на которые она вела бы враждебную Германии политику» [Мартин, 1907, с. 4], публикует в Берлине в 1905 году свою первую книгу «Будущность России и Японии: немецкие миллиарды в опасности». Книга вышла во время мирных переговоров в Портсмуте, завершивших неудачную для России войну с Японией. Основной идеей, целью и главным содержанием книги было желание спасти немецкие деньги, размещенные в русских государственных займах. Это было необходимо сделать ввиду грядущей революции в Российской империи и следовательно, ее государственного банкротства, которые предсказывал Мартин. Он доказывал, что Россия – бедная страна, с отсталым сельским хозяйством и слабо развитой промышленностью, она не может играть мировой роли, не может быть «сильной державой», как бы ни стремились к этому «правлящие классы государства» [там же, с. 10].

Развернутую аргументацию Мартин представил в вышедшей год спустя книге «Будущность России». Причины грядущей катастрофы Российской империи, полагает Мартин, не только в поражении в войне, они лежат много глубже. Среди них «отсталость русского сельского хозяйства; недостаток в образовании и капитале у крестьян; влияние враждебной образованию греко-католической (православной. – ред.) Церкви; особенности славянской расы; величина русского государственного долга и резкая противоположность между различными народностями и классами в русской империи» [там же, с. 5–6]. Он рисует удручающие

картины жизни русской деревни, которая «благодаря страшному невежеству, недостаткам жилищ, плохому питанию и большой нечистоте... является постоянным очагом заразных болезней» [Мартин, 1906, с. 19]. Малоземелье, мрачное влияние русской православной Церкви на необразованных, безграмотных, суеверных крестьян, революционная социал-демократическая пропаганда, толкающая крестьян на «беспорядки», – все это симптомы грядущей русской крестьянской революции, которая «будет самая страшная из всех крестьянских войн и жакерий» [там же, с. 21].

Главная же причина надвигающейся катастрофы заключается не во внутренних противоречиях, терзающих Российскую империю, а в ее отношении к остальному, цивилизованному миру. Предвосхищая М. Олбрайт с ее оценкой несправедливости принадлежности Сибири России¹, Мартин утверждает, что Россия обладает безграничными природными ресурсами, которые сама не в состоянии освоить: «эксплуатация естественных свойств русской почвы на много поколений затруднена свойствами русского племени или русской религии» [там же, с. 143]. Он излагает аргументы об ущербности русских, расистские по своей сути: «Русские – славяне, и к ним принадлежат, как и мы, германцы, к индогерманской семье народов. Но при колонизации России они сильно смешались с финнами и татарами. Не все расы одинаково ценны. Русская раса до сих пор не смогла достигнуть таких же успехов в мировой истории, как германская или англосаксонская раса» [там же, с. 37]. Окружающие Россию народы – выше русских по своему развитию. Слабость России по сравнению с другими народами Европы обнаруживается в расе и религии: «Русская раса так же мало, как и их религия, приспособлена к культурному прогрессу, к автомобилю, к военному судну» [там же, с. 103].

По его мнению, русские убеждены, будто созданы для завоевания всего мира, поскольку обладают крепким славянским духом, истинной христианской религией и «главным фундаментом цивилизации» в образе самодержавия: «если когда-нибудь другие народы, установившие у себя конституционный образ правления, впадут в анархию и будут стоять на краю полной гибели, тогда на сцену выступит Россия и даст народам земли порядок и власть» [там же, с. 50]. В итоге у русских «свойство почвы, географическое положение и абсолютизм, сумевший при

помощи православной Церкви воспользоваться и религиозным фанатизмом, привели к мечте о мировом господстве» [там же, с. 46–47]. Но у России нет будущего: «вдали уже показались первые ростки нового мирового господства, которое, быть может, распространится до восточных границ Европы. Это культура восходящего солнца на Японских островах» [там же, с. 65].

Однако действительность свидетельствовала об ином. К 1913 году Россия вошла в пятерку самых развитых стран мира. Империя демонстрировала высокие темпы промышленного развития и роста национального продукта. В стране была самая протяженная сеть железных дорог в Европе и самый большой в мире золотой запас. Но все же мировым лидером, меняющим глобальное соотношение сил, была не Россия, а Германия, обошедшая Великобританию по доле промышленного производства и другим показателям. В мае 1914 года статс-секретарь министерства иностранных дел Германии фон Ягов поделился с кайзером и военной верхушкой соображениями о релевантности превентивной войны против России: «Перспективы будущего угнетают. Через два или три года Россия завершит процесс своего вооружения. Мощь наших противников будет чрезвычайно велика»².

ГЕОПОЛИТИКА И ПРОПАГАНДА В РУСОФОБИИ РОРБАХА

Одним из немецких мыслителей, во взглядах которого переплелись национализм, культурный шовинизм и элементы протестантизма, был уроженец Курляндии публицист, политик, историк и путешественник, доктор философии *Пауль Рорбах* (1869–1956). Будучи представителем немецкой национал-консервативной мысли, он работал секретарем в Евангелическо-социальном конгрессе, деятельность которого была направлена на решение социальных вопросов мирным путем и на противодействие социал-демократии. Он много путешествовал по миру, служил в колониальной администрации в Германской Юго-Западной Африке, преподавал колониальную экономику в Высшей школе торговли в Берлине, публиковал статьи по широкому кругу вопросов теологии, экономики, геополитики.

Накануне Первой мировой войны Рорбах оказался одним из главных экспертов по «русскому вопросу», продвигая идею о том, что все свои военные и дипломатические усилия Германия обязана направить на расчленение России и отторжение от нее Прибалтики, Финляндии, Польши, Беларуси

¹Еще российский геополитик А. Е. Вандам (1867–1933) в работе «Наше положение», вышедшей в 1913 году, обращал внимание на англосаксонский принцип, когда «естественное право на землю принадлежит не тому, кто сидит на ней, а тому, кто добывает из нее богатства» [Вандам, 2002, с. 91].

²Цит. по: Уткин А. И. Первая мировая война. М., 2002.
URL: <https://coollib.net/b/232388/read#r87>

и Украины. Прибалтика должна была быть присоединена к Германии, а остальные страны должны стать буфером между Россией и Германией, образовав «промежуточную Европу».

В Первую мировую войну Рорбах служил в восточном бюро Имперского военно-морского ведомства, затем – начальником отдела вражеской и нейтральной прессы в Центральном управлении Службы заграницы в структуре министерства иностранных дел. Отдел готовил еженедельные обзоры для политических и дипломатических ведомств. В этот период Рорбах стал ведущим пропагандистом доктрины «Срединной Европы», создания экономического и политического блока под эгидой Германии, активно проповедовал антирусские идеи, выступал за немецкую колонизацию прибалтийских земель, за отделение огромной многомиллионной массы «великороссов, украинцев и белорусов друг от друга», расчленение России, отделение от нее Финляндии, Кавказа, Армении, Украины и т. д., полагая, что если этого не сделать, то «Россия вскоре восстановит свою былую мощь» [Rohrbach, 1916, с. 54]. Одной из главных его идей было противопоставление великороссов-москвитов «чужим народам», которые Россия покорилась и притесняет. «Сепарированные» же от России Финляндию, Польшу, Беларусь и Украину он предполагал впоследствии включить в «Срединную Европу». В рамках реализации своих идей на практике Рорбах в 1914 году становится одним из основателей Германо-армянского общества, а в марте 1918 года – Германо-украинского общества.

В брошюре Рорбаха «Россия и мы», опубликованной в разгар войны в Штутгарте, эти идеи соединяются с оценкой всего «варварского» русского. «Варварство» проявляется, в частности, в ненависти к немцам, которая принимает в России форму «азиатского многообразия», когда печать сообщает «о страшном враге, с которым воюет Россия, методами которого являются разбой, убийства и изнасилования», о прибитых к стенам детях и т. д. [там же, с. 75]. Рорбах, со своей стороны, повествует о «русских злодеяниях» в Восточной Пруссии и жестокости по отношению к гражданским лицам и немецким военнопленным. Злодеяния, как он считает, обнаружили «внутреннюю природу русского противника», суть которой составляет «дикое варварство и хладнокровная жестокость азиатских элементов, как в народе, так и в обществе» [там же, с. 94]. Поэтому, считает Рорбах, никакого снисхождения русские не заслуживают, и никакого «щадящего мира» с Россией быть не может.

Рорбах, можно сказать, замыкает круг русофобов в донацистской Германии. В его арсенале

обнаруживается смесь правды и лжи. Так, реальный приказ русского командования «при нападении гнать перед собой всех жителей мужского пола, работоспособного возраста от 10 лет и старше» сопровождается «показаниями» о «гнусных изуверствах москвитов», выколотых глазах, отрезанных пальцах, прибитых к столу языках [там же, с. 91]. Его утверждения о «славяно-татарской расе москвитов» поддерживаются избитыми клише прежних эпох. Он применяет известный манипулятивный прием «подмены информации»: приводит пример «зверств полчищ москвитов» XVI века и тут же делает заключение о том, что русские в XX веке поступают так же, потому что остались «москвитами» [там же, с. 93]. Такой способ подачи информации рассчитан на эмоции читателя, не склонного выяснять, чем фактически и документально подтверждаются умозаключения автора.

Сразу после поражения Германии Рорбах вместе с М. Вебером и другими участниками «Рабочего объединения по политике права» начал выяснять, кто является виновником развязывания войны и кто должен понести наказание. В годы Веймарской республики он ратовал за возврат утраченных Германией в войне колоний и высказывал мысли, близкие к расистским идеям национал-социализма. В годы Третьего рейха он отошел от активной политической деятельности. Тем не менее его размышления о «недочеловеках» («Untermenschen»), «фюрерском государстве» («Führerstaat») и др. говорят о симпатии к гитлеровской идеологии, пусть и не к самому режиму [Anker, 1994, с. 592–608].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русофобия являлась значимой частью теоретического общественно-политического дискурса Германии в описываемый период. При этом «идейные достижения» немецкой русофобии не ограничиваются хронологическими рамками того, что изложено выше. Вместе с тем ясно, что такие «изыскания» создавали почву для грядущего нацизма, расизма и реваншизма в Германии.

Тем не менее можно отметить следующее. В октябре 1929 года немецкий политический мыслитель Карл Шмитт, характеризуя идейное наследие минувшего XIX века, изложил свое видение восприятия Россией теоретических изысканий Европы: «Мы, в Центральной Европе, живем sous l'oeil des Russes¹. Вот уже столетие, благодаря своей психологической проницательности, они

¹Под оком русских, на глазах у русских (фр.).

видят насквозь наши великие лозунги и наши институты; их витальность достаточно велика, чтобы овладеть как оружием нашими познаниями и нашей техникой; их мужество [принять] рационализм и то, что ему противоположно, их мощь правоверия в добре и зле не знает преград» [Шмитт,

2016, с. 357]. Думается, Шмитт таким образом выбивает одну из опор немецкой русофобии, заключающуюся в стремлении изобразить нашу страну – вне зависимости от утвердившегося здесь политического режима – как некое перманентно существующее «природное зло».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Меттан Ги. Запад – Россия: тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М. : Паулсен, 2016.
2. Медяков А. С. «Там, на Востоке стоит наш единственный враг». Август Бебель о России // Родина. 2012. № 5. С. 86–91.
3. Заиченко О. В. Образ России в немецкой публицистике в первое двадцатилетие после Французской революции. М. : Весь Мир, 2018.
4. Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses / Hrsg. von D. Tschizewskij u. D. Groh. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1959.
5. Мартин Р. Будущность России и Японии. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1907.
6. Мартин Р. Будущность России. М. : тип. А. П. Поплавского, 1906.
7. Rohrbach P. Russland und wir. Stuttgart : J. Engelhorn's Nachf., 1916.
8. Anker J. Paul Rohrbach // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon (BBKL). Band 8 (Rembrandt – Scharbel (Charbel)). Herzberg : Bautz. 1994.
9. Шмитт К. Понятие политического. СПб. : Наука, 2016.
10. Вандам (Едрихин) А. Е. Геополитика и геостратегия. М. : Кучково Поле, 2002.

REFERENCES

1. Mettan, G. (2016). Zapad – Rossija: tysjacheletnjaja vojna: istorija rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa = West – Russia: A Millennium War: A History of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian Crisis. Moscow: Paulsen. (In Russ.)
2. Medeakov, A. S. (2012). Tam, na Vostoke stioit nash edinstvennii vrag. Avgust Bebel' o Rossii = There, in the East, is our only enemy. August Bebel about Russia. Rodina, 5, 86-91. (In Russ.)
3. Zaichenko, O. V. (2002). Obraz Rossii v nemetzkoi publicistike v pervoe dvadztatiletie posle Frantzuskoj revolutzii = The image of Russia in German journalism in the first twenty years after the French Revolution. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
4. Tschizewskij, D. u. D. Groh (Hrsg.) (1959). Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft
5. Martin, R. (1907). Budushhnost' Rossii i Japonii = The future of Russia and Japan. Moscow: Tip. t-va I. D. Sytina. (In Russ.)
6. Martin, R. (1906). Budushhnost' Rossii = Future of Russia. Moscow: tip. A. P. Poplavskogo. (In Russ.)
7. Rohrbach, P. (1916). Russland und wir. Stuttgart: J. Engelhorn's. Nachf.
8. Anker, J. (1994). Paul Rohrbach, Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon (BBKL). Band 8 (Rembrandt – Scharbel (Charbel)). Herzberg: Bautz.
9. Schmitt, C. (1932). Der Begriff Des Politischen. Berlin: Dunker & Humblot.
10. Vandam (Edrichin), A. E. (2002). Geopolitika i geostrategija = Geopolitics and geostategy. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозёров Василий Клавдиевич

доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

главный редактор журнала «Вестник Московского государственного лингвистического университета.
Общественные науки»
член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации
Ассоциация военных политологов

Миронов Денис Владимирович

младший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Мырикова Анна Валериевна

кандидат политических наук, доцент
доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ширинянц Александр Андреевич

доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Belozero Vasily Klavdievich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor,
Head of the Chair of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
Editor-in-Chief of the «Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences»
Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation
Association of Military Political Scientists

Mironov Denis Vladimirovich

Junior Research Fellow of the Department of History of Social and Political Doctrines
Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University

Myrikova Anna Valerievna

PhD (Political Science), Associate Professor
Associate Professor of the Department of History of Social and Political Doctrines
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Shirinyants Aleksandr Andreevich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor
Head of Department of History of Social and Political Doctrines of the Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	24.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_64

Электоральные аспекты формирования политики Украины в 1994–1999 годах

А. Ю. Лябах

*Академия гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика, Химки, Россия
0190555@mail.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ электорального процесса на выборах президента Украины в 1994 и 1999 годах. Рассматривается процесс исполнения выбранным президентом его предвыборных программ, а также динамика поддержки кандидатур регионами Украины в зависимости от проводимой политики и изменения предвыборных программ.

Ключевые слова: выборы президента, Л. Д. Кучма, Л. М. Кравчук, П. Н. Симоненко, регионы, Украина

Для цитирования: Лябах А. Ю. Электоральные аспекты формирования политики Украины в 1994–1999 годах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2(851). С. 64–70. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_64

Original article

Electoral Aspects of the Formation of Ukraine's Policy in 1994–1999

Andrey Yu. Lyabakh

*Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Khimki, Russia
0190555@mail.ru*

Abstract. This article analyzes the electoral process in the presidential elections in Ukraine in 1994 and 1999. The process of execution by the elected president of his election programs, as well as the dynamics of support for candidates by the regions of Ukraine, depending on the policy pursued and changes in election programs, is considered.

Keywords: presidential elections, L.D. Kuchma, L.M. Kravchuk, P. N. Simonenko, regions, Ukraine

For citation: Lyabakh, A. Yu. (2023). Electoral Aspects of the Formation of Ukraine's Policy in 1994–1999. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 64–70. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_64

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена рядом факторов.

Во-первых, все этапы значительного ухудшения российско-украинских взаимоотношений приходится на время смены президентской власти (путем переворотов 2004 и 2013 годов), что актуализирует анализ электоральных кампаний, а также исполнения уже избранными президентами Украины электоральных обязательств, которые были даны ими в ходе предвыборных кампаний.

Во-вторых, тема политики Украины активно исследуется в отечественном научном сообществе. Основными направлениями анализа являются вопросы обеспечения международной безопасности и реализации международных договоренностей [Курылев, 2015; Дубинин, 2008]. В вопросах анализа формирования украинской политической элиты, а также электоральных процессов (в особенности в 1990-х годах) наблюдаются некоторые пробелы.

В-третьих, ряд исследователей придерживается мнения, что власть на Украине в значительной мере подчинена олигархам и реальные институты демократии (в том числе электоральные) фактически не функционируют [Шапино, Тоберн, 2015]. Подобная позиция дополнительно подчеркивает актуальность анализа электоральных процессов на Украине в начале 1990-х годов (конкретно выборы президента 1994 года), когда олигархи, как экономическая и политическая часть элиты еще не получили значительного влияния.

Цель настоящей работы – проведение анализа электорального процесса на выборах президента Украины в 1994 и 1999 годах.

АНАЛИЗ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ 1994 ГОДА

Прежде чем переходить к анализу процесса выборов 1994 года, кратко обозначим проблемы, стоявшие перед руководством Украины.

1. Окончательно провести раздел Черноморского флота с РФ.

2. Определится со статусом Республики Крым и города Севастополя. Напомним, что с 1992 года руководство Республики Крым приняло ряд решений по повышению политической самостоятельности приняв собственную Конституцию¹, а также объявив о проведении референдума о независимости². Ситуацию усугубило то, что Верховный Совет

РФ объявил передачу Крыма УССР в 1954 году не действительной³.

3. Преодоление гиперинфляции (рост цен на 10155 %) экономического кризиса (падение экономики на 14,2 %⁴), вызванного ваучерной приватизацией государственной собственности и низкой результативностью проводимых реформ.

4. Решение проблемы перманентного роста задолженности перед РФ за поставляемые нефть и газ.

Указанные выше проблемы, вкуче с забастовкой шахтеров Донбасса в итоге привели к проведению досрочных президентских выборов.

Далее, в рамках достижения цели исследования проведем анализ предвыборных позиций кандидатов 2-го тура голосования и результатов голосований по регионам, на выборах президента Украины 1994 года (см. табл. 1).

Проводя анализ данных, отраженных в таблице 1, сделаем ряд авторских выводов.

Во-первых, в поддержке кандидатов Украина фактически разделилась на два направления: прозападное (центральные и западные регионы Украины, поддерживавшие кандидатуру Л. М. Кравчука) и пророссийское (восточные и южные регионы Украины, поддерживавшие Л. Д. Кучму). Фактически причиной победы Л. Д. Кучмы стала его пророссийская позиция в рамках избирательной кампании и поддержка от пророссийских регионов. В данном контексте интересно мнение самого Л. Д. Кучмы, отраженное в его биографии: «Западные области голосовали не за Кравчука, они голосовали против меня. А впрочем, точно так же верно и то, что восток и юг голосовали не столько за меня, сколько за изменения в политической и экономической жизни страны» [Корж, 2005, с. 16].

Дальнейшая политика, проводимая Л. Д. Кучмой многими исследователями трактуется как многовекторная и компромиссная между США, ЕС и РФ [Ромащенко, 2012]. Например, в 1997 году подписывается «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» и в этом же году подписывается «Хартия об особом партнерстве Украины и НАТО». Более того, уже к 2003 году Совет национальной безопасности и обороны Украины, который напрямую возглавляет президент, объявляет о том, что вступление в блок НАТО – это стратегическая задача, что было закреплено в законе от 19.06.2003

URL: <https://zakon.rada.gov.ua/krym/show/rb0073002-92#Text>

¹Конституция Республики Крым. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/krym/show/rb076a002-92/print1394702726687636#Text>

²Постановление Верховного Совета Республики Крым от 09 июля 1992 г. № 6 «О проведении общекрымского референдума».

³Постановление Верховного Совета РФ от 21 мая 1992 г. № 2809-1 «О правовой оценке решения высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901607649>

⁴Инфляция на Украине в 1994 году. URL: <https://www.statbureau.org/ru/ukraine/inflation/>

Таблица 1

АНАЛИЗ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ 1994 ГОДА

Кандидат в президенты	Леонид Данилович Кучма – победитель выборов	Леонид Макарович Кравчук
Процент жителей, поддержавших кандидатуру	1-й тур – 31,17 % 2-й тур – 52,15 %	1-й тур – 38,36 % 2-й тур – 45,06 %
Поддержка представителями элиты, бизнеса, СМИ	Крупнейшая газета Украины «Киевские ведомости». Поддержка российскими СМИ.	Первый канал украинского телевидения. Газета «Голос Украины»
Основные тезисы предвыборной кампании	Усиление исполнительной власти, местных властей и регионов. Отказ от федерализации. Принятие новой Конституции. Поддержка русского языка, как второго официального. Либерализация экономики, создание промышленных и финансовых групп сосредоточения капитала. Усиление экономических связей и улучшение отношений с Россией, полное членство в СНГ.	Создание из Украины президентско- парламентской республики. Увеличение роли местного самоуправления в решении экономических вопросов. Принятие новой Конституции. Улучшение взаимодействия с РФ в области экономики, но отказ от политического или военного союза. Ассоциативное членство в СНГ. Интеграция с Европейским Союзом.
Представляемая кандидатом политическая партия	Беспартийный	Беспартийный
Партии поддержки	«Межрегиональный блок реформ»	«Народный Рух Украины», Блок «Государственность» Блок «Аграрии Украины» Блок «Центр»
Регионы, которые поддержали кандидатуру	Севастополь (91,9 %), Республика Крым (89,7 %), Луганская область (88 %), Донецкая область (79 %), Черниговская область (72,3 %), Харьковская область (71 %), Запорожская область (70,7 %), Сумская область (67,8 %), Днепропетровская область (67,8 %), Одесская область (66,8 %), Херсонская область (64,6 %), Полтавская область (59,2 %), Николаевская область (52,8 %), Кировоградская область (49,7 %)¹.	Тернопольская область (94,85 %), Ивано-Франковская область (94,5 %), Львовская область (93,8 %), Ровенская область (87,3 %), Волинская область (83,9 %), Закарпатская область (70,5 %), Черновицкая область (61,8 %), Киев (59,7 %), Киевская область (58,3 %), Хмельницкая область (57,2 %), Житомирская область (55,6 %), Винницкая область (54,3 %), Черкасская область (50,8 %).

¹Статистика 2-го тура выборов на Украине в 1994 году. URL: [http://dictionary.sensagent.com/ Президентские_выборы_на_Украине_\(1994\)/ru-ru/](http://dictionary.sensagent.com/Президентские_выборы_на_Украине_(1994)/ru-ru/).

№ 964-IV «Об основах национальной безопасности Украины»¹). Такую политику сложно назвать пророссийской (ее можно даже трактовать как нарушение Декларации о государственном суверенитете Украины, в которой был закреплён

ее внеблоковый статус²), что также можно трактовать как не исполнение Л. Д. Кучмой своих предвыборных обещаний.

Во-вторых, несмотря на то, что оба кандидата баллотировались на выборах как беспартийные,

¹Закон от 19.06.2003 № 964-IV «Об основах национальной безопасности Украины». URL: <https://kodeksy.com.ua/ka/ob-osnovah-nacionalnoj-bezopasnosti-ukrainy.htm>.

²Декларация о государственном суверенитете Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/55-12#Text>.

они пользовались широкой поддержкой политических партий. Поддержка базировалась на политической позиции и предвыборной агитации. Так, Л. Д. Кучму поддерживала пророссийская партия «Межрегиональный блок реформ», а Л. М. Кравчука – ряд партийных блоков различной направленности.

В-третьих, можно заметить схожесть предвыборных программ Л. Д. Кучмы и Л. М. Кравчука, отличается в них позиция относительно роли исполнительной власти и парламента в государственной системе. Также наблюдается отличие в роли регионов и их лидеров, которые, по мнению ряда исследователей оказали существенную поддержку кандидатуры Л. Д. Кучмы [Ильченко, 2014].

В-четвертых, большая часть регионов, которые поддерживали кандидатуру Л. М. Кравчука, являются дотационными, а поддержавшие Л. Д. Кучму – доноры бюджета, так как большая часть промышленного потенциала Украины сосредоточена на юго-востоке, именно развитие этих регионов (в тех условиях становления рыночной экономики) могло стать решением экономических проблем Украины и путем выхода из кризиса. При этом Л. Д. Кучма как кандидат, предвыборная программа которого во многом была направлена на защиту интересов данных регионов, на практике не реализовывал задачи по развитию регионов, а скорее пытался стабилизировать общую экономическую ситуацию за счет программ иностранной поддержки и внешних займов.

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ 1999 ГОДА

Перейдем к анализу выборов президента Украины, проводимых в 1999 году. В первую очередь отразим ситуацию на момент начала выборов.

Л. Д. Кучмой был проведен ряд реформ по либерализации экономики, принята новая денежная единица – гривна и проведена приватизация. Наблюдается медленный, но явный экономический рост. При этом именно благодаря приватизации и политике, направленной на создание промышленных финансовых групп, появились украинские олигархи, оказывающие влияние на политический процесс. Также одним из основных инструментов решения экономических проблем стали иностранные займы. Уже к 1996 году Украина стала 3-й страной по числу займов у США (после Израиля и Египта) [Ромашенко, 2012], что налагало на политическое руководство Украины определенную ответственность.

Кучма действительно повысил роль русского языка, но он так и не стал 2-м государственным

языком, хотя этот процесс активно поддерживался юго-восточными регионами, а также половиной парламента Украины (требование о признании русского языка внесли в свою программу такие партии как «Коммунистическая партия Украины» и «Прогрессивная социалистическая партия Украины», а также еще шесть менее значимых партий и блоков).

Проблема газового и нефтяного долгов перед РФ так и не была решена. К моменту выборов, по оценкам Российской стороны, сумма долга только за газ составляла около 1,9 млрд долл. США. Украинская сторона признавала долг в 1 млрд долл., остальные средства, которые должны были оплачивать организации – оптовые импортеры российского из Украины, государство не считало своими¹, что также стало причиной конфликта.

На выборах в Верховную Раду Украины 3-го созыва, которые прошли в 1998 году партия от исполнительной власти (по сути, партия Л. Д. Кучмы) заняла лишь 5-е место, разгромно проиграв выборы КПУ [Томенко, 1998]. В такой ситуации политическая обстановка была не в пользу действующего президента, что требовало обновления предвыборной программы.

За период руководства Украиной восприятие Л. Д. Кучмы как политика изменилось. Во время его работы премьер министром (1992–1993) и на выборах в 1994 году его считали пророссийским или нейтральным политиком, а к выборам 1999 года его стали воспринимать как прозападного, что привело к снижению его популярности в юго-восточных регионах Украины [Матлай, 2019].

Проводя анализ данных, отраженных в таблице 2, сформулируем ряд авторских выводов:

Во-первых, предвыборная кампания П. Симоненко во многом повторяет предвыборную кампанию Л. Кучмы 1994 года. При этом подход с закреплением русского языка в качестве государственного, в этот раз не получил столь значительной поддержки ввиду того, что Л. Д. Кучма, после победы на выборах в 1994 году, не реализовал данное предложение. Также предложения П. Симоненко по возврату к государственному регулированию экономики поставили на сторону Л. Д. Кучмы уже сформированную экономическую элиту в лице олигархов.

Во-вторых, наблюдается значительная смена регионов, которые поддерживали Л. Д. Кучму в 1994 и 1999 годах, так как после избрания в 1994 году Л. Д. Кучма по большей части не реализовал данных обещаний и скорее реализовывал политическую программу Л. М. Кравчука,

¹Украина выплатит долги за российский газ не полностью. URL: <https://lenta.ru/news/1999/11/01/gaz/>.

Таблица 2

АНАЛИЗ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ 1999 ГОДА

Кандидат в президенты	Леонид Данилович Кучма – победитель выборов	Петр Николаевич Симоненко
Процент жителей, поддержавших кандидатуру	1-й тур – 36,49 % 2-й тур – 56,25 %	1-й тур – 22,24 % 2-й тур – 37,80 %
Основные тезисы предвыборной кампании	Вступление в Совет Европы. Реализация договора о дружбе и сотрудничестве с РФ. Введение двухпалатного парламента	Восстановление социалистического пути развития страны. Введение государственного регулирования цен на продукты питания, лекарственные товары и ЖКУ. Предоставление русскому языку статуса государственного. Отказ от либерализации экономики и государственная поддержка субъектам промышленности. Отказ от вступления в НАТО. Возможность объединения с РФ путем референдума ² .
Представляемая кандидатом политическая партия и партии поддержки	Выдвинут как кандидат – Социалдемократическая партия Украины (В. Медведчук). Блок «Злагода» (сопредседатели Л. Кравчук, И. Плющ, В. Пустовойтенко). Донецкий блок «За единство, возрождение и солидарность» (В. Янукович).	Коммунистическая партия Украины
Регионы, которые поддержали кандидатуру	Ивано-Франковская область (92,3 %), Тернопольская область (92,2 %), Львовская область (91,6 %), Закарпатская область (84,6 %), Ровенская область (76,5 %), Волынская область (75,44 %), Черновицкая область (73,2 %), Киев (64,8 %), Киевская область (58,5 %), Днепропетровская область 56,4 %), Донецкая область (53 %), Одесская область (52,8 %), Хмельницкая область (51 %), Севастополь (50,2 %), Сумская область (48,3 %), Харьковская область (46,6 %), Житомирская область (44,1 %),	Винницкая область (59,2 %), Полтавская область (57,7%), Черниговская область (56,3 %), Луганская область (53,9 %), Херсонская область (52,9 %), Кировоградская область (52,6 %), Черкасская область (52,3 %), Автономная Республика Крым (51,2 %), Запорожская область (49,7 %), Николаевская область (49,2 %)

¹Предвыборная программа П. Н. Симоненко. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp1999/webproc0.html>.

после чего получил активную поддержку западных областей.

В-третьих, П. Симоненко фактически выдвигался на пост президента с политической программой, которая во многом повторяла программу КПУ на выборах в Верховную раду в 1998 году. КПУ на данных выборах победила со значительным отрывом, при этом, за прошедший год, ввиду политических противоречий парламента и президента, КПУ не смогла предпринять ощутимых действий по реализации обещаний, что усложнило

электоральный процесс для кандидата в президенты от данной партии.

В-пятых, П. Симоненко в первом приближении выглядит действительно пророссийским кандидатом, при этом его политическая программа (включая государственный контроль экономики) и поддержка именно коммунистической партии выглядит противоречивой относительно политики Б. Ельцина. Ситуацию усугубляет и политическое противостояние Б. Ельцина и лидера КПРФ Г. Зюганова на выборах президента РФ в 1996 году.

В таких условиях поддержка П. Симоненко (представителя КПУ) со стороны РФ противоречила бы политическому курсу действующей власти и была маловероятной. В итоге ряд исследователей считают, что кандидатура Л. Д. Кучмы получила, помимо поддержки прозападных областей, и абсолютную поддержку РФ¹.

Также следует уточнить, что в процессе выборов 1999 года Л. Д. Кучмой активно использовались административные (по сути, противоречащие законодательству о выборах) методы влияния на электоральный процесс. Так, после 1-го тура выборов своих постов лишились 14 губернаторов, которые активно поддерживали противников Л. Д. Кучмы. При этом, губернаторов Львовской и Николаевской областей, которые поддерживали кандидатуру Кучмы, перевели на вышестоящие должности в столицу. В итоге Л. Д. Кучма лишил должностей 16 губернаторов, 61 заместителя губернатора и 144 главы муниципальных образований в регионах, которые проголосовали против его кандидатуры².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во-первых, проведя анализ предвыборных программ Л. Д. Кучмы, за 1994 и 1999 годы можно прийти к выводу о том, что направленность его политической деятельности претерпела значительные изменения, причин этому несколько.

1. На выборах в 1994 году большей популярностью у западных регионов Украины пользовался Л. М. Кравчук. В подобных условиях именно голоса в юго-восточных, фактически пророссийских регионах могли предоставить победу Л. Д. Кучме, что, собственно, и случилось.

2. Причиной проведения досрочных выборов стала забастовка шахтеров Донбасса – одного из основных регионов – доноров украинского бюджета. Этот факт требовал учета интересов данного региона в предвыборных программах, что в той или иной мере было сделано обоими кандидатами.

3. Важнейшей проблемой, решение которой требовалось от избранного президента была стабилизация экономики, ее можно было провести различными путями. При этом обозначенный в предвыборной программе Л. Д. Кучмы процесс создания промышленных и финансовых

конгломератов (по сути создания олигархатов и олигархов), которые поддерживали кандидатуру Кучмы, был уже запущен, что в значительной мере усложняло стабилизацию изнутри. По этой причине Кучма перешел к политике заемных средств и получения помощи от иностранных государств, в основном от США, что налагало определенные политические обязательства. Интересным является факт того, что от РФ Украина на тот момент также получала значительную финансовую помощь, но эта помощь выражалась в отсрочке платежей за нефть и газ и не была выражена в деньгах напрямую. Таким путем сформировалась ситуация, в которой западные страны, для населения получили позитивный образ государств, оказывающих финансовую поддержку, а РФ – негативный образ государства, которое требует оплаты за энергоресурсы, которые еще 5 лет назад были, по сути, бесплатными.

4. Получив полноту президентской власти, Л. Д. Кучма решал политические вопросы преимущественно административными путями. Так, вместо исполнения тезисов предвыборной программы в интересах юго-восточных регионов он приступил к административной смене руководства регионов. Подобную стратегию Кучма также применил после 1-го тура выборов, сняв с должности значительное количество глав регионов и глав муниципальных образований, в которых его кандидатура набрала меньшее количество голосов. Данное действие можно трактовать как нарушение законодательства о выборах, что в целом позволяет поставить под сомнение легитимность данного президента (после выборов 1999 года). В мировой политике Кучма был компромиссной фигурой, учитывающей и интересы запада и интересы России (которые на тот момент не имели значительных различий) и, следовательно получал поддержку с обеих сторон, что снижало вероятность непринятия его кандидатуры после выборов (такие попытки предпринимала КПУ, имеющая лидирующие позиции в парламенте после выборов 1998 года).

Во-вторых, период после избрания Л. Д. Кучмы в 1994 году президентом Украины был наиболее благоприятным для вовлечения Украины в экономические и политические союзы с РФ. Однако по причине направленности Российской элиты 1990-х на запад и отсутствию действия по созданию результативных надгосударственных организаций эта возможность не была реализована.

¹Леонид Кучма махнул на Россию рукой. URL: <https://www.ng.ru/cis/1999-10-12/kuchma.html>.

²Die Ukraine sechs Monate vor den Präsidentschaftswahlen. URL: <https://www.kas.de/de/einzeltitel/-/content/die-ukraine-sechs-monate-vor-den-praesidentschaftswahlen>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курылев К. П. Внешнеполитическая концепция Украины в условиях формирования европейской системы безопасности (1991–2014): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015.
2. Дубинин Ю. В. Как была заложена правовая основа Российско-Украинских отношений // Международная жизнь. 2008. № 7. С. 57–76.
3. Шапиро Д., Тоберн Х. Об олигархах и коррупции: Украина лицом к лицу с собственными демонами // Мир перемен. 2015. № 4. С. 128–130.
4. Корж Г. Леонид Кучма. Настоящая биография второго Президента Украины. Харьков : Фолио, 2005.
5. Ромащенко В. А. Основные направления внешней политики Л. Кучмы (1994–2004) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 3. С. 64–75.
6. Ильченко А. П. Л. Д. Кучма в президентских выборах 1994 г. – начало зарождения биполярной системы украинского электорального поля // Интеллигенция и власть. 2014. № 31. С. 281–291.
7. Томенко М. Итоги парламентских выборов в Украине (Политические ориентации и предпочтения населения) // Полис. Политические исследования. 1998. № 3. С. 74–81.
8. Матлай Л. С. Параллельность Евроазиатского и Евроатлантического направлений внешней политики Украины в период президентства Леонида Кучмы (1994–2005) // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 10–3 (54). С. 49–54.

REFERENCES

1. Kurilev, K. P. (2015). Vneshnepoliticheskaya koncepcia Ukraini v usloviyah formirovaniya evropeyskoi sistemi bezopasnosti (1991 – 2014) = The foreign policy concept of Ukraine in the conditions of the formation of the European security system (1991 – 2014): Ph.D of history Moscow. (In Russ.).
2. Dubinin, Yu. V. (2008). Kak byla zalozhena pravovaya osnova Rossijsko-Ukrainskih otnoshenij = How the legal basis of Russian-Ukrainian relations was laid. Mezhdunarodnaya zhizn, 7, 57–76. (In Russ.).
3. Shapiro, D., Tobern, H. (2015). Ob oligarhah i korruptcii: Ukraina licom k licu s sobstvennymi demonami = On oligarchs and corruption: Ukraine face to face with its own demons. Mir peremen, 4, 128–130. (In Russ.).
4. Korg, G. (2005). Leonid Kuchma. Nastoyashaya biografiya prezidenta Ukraini = Leonid Kuchma. The real biography of the second President of Ukraine. Kharkov: Folio. (In Russ.).
5. Romaschenko, V. A. (2012). The main directions of L. Kuchma's foreign policy (1994-2004). Vestnik Moskovskogo universiteta, 3, 64-75. (In Russ.).
6. Ilichenko, A. P. (2014). L. D. Kuchma in the presidential elections of 1994 - the beginning of the birth of the bipolar system of the Ukrainian electoral field. Inteligentsia i vlast, 31, 281–291. (In Russ.).
7. Tomenko, M. (1998). Results of the Parliamentary Elections in Ukraine (Political Orientations and Preferences of the Population). Polis. Politicheskie issledovaniya, 3, 74. (In Russ.).
8. Matlay, L. S. (2019). Euro-Atlantic directions of Ukraine's foreign policy during the presidency of Leonid Kuchma. Aktualnie nauchnie issledovaniya v sovremennom mire, 10–3 (54), 49-54. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лябах Андрей Юрьевич

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления
Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyabakh Andrey Yure'vich

Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Administration
of the Civil Defence Academy of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence Emergencies
and Elimination of Consequences of Natural Disasters

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.02.2023
17.03.2023
03.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 93/94

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_71

Коминтерн в Башкирии (1941–1943)

Н. В. Усманов

*Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия
nailhammer57@mail.ru*

Аннотация. В статье описывается деятельность руководства Коминтерна во время эвакуации в Башкирию в годы Великой Отечественной войны. Ставилась задача мобилизации коммунистов Европы на действия в помощь советскому народу. Из построенной в Уфе мощной радиостанции велась пропаганда; она была направлена на страны, оккупированные фашистской Германией. В Башкирии также готовились кадры для дальнейшего развития коммунистического движения за рубежом. Здесь же в Уфе деятельность Коминтерна официально была прекращена.

Ключевые слова: Коминтерн, эвакуация, зарубежные компартии, лидеры коммунистов, Башкирия, Уфа, Кушнаренково, деятельность, 1941–1943, ликвидация

Для цитирования: Усманов Н. В. Коминтерн в Башкирии (1941–1943) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2(851). С. 71–75. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_71

Original article

Comintern in Bashkiria (1941–1943)

Nail V. Usmanov

*Birsk branch of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
nailhammer57@mail.ru*

Abstract. The article deals with the activity of the Komintern's leaderships in Bashkiria in the evacuation in the years of the Great Patriotic War. Here the task was to mobilize the Communists of Europe to act in aid of the Soviet people. From a powerful radio station built in Ufa, propaganda was carried out to the countries occupied by Nazi Germany. Bashkiria also trained personnel for the further development of the communist movement abroad. Here in Ufa, the activities of the Komintern were officially terminated.

Keywords: Komintern, evacuation, foreign communist parties, leaders of communists, Bashkiria, Ufa, Kushnarenkovo, activity, 1941–1943, liquidation

For citation: Usmanov, N. V. (2023). Comintern in Bashkiria (1941–1943). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 71–75. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_71

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, с момента основания в 1919 году III (Коммунистического) Интернационала его Исполнительный комитет (ИККИ) почти все время находился в Москве. После начала Великой Отечественной войны во вновь сложившихся условиях руководителем советского государства И. В. Сталиным была дана следующая установка Коммунистическому Интернационалу: «Не ставить вопрос о социалистической революции», а «развернуть движение в защиту СССР» [Коминтерн и вторая мировая война, 1997, с. 7]. Именно этой задачей и руководствовался Коминтерн в годы войны до самороспуска в 1943 году.

ИСПОЛКОМ КОМИНТЕРНА В УФЕ

Начальный этап войны, как известно, был неудачным для Советского Союза. Красная Армия была вынуждена отступать, и уже в октябре 1941 года нависла угроза захвата противником столицы страны. В связи с этим из Москвы на восток были эвакуированы многие предприятия и учреждения. Было принято решение и об эвакуации центральных органов Коминтерна в столицу Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики в относительно безопасную Уфу. Сотрудники Исполнительного комитета Коминтерна выехали с Казанского вокзала 13 октября и прибыли в Уфу в 22 октября 1941 года. Поездка длилась так долго, потому что приходилось пропускать встречные воинские эшелоны, спешившие на Запад. Прибытие в Уфу деятелей Коминтерна, среди которых были и широко известные советской общественности персонажи, никак не было отмечено в местной прессе. Надо сказать, что вообще пребывание руководства Коминтерна в Уфе было строго засекречено. Просмотренные нами номера главной русскоязычной газеты автономной республики «Красная Башкирия» за период с осени 1941 года по лето 1943 года не содержат абсолютно никаких прямых сведений о пребывании коминтерновцев в Башкирии.

В Уфу было эвакуировано достаточно много предприятий и учреждений, в том числе наркоматы республиканского и союзного значения. В город прибыло множество людей, и размещение сотрудников ИККИ было непростым делом. Этим вопросом пришлось заниматься местному обкому ВКП(б). Тем не менее эта проблема была относительно благополучно разрешена. Для работы штаба международной пролетарской организации предоставили здание в центральной части города, где до войны размещался Дворец пионеров. Буквально в нескольких метрах от него, в здании гостиницы

«Башкирия», разместили сотрудников Коминтерна. Часть из них получила квартиры также в центре города. Среди приехавших в Уфу руководителей Коминтерна были Долорес Ибаррури, Пальмиро Тольятти, Морис Торез, Вильгельм Пик, Вальтер Ультбрих, Клемент Готвальд, Отто Куусинен и др. Фактически эту группу интернациональных коммунистов возглавлял итальянец П. Тольятти. Из известных коминтерновцев только испанка Д. Ибаррури (Пассионария) оставила опубликованные воспоминания, в которых содержалась краткая информация о пребывании ее и других видных сотрудников Коминтерна в Уфе и Башкирии [Ибаррури, 1988]. В своей книге она писала: «Уфимцы приняли нас по-братски». Д. Ибаррури сожалела, что у руководителей Коминтерна не было возможности «близко познакомиться с местным населением», так как им приходилось много работать.

В ее воспоминаниях отмечается: «Мы работали с энтузиазмом и верой в победу. Твердость, героизм и решимость советского народа защитить свою социалистическую родину поддерживали наш моральный дух в тех труднейших условиях» [там же]. Пассионария вспоминала также, что нередко башкирские товарищи приглашали ее выступать на различных митингах и собраниях [там же]. Видимо, с такими предложениями обращались и к другим коминтерновцам, но конкретных фактов об их участии в подобных мероприятиях у нас нет. Из всех видных деятелей Коминтерна, живших в Уфе, испанская коммунистка, прежде всего, выделяла П. Тольятти. Она особо отмечала его скромность [там же, с. 36]. Среди других коммунистов с кем Д. Ибаррури тесно общалась в Уфе назывался и руководитель французской компартии: «В далекой Уфе мы часто встречались с Морисом Торезом, между нами установились откровенные, дружеские отношения, которые дают годы совместной борьбы» [там же, с. 46]. Генеральный секретарь Коминтерна болгарин Георгий Димитров постоянно в Уфе не жил. Ему часто приходилось курсировать между Куйбышевым (Самарой), куда были эвакуированы центральные органы Советского правительства и Москвой, где оставался руководитель страны И. В. Сталин. Вместе с Д. Ибаррури в Уфе была и ее дочь Амайя. После ранения на фронте здесь же с матерью некоторое время находился ее сын Рубен. Отсюда из Уфы он направился в действующую армию под Сталинград, где героически погиб, защищая свою вторую Родину.

РАДИО «КОМИНТЕРН» В УФЕ

В условиях войны с фашизмом перед Коминтерном встала первоочередная задача мобилизовать

коммунистов Европы на решительные действия в помощь советскому народу. Именно из Уфы в конце 1941 года Исполком Коминтерна призвал коммунистов оккупированных стран отдать все силы задаче «изгнания захватчиков и завоевания своей национальной независимости» [Коммунистический Интернационал, 1969, с. 510]. Для осуществления связи с компартиями разных стран и для организации пропаганды среди населения оккупированных гитлеровцами территорий правительством СССР было принято решение разместить в Уфе мощную радиостанцию.

Необходимое оборудование для передающей станции было эвакуировано из Москвы. Основные работы по строительству начались 10–15 августа 1941 года. Уже в октябре к эксплуатации было подготовлено два передатчика (НА РБ. Ф. П-122. Оп. 21. Д. 3. Л. 73)¹. Из-за ряда сложностей работа тормозилась. Руководители строительства подвергались жесткой критике руководством наркомата связи СССР, который также был эвакуирован в Башкирию. Секретным приказом наркома начальнику строительства и главному инженеру были объявлены строгие выговоры, хотя, как отмечалось в документе, они «заслужили сурового наказания» (НА РБ. Ф. П-122. Оп. 21. Д. 3. Л. 70). Для ускорения работ к решению проблемы было подключено руководство Башкирской АССР. Вопрос о практических мероприятиях, связанных с выполнением задания Государственного комитета обороны о восстановлении в Уфе радиостанции РВ-1 имени Коминтерна, был рассмотрен 26 ноября 1941 года бюро Башкирского обкома ВКП(б). Окончание работ планировалось на март 1942 года (НА РБ. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 97. Л. 83–85). В рассекреченных документах того времени, имеющихся в Национальном архиве Республики Башкортостан, радиостанция именовалась как объект № 3. Работать приходилось в сложных условиях. Ощущался недостаток квалифицированных специалистов и вообще рабочей силы, приходилось использовать даже труд заключенных. Строительству не хватало автомашин и тракторов. Тем не менее строительство мощной радиостанции весной 1942 года было завершено.

Вещание из Уфы на оккупированную Европу началось в мае 1942 года. Д. Ибаррури вспоминала, как вместе с Тольятти они «каждый вечер обращались к нашим народам по радио». Именно руководитель итальянской компартии координировал выпуск радиопередач из Уфы на многих языках в эфир. «Его работоспособность, ясный ум, универсальные знания, – отмечала Ибаррури, – проявлялись каждый раз, когда нужно было срочно

выступить с разъяснением сложных международных проблем» [Ибаррури, 1988, с. 36].

В столице Башкирии, по всей видимости, готовились к печати и статьи для журнала «Коммунистический Интернационал». Известно, что именно здесь в уфимской типографии «Октябрьский натиск» были отпечатаны номера этого журнала за последние месяцы 1941 года и за первые месяцы 1942 года. Обзоры статей двух номеров журнала были помещены в газете «Красная Башкирия». Среди авторов публикаций о юношеском коммунистическом движении значился, и один из руководителей Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) Михаил Вольф (*Красная Башкирия*, 26.01.–10.02.1942). Исполком КИМ во главе с французом Раймоном Гюйо, также в указанные годы находился в Уфе.

ШКОЛА КОМИНТЕРНА В БАШКИРИИ

В современных публикациях отмечалось, что на территории Башкирии по инициативе Коминтерна была создана секретная разведывательная школа из числа политэмигрантов-коммунистов. Она располагалась в бывшем здании сельхозтехникума в селе Кушнареново, недалеко от Уфы. Авторы этих публикаций утверждали, что в стенах этого заведения готовили разведчиков, радистов и диверсантов. Маркус Вольф, бывший тогда курсантом Кушнареновской школы и впоследствии ставший руководителем легендарной разведки Германской Демократической Республики «Штази», придерживался другого мнения. «Школа Коминтерна не была разведшколой, хотя здесь преподавали правила конспирации, необходимые для работы в подполье», – заявил он корреспонденту газеты «Республика Башкортостан» в 2004 году. Из курсантов, как можно понять из его довольно обширного интервью, готовили, прежде всего, пропагандистов и агитаторов коммунистического движения. В то же время М. Вольф утверждал, что впоследствии, уже в других местах, некоторых слушателей школы «доучивали перед тем, как отправить для выполнения специальных или боевых задач» (*Республика Башкортостан*, 29.07.2004). Где именно «доучивали» курсантов неизвестно. Однако из рассекреченных документов Национального архива Республики Башкортостан известно, что в 1941 году в Уфу было эвакуировано Разведуправление Народного комиссариата обороны в составе 600 человек (НА РБ. Ф. П-122. Оп. 21. Д. 1. Л. 82). Возможно, именно здесь, в Башкирии, некоторых курсантов Кушнареновской школы отбирали в разведывательно-диверсионные группы и соответствующим образом готовили. М. Вольф

¹Национальный архив Республики Башкортостан – НА РБ

сообщил корреспонденту, что два отряда из числа немецких слушателей школы были отправлены в тыл врага. Обе группы не смогли выполнить задание. В первом случае фашистам удалось в радиоигре обмануть советскую разведку и захватить отряд. Во втором случае разведчиков сдали врагу, как осторожно намекал Вольф, партизаны польской антикоммунистической Армии Крайовой. После этих тяжелых провалов отравлять группы в тыл противника перестали (*Республика Башкортостан*, 29.07.2004). Курсанты Коминтерновской школы впоследствии сыграли большую роль в развитии коммунистического и рабочего движения уже в освобожденной Европе.

РОСПУСК КОМИНТЕРНА

В мае 1943 года в Куйбышеве Президиум Исполкома Коминтерна принял Постановление о роспуске III Интернационала. В подготовке проекта Постановления участвовали Тольятти, Ибаррури, Мануильский и другие. По-видимому, текст составлялся в основном в Уфе. Официально документ был датирован 15 мая, а местом его принятия была названа Москва. Решение о роспуске Коминтерна было опубликовано в газете «Правда» и перепечатано в других изданиях. Формально все это подавалось как «предложение», а не окончательное решение. Руководство ИККИ предлагало: «Коммунистический Интернационал, как руководящий центр международного рабочего движения распустить...». Секции Интернационала должны были этот документ утвердить (*Правда*, 22.05.1943). Окончательное решение было принято лишь 8 июня 1943 года. Ссылаясь на то, что предложение о роспуске Коминтерна было «одобрено единогласно существующими и имевшими возможность сообщить свои решения секциями Коммунистического Интернационала» руководство ИККИ постановило все структуры этой организации с 10 июня 1943 года распустить (*Правда*, 10.06.1943). Долорес Ибаррури, в 1942 году ставшая генеральным секретарем испанской компартии, в своих воспоминаниях весьма положительно оценила роспуск III Интернационала. Она утверждала, что КПИ «приняла без оговорок это решение, поскольку считала, что компартии действительно находятся в условиях, когда они сами могут осуществлять руководство своей деятельности без опекунов сверху» [Ибаррури, 1988, с. 95]. М. Торез в вышедшей вскоре после войны автобиографии дал следующую оценку решению руководства Коминтерна: «В новой

исторической обстановке, учитывая различие условий, в которых развивается рабочее движение каждой страны, Президиум ИККИ пришел к выводу, что существующая организационная форма международного объединения рабочих не отвечает более потребностям их борьбы». Аргументируя правильность решения, он отметил: «Мы следовали примеру Маркса и Энгельса, которые предприняли роспуск Союза Коммунистов (в 1852 году), а затем роспуск I Интернационала (в 1876 году), после того как он выполнил свою историческую миссию, заложив основы для развития рабочих партий» [Торез, 1950, с. 154]. Представители других партий также одобрили решение о самороспуске штаба международной коммунистической организации. Тем не менее известно, что ликвидация Коминтерна была с горечью воспринята многими ее сотрудниками и политэмигрантами, живущими в Башкирии. Бывшая воспитательница испанского детского дома, эвакуированного в годы войны в башкирский город Бирск, в своих воспоминаниях отмечала, как резко негативно отреагировали на новость о роспуске Коминтерна испанские сотрудники детдома (*БИМ. ОФ. Д. 4491. Л. 129–130*)¹. Очевидно, что такую же позицию занимали многие иностранные коммунисты, находившиеся в Советском Союзе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные исследователи вполне соглашались с утверждением о том, что III Интернационал сыграл свою историческую роль и в определенной степени исчерпал свои возможности для дальнейшего наращивания независимого рабочего и коммунистического движения. Однако надо признать, что роспуск Коминтерна, кроме выше-названных причин диктовался и необходимостью более тесных союзнических связей с США и Великобританией в совместной борьбе с фашистской Германией и ее сателлитами. 28 мая 1943 года, через год после заключения договора о военном и политическом союзе СССР и Великобритании, И. В. Сталин в интервью британскому информационному агентству «Рейтер» откровенно заявил: «Роспуск Коммунистического Интернационала являлся правильным и современным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага – гитлеризма» [Сталин о Великой Отечественной войне, 1948, с. 107].

¹Бирский исторический музей. Общий фонд – БИМ.ОФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 2. М. : Памятники исторической мысли, 1997.
2. Ибаррури Д. Воспоминания: Борьба и жизнь.: в 2 кн. Кн. 2. Мне не хватало Испании. М. : Изд-во политической литературы, 1988.
3. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М. : Политиздат, 1969.
4. Сталин И. В. о Великой Отечественной войне. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1948.
5. Торез М. Сын народа. М. : Изд-во иностранной литературы, 1950.

REFERENCES

1. Komintern i vtoraja mirovaia voina. Ch. 2 = Komintern and the Second World War. Part 2. Moscow: Pamytniki istoricheskoi misli, 1998. (In Russ.)
2. Ibarruri, D. (1988). Vospominania: Borba i jizn. V 2-h kn. Kn. 2. Mne ne hvatalo Ispanii = Memories: Struggle and life. In 2 books. Second book. I missed Spain. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury. (In Russ.)
3. Kommunisticheskii Internatsional (1969). Kratkii istoricheskii ocherk = Communist International. A short historical essay. Moscow. (In Russ.)
4. Stalin, I. V. (1948). O Velikoi Otechestvennoi voine = Stalin I. V. on the Great Patriotic War. Moscow: Gos. Izd-vo politicheskoi literature. (In Russ.)
5. Torez, M. (1950). Sin Naroda = Son of the people. Moscow: Izd-vo inostrannoi literaturi. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Усманов Наиль Вакилович

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук
Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Usmanov Nail Vakilovich

PhD (History), Associate Professor
Associate Professor of the Department of History
Philosophy and Social and Humanitarian Sciences
Birsk branch of the Ufa University of Science and Technology

Статья поступила в редакцию	28.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 39 (392)

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_76

Тайна сельской матушки. Историко-антропологический этюд о перипетиях церковной жизни начала XX в. в связи с ее моральными, культурными и правовыми особенностями

А. А. Хохлов

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия
kazan_molodezh@mail.ru*

Аннотация. Сексуальные аспекты повседневности православного духовенства являются одной из наименее изученных страниц истории России. Между тем архивные фонды приоткрывают завесу над этой сложной и неоднозначной темой. В статье предпринимается попытка решения обозначенной проблемы на примере характерного эпизода. Ключевым выводом исследования следует считать особый характер Церкви как социального института с присущей ему замкнутостью и специфической реакцией на нетривиальные вызовы, возникавшие в среде клира.

Ключевые слова: Церковь, следствие, заявление, сексуальные преступления, девиации, духовное лицо, право

Для цитирования: Хохлов А. А. Тайна сельской матушки. Историко-антропологический этюд о перипетиях церковной жизни начала XX в. в связи с ее моральными, культурными и правовыми особенностями // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 76–82. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_76

Original article

The Mystery of the Rural Mother. Historical and Anthropological Study of the Vicissitudes of Church Life at the Beginning of the XX Century in Connection with its Moral, Cultural and Legal Features

Aleksandr A. Khokhlov

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
kazan_molodezh@mail.ru*

Abstract. The sexual aspects of the daily life of the Orthodox clergy are one of the least studied pages of the history of Russia. Meanwhile, archival funds lift the veil over this complex and ambiguous topic. The article attempts to analyze the designated problem by the example of a characteristic episode. The key conclusion of the study should be considered the special character of the church as a social institution with its inherent isolation and specificity of reaction to non-trivial challenges that arose among the clergy.

Keywords: Church, investigation, statement, sexual crimes, deviations, clergyman, law

For citation: Khokhlov, A. A. (2023). The mystery of the rural mother. Historical and anthropological study of the vicissitudes of church life at the beginning of the XX century in connection with its moral, cultural and legal features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 76–82. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_76

ВВЕДЕНИЕ

Среди архивных материалов, касающихся епархиальной жизни конца XIX – начала XX века, встречаются документы, повествующие о довольно нетривиальных сторонах повседневной жизни православного приходского духовенства. Не секрет, что духовные консистории в рамках внутреннего делопроизводства интересовались, прежде всего, нестроениями на приходах. Да и обратная связь часто шла не столько в позитивном русле, сколько по случаям, требовавшим дисциплинирующего внимания к причтам со стороны архиерея и консистории. Так, разбирая архив Казанской духовной консистории мы неожиданно обнаружили дело по обвинению в растлении несовершеннолетней девочки с участием духовного лица¹. Это, пожалуй, исключительный в своем роде случай. Он интересен для рассмотрения как с морально-этической, так и культурной и правовой точек зрения².

ПРОИСШЕСТВИЕ

Инициатором разбирательства выступила Елизавета Слесарева – жена псаломщика подгородного села Чебаксы Феодора Слесарева, обратившаяся в 1903 году с прошением на имя архиепископа Казанского и Свияжского Арсения (Брянцева). Судя по его содержанию, речь шла о событии, давно минувшем. Но, по всей видимости, и спустя годы, болью отзывавшемся в душе женщины. «Моя жизнь как в аду, – печаловалась просительница. Виновник такого грустного для меня положения – священник села Вязовых Александр Вишневецкий. Когда я училась в епархиальном училище, то мне в первом классе пришлось держать переэкзаменовку по Закону Божию... Мать и сестра уговорили меня сходить к священнику как преподавателю Закона Божия. Эти услуги предлагал мне и сам он. Долго я не соглашалась, должно быть, предчувствуя тогда еще невинной своей душой страшное несчастье своей будущей жизни, которое намеревался устроить этот недостойный, пошлый, со скотскою страстью пастырь. Но, наконец, согласилась... Немного позанимавшись, он вдруг стал играть со мной неприличным образом (а он, надо правду

сказать, был тогда не пьян, потому что от него не пахло водкой, до которой он страстный любитель). Сначала я, правда, не поняла, что он, собственно, задумал... Да и могла ли я понять, когда мне еще всего тогда было 13 лет?»³.

Обращение женщины к архиерею, да еще и по такому деликатному и потенциально скандальному вопросу, было случаем экстраординарным. В начале XX века в Русской церкви продолжали доминировать традиционные устои с жестким распределением гендерных ролей и их ролей, несмотря на те изменения в психологии и общественной культуре, которые принесла с собой эпоха великих реформ. Тем не менее жены приходского духовенства часто были представлены выпускницами епархиальных женских училищ, которые, несмотря на патриархальное воспитание, за годы обучения успевали воспринять не только грамотность, но и вкусить эмансипированный дух крупного губернского города. Вот и Елизавета Слесарева открыто описала в прошении те события, которые в годы ее далекой юности были связаны со священником, Вишневецким, Не вдаваясь, в силу этических причин, в пикантные подробности ситуации, отметим только, что их итогом стала глубокая личная трагедия женщины. «Сделав это и опять приласкав меня, он строго настрого наказал мне, что если я об этом извещу, то останусь виновна только одна я»⁴.

Встречи учителя и ученицы продолжались какое-то время. Мать и сестра последней, не подозревая их дурной подоплеки, всячески поддерживали и стимулировали свою родственницу в занятиях с наставником. Однако, судя по документам, священник Вишневецкий использовал эту возможность далеко не в педагогических целях. «Как человек не хорошей нравственности и зараженный сифилисом (а он – вдовец очень веселой жизни и, несмотря на то что немолодой отец семейства, пьет, танцует) и меня заразил. Последствия не замедлили в скором времени открыться...»⁵.

Результатом случившегося стало то, что болезнь стремительно поразила молодой, не окрепший организм, а в условиях сравнительно низкого уровня медицины, еще не знавшей антибактериальной терапии, это обернулось тяжелым поражением внутренних органов несчастной, которой впоследствии пришлось перенести изнуряющие операции. Тем не

¹Дело о священнике села Вязовых Свияжского уезда Александре Вишневецком по обвинению в растлении девицы Елизаветы Соколовой (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118783. 15л).

²В подобных случаях, с нашей точки зрения, особую ценность приобретает метод насыщенного описания, предложенный американским антропологом К. Гирцем. Ученый настаивал на том, что при изучении конкретной культуры, важно не «кодифицировать абстрактные закономерности, а делать возможным «насыщенное» описание; производить обобщение не множества случаев, а в каждом из них» [Гирц, 2004, с. 35].

³Покорнейшее прошение Елизаветы Слесаревой – жены псаломщика села Чебаксы Феодора Слесарева высокопреосвященнейшему Арсению архиепископу Казанскому и Свияжскому (ГА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118783. Л. 1).

⁴Там же, Л. 1 об.

⁵Там же.

менее женщина выжила, хотя и осталось инвалидом, навсегда лишенным возможности иметь детей.

Впрочем, ключевой проблемой, побудившей Слесареву обратиться к духовным властям, была не только нравственная сторона вопроса и жажда справедливости, пусть и спустя годы. У женщины отсутствовали средства на необходимое поддерживающее лечение, поскольку достаток псаломнической семьи едва покрывал основные жизненные потребности. «Потому обращаюсь уже к Вам Ваше Высокопреосвященство как защитнику всех несчастных, с покорнейшей просьбой: не можете ли обязать платою похитителя моей невинности и виновника моей страшно-несчастной болезни на мое лечение? Но слезно и более всего молю Вас, Ваше Высокопреосвященство, не оставить без наказания сего злодея. В противном случае, он продолжит...»¹.

ПРАВОВОЙ ФОН

Закономерно, что прошение произвело волнение в церковной среде. Судя по документам, Слесарева решилась на столь серьезный шаг без благословения своего мужа, исключительно по собственной инициативе, не находя при этом поддержки хотя бы у родственников. Только ее брат – священник села Шуматова Ядринского уезда Казанской губернии Иоанн Соколов – узнав о поступке сестры, отреагировал стремительно и весьма бурно. Обратившись к архиепископу, священник с жаром уверял духовные власти, что оглашенные его сестрой обвинения – «ложь ненормальной», первопричина которых – злонамеренные родственники ее мужа, распаляющие огонь досужих домыслов². Тем не менее трудно сказать, было ли рвение брата в действительности мотивировано борьбой за правду или обусловлено опасениями негативных последствий от поступка сестры – архиерейского гнева и осуждения со стороны епархиального духовенства.

Заметим, что девиации и преступления сексуального плана в среде казанского епархиального духовенства в пореформенное время если и встречались, то в виде единичных, крайне редких случаев. Тем более это касалось насилия в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. За весь более чем сорокалетний период, приведенный случай – единственный в своем роде. И всё же в целом в Казанской губернии эпизоды растления малолетних периодически имели место в среде прочих социальных групп. Однако, к примеру в 1850 – начале 1860-х годах их количество не превышало десятка

в год [Егоров, 2008]. Вместе с тем, как отмечает В. Б. Безгин, судя по общегосударственной статистике, во второй половине XIX века прослеживается тенденция роста преступлений на сексуальной почве [Безгин, 2015]. И хотя, по утверждению историка, этим больше грешили жители городов, нежели сел, случаи нарушения половой неприкосновенности по относительным показателям чаще случались именно в сельской, крестьянской среде. Они носили преимущественно скрытый характер, редко становясь предметом огласки, а уж тем более основой для следственных мероприятий и судов [там же]. В силу этого официальная статистика в обозначенной части едва ли может быть информативной и претендовать на раскрытие полноты картины. Так что «прорвавшееся» дело Слесаревой в действительности шло вразрез с бытовавшей общественной культурой и ее установками, имплицитно сопротивлявшейся обнародованию проблемных фактов.

Принцип неотвратимости наказания после судебной реформы 1864 года прочно выступал одним из стержневых элементов имперской правовой системы. Поэтому женщина в своей беде даже спустя годы могла рассчитывать на правосудие. Однако в сложившейся судебно-правовой практике имелись немаловажные нюансы, на которые целесообразно обратить внимание. Слесарева сообщала, что во время встреч мужчина доводил ее своими ласками до того, что она «сама разгоралась»³. Но факт такого «соучастия» в рассматриваемый период мог быть интерпретирован не в пользу жертвы. «Всякое колебание жертвы, – писал известный правовед В. А. Лохвицкий, – делает ее участницею, а не жертвою, дает знать мужчине, что ему сопротивляются только по форме, только по инстинктивному чувству стыда, а не серьезно, что его приглашают продолжать усилия, чтобы иметь отговорку перед самою собой» (цит. по: [Фойницкий, 1916, с. 91]). Конечно, такой подход правосудия мог быть нивелирован несовершеннолетием девушки.

«Растление по законодательству нашему означает, – писал видный правовед И. Я. Фойницкий, – с одной стороны, обстоятельство, усиливающее ответственность за изнасилование, а с другой – самостоятельное преступление против целомудрия ребенка женского пола. В первом случае растление непременно предполагает девственность потерпевшей в физическом смысле этого слова, притом независимо от возраста ее; так, по толкованию сената (№ 958, по делу Игорева 1869 г.), разошедшегося в этом случае с мнением государственного совета (по делу Богданова 1848 г.), насильственное совокупление с девочкою моложе 14 лет, но оказавшеюся уже лишенною девственности, наказуемо не как растление

¹Там же, Л.3.

²Заявление священника села Шуматова Ядринского уезда Иоанна Соколова (ГА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.118783. Л.4–5).

³Покорнейшее прошение Елизаветы Слесаревой – жены псаломщика села Чебаксы Феодора Слесарева высокопреосвященнейшему Арсению архиепископу Казанскому и Свияжскому (ГА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.118783. Л.1 об).

с насилием, а как простое изнасилование. Но необходимо ли это условие для растления, как особого деликта, предусмотренного 1524 ст. улож.? Нет основания придавать одному и тому же выражению закона разные значения, и потому мы склоняемся к утвердительному ответу: недостаточна девственность в смысле нравственной чистоты, непорочности, нужна девственность в смысле физическом. Зависит она, впрочем, не только и даже не столько от наличия или отсутствия девственной плевы, – вследствие разных органических причин или онанизма ее может не быть даже у несоменных девственниц, а от факта предшествующей половой связи данной девочки с мужчиной. Девочка, ранее имевшая сознательно такие связи, не может быть объектом растления» [Фойницкий, 1916, с. 93].

Но данное физическое состояние на момент совершения преступления еще предстояло доказать.

Согласно государственному законодательству, за сексуальное преступление против несовершеннолетней, лицу, его совершившему, грозило суровое наказание. Как отмечает Р. М. Полковников, несмотря на принятие в 1903 году Уголовного уложения, ставшего вершиной детализации оснований ответственности за преступные посягательства в половой сфере, де-факто вплоть до установления советской власти в стране действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года в редакции 1885 года [Плотников, 2015]. На этом основании, в случае признания священника Вишневецкого виновным по обозначенному делу, согласно статей 1525–1528, ему грозило лишение всех прав и состояний и ссылка на каторгу в Сибирь на срок от 10 до 12 лет [Россия. Законы и постановления, 1916]. Но проблема заключалась в том, что государственное право в данном случае как бы теряло свое первостепенное значение в связи с особенностями бытовавшей правоприменительной практики и негласным принципом разграничения юрисдикции по подсудности между государством и Церковью. Государственные органы, в особенности на провинциальном и низовом уровнях, попросту не горели желанием вмешиваться в дела духовенства, в то время как архиереи и консистории ревниво блюли границы своей юрисдикции в отношении служащих духовного ведомства. Вследствие этого обращение Слесаревой к епископу, а не в полицейские органы или волостной суд, а равно и замыкание дела на епархиальной администрации, не выглядит противоречивым и является вполне закономерным в рамках бытовавших правил.

Таким образом, женщине оставалось надеяться на архиерейское правосудие и его христианское сострадание. Не будем предметно останавливаться на вопросе соблюдения епископом и духовной консисторией положений Устава духовных консисторий, которыми должны были руководствоваться в таких случаях обозначенные властные лица

и органы. Данному вопросу в целом мы неоднократно уделяли внимание в предыдущих публикациях. Отметим только то, что, к сожалению, вопреки ожиданиям Слесаревой, епархиальное судопроизводство в ее случае не отличилось безупречностью и носило скорее формальный характер.

Так, консистория направила запрос врачу, оперировавшему женщину. Он документально подтвердил воспаление в организме как основание для произведенного оперативного вмешательства. Но не указал первопричину воспалительного процесса, при этом отрицая его инфекционный характер¹. В рамках дознания письменный ответ принужден был дать и священник Вишневецкий. Однако и он заявил, что свидетельства Слесаревой – клевета, а сам он никогда ничем предосудительным болен не был².

ВЕРСИИ ПРОИЗОШЕДШЕГО

Трудно сказать, был ли действительно Вишневецкий замешан в преступлении. Однозначно судить об этом мы не беремся. Но, справедливости ради, стоит отметить, что на предмет заболевания данное лицо никто не проверял – консистория априорно приняла его доводы как достоверные. В конце XIX – начале XX века методы диагностики медицинских патологий и выявления их причины при многообразии патогенов были далеко не совершенными³. Вместе с тем масштабы распространения характерных заболеваний были едва ли не катастрофическими⁴. Исходя из этого, проблемы со здоровьем у женщины вполне могли быть обусловлены любой из возможных инфекций.

Не стоит сбрасывать со счетов и то, что запоздалое обращение Слесаревой к духовным властям могло быть как результатом прорвавшейся наружу мучительной тайны, так и болезненного сознания измученной тяжким недугом женщины, не снискавшей сострадания и поддержки у мужа и родственников. Различные парамнезии (конфабуляции), характеризующиеся расстройствами памяти, фантастическими воспоминаниями о не существовавших событиях или участии в них,

¹Удостоверение врача Михаила Шанского (ГА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.118783. Л.6).

²Рапорт священника села Вязовых Александра Вишневецкого (там же, Л.10).

³Вопреки расхожему мнению, ЗПП далеко не ограничиваются сифилисом. Они включают в себя множество других инфекций бактериальной, вирусной и грибковой природы, способных нанести тяжкий вред здоровью человека и даже привести к летальному исходу.

⁴Так, по данным специалистов, в период с 1887 по 1891 годы в больницах и госпиталях России лечилось 1 289 478 больных сифилисом. И это только выявленные случаи [Степаненко, Коляденко, Глухенький, 2003. с. 79].

ставшие следствием тяжелой физической или психической травмы, хорошо известны психиатрии [Беккер, 2022]. В. Б. Безгин, кроме прочего, сообщает и о широко распространенной в пореформенное время на селе практике измышления мнимых изнасилований, становившихся основанием для ложных обвинений и оговоров [Безгин, 2013]. Последние же, как мы показали, составляли чуть ли не повседневный фон деревенской жизни второй половины XIX – начала XX века [Хохлов, 2022].

Но как бы то ни было, архиепископ Арсений сделал ставку не на пастырское милосердие. Архипастырь решил долго не разбираться в деле. Его резолюция на рапорте брата заявительницы свящ. Иоанна Соколова гласила: «Считаю объяснение весьма основательным и правдоподобным. Настоящее грязное дело... плод досужей фантазии и мещанской этики родни псаломщика Слесарева»¹. Очевидно, для властного лица дело было не из приятных, а потому стремление поскорее закрыть его, с психологической точки зрения, вполне объяснимо. Однако вопросы вызывает не уклончивая позиция архипастыря, а психические и судебные механизмы завершения юридической процедуры. В целях исключения дальнейших обращений женщины к духовным властям архиепископ предложил сослать семью Феодора Слесарева в один из дальних приходов лесного Царевококшайского уезда, что вскоре и было сделано. О дальнейшей судьбе Елизаветы Слесаревой в архивах сведений не имеется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остается отметить, что едва ли несчастная женщина могла рассчитывать не только на государственное участие в своей проблеме, но и на чуткое к себе отношение окружающих, а также на полное и всестороннее расследование своего

дела духовной властью. Социальный статус псаломщиков и их семей был крайне низок, а судьба низового клира, в силу тотальной и жесткой зависимости от настоятеля прихода, благочинного округа и правящего епархиального архиерея – «незавидна»². В особенности это касалось участи женщин, в условиях традиционного патриархата по положению мало чем отличавшихся от обычных крестьянок, несмотря на свою грамотность и принадлежность к полупривилегированному сословию. Да и сама культура государственно-церковных отношений, в сущности, не предполагала выход подобных случаев за пределы юрисдикции архиерея и консистории, что сужало и без того узкое поле для поиска справедливости. Тем временем реакция архиепископа наглядно свидетельствует о принципиальной неготовности предметно рассматривать дела «постыдного» плана. Раствление в епархиальной жизни было случаем исключительным, резко диссонировавшим с образом Церкви и духовенства как морально-нравственной твердыни общества. Благодаря этому, методом решения проблемы был избран далеко не христианский, но в чем-то вполне типичный для тогдашней России подход – ссылка раздражителя в глухой угол епархии, вероятность поступления жалоб из которого, была равна нулю.

Безусловно, рассмотренное дело, в силу своего единичного характера, не может быть интерпретировано в качестве показателя некой тенденции в епархиальной жизни рубежа столетий, претендовать на некий критерий ее морально-нравственного, культурного и правового уровня. Тем не менее приведенный микроисторический срез усложняет существующую на сегодняшний день в историографии картину приходской повседневности, демонстрируя ее более сложный и многогранный характер, нежели принято считать.

¹Заявление священника села Шуматова Ядринского уезда Иоанна Соколова (ГА РТ. Ф.4. Оп.1. Д.118783. Л.4).

²Рапорт благочинного 2 Тетюшского округа села Флорова Ясака свящ. Василия Давыдова (1873) (ГА РТ. Ф.4. Оп.105. Д.6. Л.15 об.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гирц К. К интерпретации культур. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Егоров Д. В. К вопросу о состоянии преступности в Казанской губернии (вторая половина XIX века) // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2008. № 2. С. 151–155.
3. Безгин В. Б. «Против воли ее и согласия»: изнасилование и растление в крестьянской среде и их уголовное преследование (конец XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2015. № 45. С. 25–43.
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. Петроград: Юрид. о-во при Петрогр. ун-те, 1916.
5. Плотников Р. М. Эволюция законодательства об ответственности за изнасилование в дореволюционный период // European Science. 2015. № 2 (3). Киберленинка.

6. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. Т. 15. Пг. : Гос. тип., 1916.
7. Беккер И. М. Школа молодого психиатра. Избранные труды по общей психопатологии и частной психиатрии. М. : Бином, 2022.
8. Степаненко В. И., Коляденко В. Г., Глухенький Б. Т. Сифилис в Российской империи. Заболеваемость и борьба с сифилисом в Советском союзе и на Украине // Венерология. 2003. № 2. С. 76–82.
9. Безгин В. Б. Преступления на сексуальной почве в российской провинции второй половины XIX – начала XX века // Юридические исследования. Bratislava. 2013. № 5. С. 201–246.
10. Хохлов А. А. Донос в государственном уголовном и церковном праве во второй половине XIX – начале XX вв.: сравнительный анализ сквозь призму теории и практики // Христианское чтение. СПб., 2022. № 2. С. 173–181.

REFERENCES

1. Gircz, K. (2004). K interpretacii kul'tur = For interpretation of cultures Moscow: ROSSPE'N. (In Russ.)
2. Egorov, D. V. (2008). K voprosu o sostoyanii prestupnosti v Kazanskoj gubernii (vtoraya polovina XIX veka) = On the issue of the state of crime in the Kazan province (the second half of the XIX century). Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta, 2, 151–155. (In Russ.)
3. Bezgin, V. B. (2015). «Protiv voli ee i soglasiya»: iznasilovanie i rastlenie v krest'yanskoj srede i ix ugovnoe presledovanie (konecz XIX – nachalo XX vekov) = “Against her will and consent”: rape and molestation among peasants and their criminal prosecution (late XIX – early XX centuries). Novy'j istoricheskij vestnik, 45, 25–43. (In Russ.)
4. Fojniczkij, I. Ya. (1916). Kurs ugovnogo prava. Chast' osobennaya: Posyagatel'stva lichny'e i imushchestvenny'e = Criminal law course. Part special: Personal and property encroachments. Petrograd: Yurid. o-vo pri Petrogr. un-te. (In Russ.)
5. Plotnikov, R. M. (2015). E'voljuciya zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za iznasilovanie v dorevoljucionny'j period = Evolution of legislation on responsibility for rape in the pre-revolutionary period. European Science, 2(3). Kiberleninka. (In Russ.)
6. Rossiya. Zakony i postanovleniya. Svod zakonov Rossijskoj imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlenny'j. Izdanie 1916 goda = Russia. Laws and regulations. The code of laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nicholas the First. Edition of 1916. Rossiya. Zakony i postanovleniya. Petrograd: Gos. tip. (In Russ.)
7. Bekker, I. M. (2022). Shkola mladogo psixiatra. Izbranny'e trudy po obshhej psixopatologii i chastnoj psixiatrii = The school of a young psychiatrist. Selected works on general psychopathology and private psychiatry. Moscow: Binom. (In Russ.)
8. Stepanenko, V. I., Kolyadenko, V. G., Gluxen'kij, B. T. (2003). Sifilis v Rossijskoj imperii. Zaboлеваemost' i bor'ba s sifilisom v Sovetskom soyuze i na Ukraine = Syphilis in the Russian Empire. Morbidity and control of syphilis in the Soviet Union and Ukraine. Venerologiya, 2, 76–82. (In Russ.)
9. Bezgin, V. B. (2013). Prestupleniya na seksual'noj pochve v rossijskoj provincii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka = Sexual crimes in the Russian province of the second half of the XIX – early XX century. Yuridicheskie issledovaniya, 5, 201–246. (In Russ.)
10. Khokhlov, A. A. (2022). Donos v gosudarstvennom ugovnom i cerkovnom prave vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: sravnitel'ny'j analiz skvoz' prizmu teorii i praktiki = Denunciation in State criminal and Ecclesiastical law in the second half of the XIX – early XX centuries: comparative analysis through the prism of theory and practice. Hristianskoe chtenie, 2, 173–181. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хохлов Александр Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии
Казанского (Приволжского) Федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khokhlov Aleksandr Anatol'evich

PhD (History), Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography
of Kazan (Volga Region) Federal University

Статья поступила в редакцию	14.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication

Дискуссионная статья

УДК 316.354

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_83

Язык эксперта как модель концептуализации объекта социологического исследования

Е. С. Гореликов

*Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
general85@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются особенности языка эксперта и его влияния на результаты описания объекта. Деятельность эксперта характеризуется наличием этапа переноса знаний в условия конкретного случая. Язык описания объекта рассматривается как инструмент категоризации и концептуализации. Новизна работы определяется обоснованием взаимосвязи между выбором языка описания объекта и всеми возможными последующими операциями. Делаются выводы об особой роли экспертов в развитии общества.

Ключевые слова: ученый, эксперт, язык эксперта, модель концептуализации, социологическое исследование, компетентность, социальный институт экспертизы, экспертное знание

Для цитирования: Гореликов Е. С. Язык эксперта как модель концептуализации объекта социологического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 83–89. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_83

Opinion article

The Expert's Language as a Model of Conceptualization of the Object of Sociological Research

Evgenij S. Gorelikov

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
general85@yandex.ru*

Abstract. The article studies the features of the expert's language and its influence on the results of the object description. The expert's activity is characterized by the presence of a stage of knowledge transfer to the conditions of a particular case. The object description language is considered as a categorization and conceptualization tool. The novelty is the original and reasonable relationship between the choice of the object description language and all possible subsequent operations. Reasoned conclusions are made about the special role of experts in the development of society.

Keywords: scientist, expert, expert's language, conceptualization model, sociological research, competence, social institute of expertise, expert knowledge

For citation: Gorelikov, E. S. (2023). The expert's language as a model of conceptualization of the object of sociological research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 83–89. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_83

ВВЕДЕНИЕ

В современных научных и прикладных сообществах, а также в частной жизни всё чаще поднимаются дискуссии по поводу различения понятий «научного» и «экспертного» знания; проясняется смысл определений «ученых», с одной стороны, и «экспертов» – с другой, выявляются их функциональные различия. Несмотря на путаницу и двусмысленность использования этих и многих других концептов в современном обществе, обычно считается, что эти два понятия применяют свои когнитивные навыки в ключевых областях знаний.

Отметим, что содержание знаний экспертов отличается от содержания научных знаний. Научное знание является рациональным, аналитическим, дискурсивным, что и является основой хорошо известных преимуществ науки. Поскольку научное знание является абстракцией реальности, которую оно описывает, его применение требует глубокой процедурной детализации. Это относится к процедурам систематизации полученных аналитических данных и различным видам исследовательских и экспериментальных разработок, т. е. научные дефиниции осуществляются через прохождение определенных этапов реализации принимаемых решений, основанных на научных знаниях [Коваль, 2017].

Знание же эксперта ценно тем, что оно является отражением прикладных проблем и фокус его применения лежит в конкретной области. В целом, основной характеристикой деятельности эксперта является наличие интерполяционного этапа – поиска нужных форм известных ему знаний с целью переноса их в условия конкретного изучаемого случая, где эти формы применимы. Возможность такой интерполяции зависит от того, насколько хорошо эксперт выполняет абдукцию, применяя свой опыт и известные ему законы, подходящие для применения в этой области [Васюков, 2003].

Несмотря на то что было много размышлений и дебатов, сохраняются различные точки зрения на действительное значение экспертов и их знаний при проведении исследований, и тема остается малоизученной.

МЕТОДИКА

Научно-методологическая основа статьи, с одной стороны, представлена системным, а также лингвистическим и когнитивным подходами. С другой – для характеристики эксперта и экспертизы использованы компетентностный и институциональный подход, соответственно. В качестве социологических методов были использованы методы

стратификационного и структурно-функционалистского моделирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследования сложилось понимание, как проводится каждое прикладное социологическое исследование. По-видимому, оно начинается с прикладной концептуализации объекта исследования. Это этап формирования дифференцирующей системы для изучаемого и уже понятного объекта. Это позволяет представить объект как предмет, как некоторый язык описания доступный внешнему познанию. Не подлежит сомнению, что человек не способен изучать «объект на его собственном языке» [Структура социологической концептуализации, URL]. В этом смысле язык описания объекта является моделью концептуализации, и его выбор обуславливает открывающиеся возможности, преимущества и недостатки. Существенно именно то, что исследователь, совершая выбор языка описания, произвольно либо в соответствии со своими соображениями, определяет для себя коридор, в котором будут выполняться все последующие шаги – все последующие действия и дискриминационные операции.

Итак, как устроена прикладная концептуализация? Выделим ряд ее этапов.

1. Выбор базовой дефиниции, базовой теории.
2. Определение концептов первой орбиты – конститутивных признаков, т. е. того, что конституирует данный объект в выбранной системе различий.
3. Определение концептов второй орбиты (предикативных) – дробление отдельных категорий, выстраивание более сложных конструкций.

Данный взгляд вполне укладывается и в концепцию лингвистического релятивизма, согласно которой языковые категории и паттерны могут влиять на когнитивные действия человека, т. е. на способы приобретения им опыта и само мышление. Язык в данном разрезе рассматривается как инструмент категоризации и концептуализации мира, инструмент познания и обобщения человеческого опыта, как средство доступа к мыслительным процессам, он связан с когнитивными способностями человека: памятью, вниманием, восприятием, распознаванием, обучением, склонностями, планированием и принятием решений. Иными словами, язык навязывает видение, подход к исследованию объекта [Tufekci, 2014].

Развивая и далее рассуждения в русле когнитивного подхода, скажем, что «все психические и социальные явления с этих позиций должны объясняться причинами, обусловленными логикой

познания» [Ядов, 2013, с. 76]. «Все больше исследований, касающихся когнитивных способностей человека, указывают на детерминацию социальности со стороны когнитивных способностей» [Раджабов, Мильгизин, 2022, с. 25]. И именно здесь участие экспертов, несущих свои знания при помощи правильно выбранного языка, может служить солидным фундаментом для построения общества знаний. Знания, умения и навыки, которые общество воспринимает от экспертов, закладываются в основу и становятся средством наращивания последующих знаний, умений и навыков, составляя, таким образом, многослойную структуру общественного сознания. Когнитивный подход к выбору языковой семантики и прагматики представляет нам язык в качестве интерфейса между мозгом человека и обществом.

Язык как средство общения полифункционален. Будучи неразрывно связанным с мышлением, он одновременно является: 1) условием развития и продуктом духовной культуры; 2) социальным средством хранения информации; 3) социальным средством передачи информации; 4) социальным средством управления человеческим поведением

Исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования приводит нас к осознанию критической важности выбора языка, а в нашем случае – выбора языка того или иного эксперта [Ильиных, 2005].

Нужно сказать, что у эксперта, как некоего ретранслятора, находящегося между объектом и субъектом, изначально нет своего языка. Это в некотором роде изгой, говорящий на языке объекта, частью которого он был долгое время, и при этом обладающий способностью описать объект не на языке этого объекта. Образно говоря, человек, взятый изнутри какой-либо сферы, мало кому понятен, или он не понимает поставленного вопроса. Требуется рассматривать объект с известного удаления. В этом смысле именно эксперт знает язык человека, которому «адресовано сообщение об объекте. Поэтому язык экспертизы – своеобразный пиджин, не сводимый ни к языку объекта, ни к языку политики, которая с этим объектом связана» [Структура экспертного знания, URL].

В рамках современной тенденции влияние СМИ демонстрирует достаточно наглядно процесс смешения, слияния, одним словом, креолизации языков в части процесса создания нового языка – уникального языка экспертизы. В результате язык постепенно упрощается, и в нем появляются свои собственные правила. «Экспертный пиджин начинает считываться как научный язык» [там же], т. е. с лингвистической точки зрения язык эксперта

можно классифицировать «как научно-популярный подстиль функционального стиля»¹.

Далее мы сталкиваемся с вопросом о совместимости языков. Имеет ли значение, какой язык был выбран и влияет ли этот выбор на достоверность знания об объекте? Думается, что да. Здесь следует ввести понятие «неконсистентность языков» для обозначения такого системного различия между языками как моделями концептуализации при описании конкретного объекта, при котором использование данных моделей дает различное представление об объекте. И в действительности свободен «здесь только первый шаг – шаг выбора аксиоматики» [Структура социологической концептуализации, URL]. Всё дальнейшее следует строгой логике выбранной концептуализации.

В социологическом исследовании «Реальность образования», проведенном в 2013 году группой социологов Д. Л. Константиновским, В. С. Вахштайном, Д. Ю. Куракиным, приводятся два примера, наглядно демонстрирующие суть изложенного выше подхода.

Так, в части исследования школьного образования, первым шаг исследователей заключался в понимании того, какой язык социологии позволит им собрать наиболее эффективную модель. Первый подход был собственно социологический. Согласно этой модели мышления и способу концептуализации, исследователи рассуждали так: поскольку одной из ключевых традиций социологии образования является изучение образования как социального института, то соответственно, применяя парсоновский структурно-функционалистский подход, формировалось понимание о степени функциональности данного конкретного института. Если институт не работает, значит, система образования дисфункциональна.

Второй выбранный подход был найден в экономике образования. В этом случае концептуализацией являлось представление образования как товара, как услуги. Исследователи, соответственно, выделяли, кто платит, кто является потребителями первого и второго порядков, каков механизм ценообразования, каковы издержки. Отсюда следовал вывод: если образование пользуется спросом, за него люди платят, значит, это напрямую говорит о его качестве и т. д.

Третья же модель мышления соответствовала веберовской теории стратификации. С этих позиций образование – это некий «механизм изменения жизненных траекторий и перераспределения

¹Лексико-стилистические особенности научно-популярного текста на русском и английском языках в сфере менеджмента и экономики: переводческий аспект. С. 14. URL: TPU_VKR_33383.pdf <http://portal.tpu.ru> (дата обращения: 25.10.2022).

жизненных шансов» [Структура социологической концептуализации]. И тогда справедливо утверждение: не важно, чему учат, насколько хорошо тому, кого учат, но важно, где потом окажется обучаемый.

В том же исследовании были затронуты и нюансы высшего образования. В одном из пилотных регионов замминистра образования формулирует довольно интересную идею: одной из основных проблем в регионе является необходимость отмены поправки, «дающей отсрочку от армии молодым людям, окончившим вуз» [там же] и начавшим трудовую деятельность в деревенской школе. Потому что происходит следующее: молодые люди оканчивают свой вуз, и не желая служить в армии, ищут возможности избежать этого до 27 лет. Они едут в деревенскую школу, получают все возможные блага, они все еще вдохновлены после вуза, они приобщают детей к городу, приводят в университет, готовят их к ЕГЭ. В результате, подавляющее большинство молодежи поступает в вуз. Как следствие, деревня умирает. Соответственно, такой тип образования в этой деревне в конечном счете деревню разрушает. Воспроизводство данного сообщества как единицы становится невозможной [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996].

Отсюда следует, что, если в веберовской модели концептуализации, где постфактум эффективность образования определяется тем, где впоследствии «оказался выпускник, эта школа будет лучшей» [Структура социологической концептуализации, URL]. В парсоновской структурно-функционалистской модели, где школе делегируется функция воспроизводства, она худшая. Следовательно, «согласно одной модели концептуализации один и тот же объект будет считаться лучшим из возможных, в другой модели, наоборот, – худшим из возможных» [там же].

Отсюда, кроме того, видна зависимость между прикладной и фундаментальной концептуализацией, т. е. во многом выбор прикладной концептуализации детерминирован тем, на открытия каких предшественников мы опираемся. С тех же позиций можно рассмотреть и абсолютно другую область и, используя некоторый набор языков описания, каждый из которых для нас является ресурсом, собрать разные модели концептуализации. Итак, возьмем, например, городские общественные пространства. Вслед за Эрвином Гофманом скажем, что спецификой общественного пространства является возможность сосуществования незнакомых людей, которое не обязывает их к коммуникации. Это явление обозначается термином «гражданское невнимание». И тогда общественное пространство

путем метонимии можно обозначить как лифт. По той же логике к местам нахождения в телесном соприсутствии, где нормальным будет полное игнорирование, можно отнести музей, парк и т. д. Возвращаясь к выделенным этапам прикладной концептуализации, некоммуникация здесь будет концептом первой орбиты.

С другой стороны, Ханна Арендт, немецко-американский философ, говорит, что общественные пространства и сообщества как категории не рассматриваются отдельно. Иными словами, есть некоторое сообщество и есть физическое пространство, и «данное сообщество в этом физическом пространстве дано самому себе» [там же]. Оно связывает себя с этим местом и людей – друг с другом. Только в тот момент, когда начинает происходить коммуникация, в частности, район становится районом. Что интересно, имеется в виду «не просто коммуникация, а обсуждение вопросов общей судьбы. При выборе такой модели мышления всё меняется» [Арендт, 2000, с. 69]. «Тогда некоторой метонимией общественного пространства в городе будет не лифт, а, к примеру, агора – место собрания в древнегреческом полисе. И так далее» [Структура социологической концептуализации, URL].

На самом деле подобная ситуация имеет место в большинстве социологических исследований. Соответственно, когда перед исследователем-социологом стоит вопрос выбора эксперта, фундаментально важным является, к эксперту какой области обратиться, а вопрос качества его дальнейшего исследования напрямую зависит от уровня компетентности эксперта, т. е. правильно выбранной, проблемно-ориентированной модели концептуализации объекта.

Из этого следует, что «единственное резонное требование, предъявляемое к эксперту со стороны общества – это его компетентность. Знания, эксперта, должны быть объективны, информативны, применимы на практике» [Манцева, 2018, с. 63]. Сам эксперт по запросу общества должен уметь эффективно и популярно объяснять явления реальности. Здесь же стоит отличать ученого от эксперта. Ученый – он же исследователь, является создателем «точного», «надежного» знания. Эксперт – это проблемно-ориентированный практик, «умелец», ремесленник. Наука выделяет не так много различных областей, но существует бесчисленное множество человеческих практик. Отсюда очевидным становится то, что экспертами могут являться далеко не все члены общества, а лишь весьма ограниченный круг компетентных людей. Среди необходимых качеств особняком стоит способность производить и распространять такие

знания, поскольку экспертное знание понятно не каждому человеку [Манцева, 2018]. Помимо прочего, допустимо констатировать существование социального института экспертизы и показывать процесс институционализации экспертов.

1. Как потребность, требующую совместных организованных действий, выделим потребность в прикладных проблемно-ориентированных знаниях.

2. Под формированием общих целей подразумеваем, что эксперты трудятся над получением знаний во благо общества.

3. Под закрепленными социальными нормами и правилами, процедурами и практиками обозначим регламентацию действий при обращении к экспертам в ходе решения проблем различного уровня и характера.

4. Под системой санкций для поддержания норм и правил понимаем обязательства как самих экспертов, так и лиц, принимающих решения на основе суждений экспертов.

5. Система статусов и ролей, в самом общем случае делит членов института экспертизы на лиц, заинтересованных в повышении качества решений и экспертов, к чьей помощи лица принимающие решения прибегают [Россинская, 2019].

ОБСУЖДЕНИЕ

Классифицируя институт экспертизы, надо всё же оговориться, что, скорее, он подпадает под определение неформального, поскольку процедуры применения экспертного знания не так широко закреплены законодательно и далеко не везде используются. Однако, хотя институт экспертизы не имеет такого широкого общественного значения, как фундаментальные институты семьи, армии и т. п., всё же эксперты – это специфические создатели истории, поскольку производимые ими знания были важны на протяжении всего развития общества [Михайлов, 2021].

«И возникает вопрос, каково значение существования института экспертизы для дальнейшего развития общества?» [Аллахвердов, 2012, с.

54]. На этот вопрос ответим словами британского социолога Зигмунта Баумана, который считал, что «экспертные знания всегда имеют элитный статус и что общество не может их по-настоящему понять и применить без помощи создателей этой формы знаний. <...> [эксперты] всегда были “переводчиками”, которые объясняют массам необходимость законов, традиций, культуры во всем их многообразии, а также дают обществу практические знания для достижения ближайших целей и как средство построения своего будущего» [Бауман, 2008, с. 226–227]. Таким образом, «эксперты всегда развивали общество и способствовали прогрессу во всех сферах жизни. Оказывается, экспертные знания всегда были неотъемлемой частью общества, ведь без них невозможно говорить о его развитии» [Манцева, 2018, с. 63].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать выводы о «статусе экспертных знаний и самих их носителей в современном обществе. В настоящее время статус экспертов» [Манцева, 2018, с. 63] и специалистов узкого профиля претерпевает большие изменения. «Далеко не все дисциплины обзавелись» [Структура экспертного знания, URL] экспертами, обладающими своеобразным языком передачи своих знаний. Социальные и гуманитарные науки оказались в авангарде, в отличие, например, от математики. Ранее, во время экспертной революции, существовала конкуренция между бюрократами и экспертами, сегодня мы наблюдаем конкуренцию между экспертами и учеными, с одной стороны, и экспертами и представителями СМИ и Интернета – с другой. Последние, благодаря своей простоте, публичности и охвату, всё больше перетягивают на себя роль «переводчиков», отодвигая экспертов в классическом понимании на задний план. «И это уже новая страница в эволюции экспертного знания» [Бакштановский, Согомонов, 2004, с. 152].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коваль С. В. Эксперт против ученого. Когнитивные особенности получения знания экспертом: материалы Всероссийской конференции по когнитивной науке КИСЭ – 2017. Казань, 30 октября – 03 ноября 2017 года: сборник трудов конференции. Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 455–468.
2. Васюков В. Л. Научное открытие и контекст абдукции // Философия науки и техники. 2003. Вып. 9. С. 8–12.
3. Tufekci Z. Engineering the Public: Big Data, Surveillance and Computational Politics. 2014.
URL: <https://technosociology.org/wp-content/uploads/2014/06/Zeynep-Computational-Politics-and-Engineering-the-Public.pdf>

4. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд., дополн. М.: ЦСПиМ, 2013.
5. Раджабов А. А., Мильгизин В. Р. Роль экспертного сообщества в российской политике // Российский экономический вестник. 2022, Т. 5. №4. С. 25–30.
6. Ильиных И. А. Экология человека: Курс лекций. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрат / под ред. Е. С. Кубрякова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996.
8. Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина ; под ред. Д. М. Носова. СПб. : Алетейя, 2000.
9. Манцева Е. Р. Экспертные знания в обществе конца XX – начала XXI века: статус и значимость // Социология. 2018. № 2. С. 62–64.
10. Россинская Е. Р. [и др.]. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение: учебное пособие / Россинская Е. Р. [и др.]. М. : Инфра-М, 2019.
11. Михайлов И. Ф. Когнитивные основания социальности: дис. ... д-ра филос. наук, М., 2021.
12. Аллахвердов В. М. Когнитивная психология сознания // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2012. Вып. 2. С. 50–59.
13. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Гражданское общество: этика публичных арен: Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004.
14. Структура социологической концептуализации: ПостНаука // URL: <https://postnauka.ru/video/50406>
15. Структура экспертного знания: ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/94241>

REFERENCES

1. Koval', S. V. (2017). Ekspert protiv uchenogo. Kognitivnye osobennosti polucheniya znaniya ekspertom. Materialy Vserossijskoj konferencii po kognitivnoj nauke KISE-2017. Centr rechevyh tekhnologij = Expert versus scientist. Cognitive features of obtaining knowledge by an expert. Materials of the All-Russian Conference on Cognitive Science KISE-2017. Center for Speech Technologies. Moscow. (In Russ.)
2. Vasyukov, V. L. (2003). Scientific discovery and the context of abduction. Philosophy of science and technics, 9, 8-12 (In Russ.)
3. Tufekci, Z. (2017). Engineering the Public: Big Data, Surveillance and Computational Politics. URL: <https://technosociology.org/wp-content/uploads/2014/06/Zeynep-Computational-Politics-and-Engineering-the-Public.pdf>
4. Yadov V. A. (2013). Samoregulyaciya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya lichnosti: Dispozicionnaya koncepciya = Self-regulation and forecasting of a person's social behavior: A Dispositional concept. Moscow: CSPiM. (In Russ.)
5. Radzhabov, A. A., Mil'gizin, V. R. (2022). Rol' ekspertnogo soobshchestva v rossijskoj politike = The role of the expert community in Russian politics. Rossijskij ekonomicheskij vestnik, Vol. 5, No. 4, 25-30. (In Russ.)
6. Il'inyh, I. A. (2005). Ekologiya cheloveka: Kurs lekciy = Human ecology: A course of lectures. Gorno-Altajsk: RIO GAGU. (In Russ.)
7. Kubryakova, E. S. [et al.] (1996). Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = A concise dictionary of cognitive terms. Moscow. (In Russ.)
8. Arendt, H. (2000). Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni = Vita activa, or About active life. SPb: Aleteyja. (In Russ.)
9. Manceva, E. R. (2018). Ekspertnye znaniya v obshchestve konca XX – nachala XXI veka: status i znachimost' = Expert knowledge in the society of the late XX – early XXI century: status and significance. Sociologiya, 2, 62–64. (In Russ.)
10. Rossinskaya E. R. (2019). Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost': pravovoe, teoreticheskoe i organizacionnoe obespechenie. Uchebnoe posobie = Forensic expert activity: legal, theoretical and organizational support. Moscow: "Infra-M". (In Russ.)
11. Mihajlov, I. F. (2021). Kognitivnye osnovaniya social'nosti = Cognitive foundations of sociality: PhD in Sociology. Moscow. (In Russ.)
12. Allahverdov, V. M. (2012). Kognitivnaya psihologiya soznaniya = Cognitive psychology of consciousness. Vestnik SPbGU, 6, 2, 50–59. (In Russ.)
13. Bakshtanovskij, V. I., Sogomonov Yu. V. (2004). Grazhdanskoe obshchestvo: etika publicnyh aren = Civil society: Ethics of public arenas. Tyumen': NII prikladnoj etiki TyumGNGU. (In Russ.)
14. The structure of sociological conceptualization. <https://postnauka.ru/video/50406> (In Russ.)
15. Structure of expert knowledge .<https://postnauka.ru/video/94241>(In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гореликов Евгений Сергеевич

кандидат военных наук

докторант кафедры социологии

Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorelikov Evgenij Sergeevich

PhD (Military Sciences), Doctoral Student of Sociology

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	14.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 316.74:37

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_90

Трансформация миссии университета: историко-социологический анализ

В. И. Лукащук

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
luka81@list.ru

Аннотация. В статье показано, что миссия университета изменялась в зависимости от исторической эпохи и характера социально-культурных отношений в профессиональном коллективе. Основными аспектами миссии университета были и остаются научные исследования, обучение студентов и служение обществу. Сегодня задачи университета постоянно усложняются и дополняются новыми идеями. Соответственно, переосмысливаются и миссии университетов, которые в современном мире носят комплексный и многовекторный характер.

Ключевые слова: университет, миссия университета, модели университета, классический университет, исследовательский университет

Для цитирования: Лукащук В. И. Трансформация миссии университета: историко-социологический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 90–96. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_90

Original article

Transformation of the University's Mission: Historical and Sociological Analysis

Vitalii I. Lukashchuk

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
luka81@list.ru

Abstract. It is noted that the mission of the university has changed depending on the historical epoch and the nature of socio-cultural relations of the society. The main aspects of the university's mission have been and remain scientific research, student education and service to society. Today, the university's tasks are constantly becoming more complicated and supplemented with new ideas. Accordingly, the missions of universities are also being rethought.

Keywords: University, Mission of the University, University Models, Classical University, Research University

For citation: Lukashchuk, V. I. (2023). Transformation of the University's Mission: Historical and Sociological Analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 90–96. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_90

ВВЕДЕНИЕ

Со времени своего возникновения университет, как особый институт, всегда занимал исключительное место в обществе с социальной, идеологической, экономической, геополитической и других точек зрения. Он на протяжении истории своего развития находился в состоянии постоянной трансформации, развивался в соответствии с общественными потребностями. Сегодня университет находится на пересечении быстрого развития общественной сферы, рынка труда и научно-технической отрасли, что порождает как новые возможности, так и новые вызовы. Более того, в настоящее время глобализации университет является не только социальным институтом национального уровня, но и наднационального. Такое положение вещей создает, с одной стороны, возможности воздействия университета на целые регионы мира, с другой – увеличивает множественность внешних воздействий на него. Это приводит к изменению парадигмы миссии университета.

Понятие «миссия» имеет разные значения в зависимости от сферы использования и является достаточно многогранным. Что касается университета, то наряду с понятием «миссия университета» в качестве синонимичных применяют также дефиниции «идея университета», «роль университета», «назначение университета» и т. п. В частности, в труде J. Cortés-Sánchez «Mission and Vision Statements of Universities Worldwide – A Content Analysis» отмечено, что миссия института, в том числе университета, включает такие составляющие, как назначение, ценности, стратегия, стандарты и поведенческие элементы [Cortés-Sánchez, 2017].

Историко-социологический анализ трансформации университета от начала его возникновения до настоящего времени, отличительными особенностями которого являются глобальные проблемы, рост уровня межнационального и межэтнического напряжения, девальвация и профанация духовных ценностей, проблемы информационной безопасности и цифрового неравенства и т. д., свидетельствует о необходимости переосмысления его миссии. От способности и готовности университета к такому переосмыслению в значительной степени будет зависеть его дальнейшая судьба, способность давать эффективные ответы на современные вызовы и направление развития в будущем.

Целью данного исследования является социологический анализ ключевых аспектов формирования миссии университета в различные исторические периоды, исследование вопросов, связанных с переосмыслением миссии университета в соответствии

с новыми, комплексными задачами, обозначение перспектив развития идеи университета в будущем.

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

История развития университетского образования насчитывает более десяти веков, в течение которых оно убедительно демонстрировало свою востребованность, общественную значимость и содействовало эволюционному развитию общества. Собственно и сам университет как образовательный институт всегда находился в авангарде всех цивилизационных преобразований, что подтверждается высокой социальной ролью, которую он традиционно занимал со времени своего основания. Старейшие вузы не ограничивали свои задачи только обучением или подготовкой кадров для тех или иных сфер деятельности. В частности, созданный в 135 году римским императором Адрианом, Атеней являлся не только высшим учебным заведением, в котором изучали грамматику, элоквенцию (риторику), философию, диалектику (логику) и юриспруденцию. Он также был важным культурным центром, где при участии элиты, в том числе и римских императоров, регулярно происходили чтения поэтических и научных произведений [Любкер, 2007]. Китайская академия Ханьлинь, созданная в 738 году, не только готовила ученых и специалистов по управлению, но была также своеобразным органом государственного управления, проверяла соответствие претендентов на занятие государственных должностей установленным требованиям, была императорской канцелярией, осуществляла идеологический надзор и цензуру литературных произведений, занималась официальной историографией Китая и выполняла многие другие функции [Ван, 2018]. Магнаврская высшая школа, известная также как Константинопольский университет, являлась своеобразным центром древнегреческой науки и культуры. Здесь готовили специалистов по богословию, управлению, международным отношениям, военному делу, медицине и другим направлениям. Также к основным направлениям ее деятельности относились сбор древних книг и создание компиляций по законоведению, истории и агрономии [Харрис, 2017].

Старейшие европейские университеты создавали как общие школы, так и школы при кафедральных соборах. Они имели сверхгосударственный статус средневековых цеховых корпораций, деятельность которых охватывала весь католический мир, и даже иногда были одним из инструментов церкви в борьбе за верховенство с правителями тогдашних государств [Фальк, 2022]. На начальном этапе университеты занимались подготовкой управленцев,

врачей, священников, юристов и нотариусов, но впоследствии все более важным направлением их деятельности становились исследования в области естественных и общественных наук. Впрочем, как отмечал Ортега-и-Гассет, главной целью средневековых университетов все же были не профессионализация и исследования, а развитие общей культуры [Ортега-и-Гассет, 2019], которую понимали как определенную систему жизненных представлений о мире и человечестве, то есть совокупность принципов, призванных эффективно направлять деятельность человека. Основными задачами университетов были сохранение, развитие и передача следующим поколениям элементов этой культуры.

Герман Гельмгольц отмечал, что университеты средневековой Европы были свободными объединениями студентов, собиравшихся вокруг известных учителей и самостоятельно определявших свою жизнь [Гельмгольц, 2003]. Со временем общественная полезность этих объединений была признана государствами и получила определенные охранные привилегии и почетные права, в том числе – и автономию по некоторым вопросам.

Трансформация средневековых университетов в их современный вид в значительной степени была обусловлена кризисом, возникшим во второй половине XVIII века, выход из которого был найден. Он заключался в том, что государства, с одной стороны, оказывали университетам гарантированную финансовую поддержку, с другой – получали определенные права на управление ими. При этом существенно изменились роль и статус университетов: многие из них стали государственными учреждениями.

XIX век характеризуется переосмыслением значения университета как особого социального института, ведь в эту эпоху происходит возникновение новых технологий, повышение уровня жизни, развитие промышленности, нуждающееся в научных исследованиях и открытиях. Миссией университета в это время становится поиск знаний, решение научных и социальных проблем, критическая оценка научных достижений и подготовка высококвалифицированного человеческого капитала. Университет становится также национальным институтом, и, поскольку эпоха XIX век – это время формирования национальных культур, – еще и оплотом национальной культурной идеи. Эта идея проявлялась через элитарный фактор, так как в эту эпоху (как и в предыдущие) университеты были доступны только для слоев населения, принадлежавших к интеллектуальной или социальной элите.

К началу XIX века сформировались три основные модели европейского университета – английская, немецкая и французская.

ЕВРОПЕЙСКИЕ МОДЕЛИ УНИВЕРСИТЕТА

Английская модель (Оксфорд, Кембридж) – в значительной степени средневековый цеховой университет, на который существенное влияние оказывала англиканская церковь. Ведущий идеолог этого подхода Дж. Ньюмен считал, что университет является местом преподавания универсального знания и его главная цель состоит в распространении и продвижении этого знания. Наука, искусство, профессиональное мастерство или добыча новых знаний не являются непосредственными целями университетов [Ньюмен, 2006]. Большое внимание британские университеты уделяли воспитанию чувства красоты Древнего мира, вкуса свободы и точности высказываний, а также физическому здоровью студентов. Они приучали студентов к энергичной и кропотливой работе и прививали им манеры, принятые в образованном обществе. Научная деятельность была в основном делом гражданского общества. Впрочем, ведущие университеты поддерживали научные исследования и благодаря этому находились по многим направлениям в их авангарде. Государство и бизнес не имели особой заинтересованности в университетах и редко вмешивались в их текущие дела. Но во второй половине XIX века под влиянием промышленной революции британская модель начала постепенно приближаться к германской. Впрочем, и сегодня в Великобритании влияние правительства на университеты значительно меньше, чем в других европейских государствах.

Французская (наполеоновская) модель подразумевала подконтрольность университета правительству и отделение науки от образования. Фактически созданный Наполеоном в 1808 году Императорский Университет имел статус государственной корпорации и объединял все высшие учебные заведения и факультеты государства. Его деятельность была направлена на подготовку кадров по единым, четко определенным учебным планам и образовательным программам под жестким контролем правительства. Научные исследования практически полностью выведены из университетов и переданы в компетенцию академии наук. Данная модель была взята за основу и в Российской империи, а сегодня она в значительной степени используется в России и других постсоветских государствах. Со второй половины XIX века французские университеты постепенно эволюционировали в сторону немецкой модели, но и в XX веке сохранялись высокий уровень централизации управления ими со стороны государства и определенная обособленность университетов от научных исследований.

Немецкая модель (немецкий классический университет) впервые была реализована в Берлинском университете и в значительной степени базировалась на принципах академической свободы и единства исследований и преподавания, сформулированных Я. Коменским и развитых Гумбольдтом, Ф. Шлейермахером и другими немецкими учеными XVIII–XIX веков. В ее основе – автономность учебного заведения под правовым и в определенной степени финансовым патронажем государства. Университет имел право на самостоятельное ведение хозяйства, комплектацию должностей и присвоение званий. Идея заключалась в создании системы образования, основанной на безусловной и безоговорочной академической свободе и беспристрастных знаниях, что объединяет исследования, преподавание и позволяет студентам выбирать собственный курс обучения. К основным характеристикам данной модели можно отнести следующее:

- главными принципами являются исследования, образование и духовное развитие личности;
- университет должен быть носителем национальной идеи, национальной культуры;
- университет должен выступать своеобразной ветвью власти;
- задача университета состоит в формировании национальной руководящей элиты, университет должен выполнять культурологическую, научную и образовательно-просветительские функции;
- университет должен быть автономным;
- университет, как объединение преподавателей и студентов должен действовать исключительно в интересах науки и знания;
- университет должен обеспечить такое обучение, которое позволит студенту воспринять и понять жизнь;
- в университете должна присутствовать академическая свобода.

Таким образом, университет являлся не только учебным заведением, но и высшим научным учреждением. Наука понималась не как набор известных истин, а как процесс получения новых знаний. Предполагалось, что свободные от формально закрепленных целей научные исследования приведут к результатам, которые предоставят государству возможность достигать своих целей [Шнедельбах, 2002].

Конкуренция между немецкими княжествами и значительные для своего времени политические свободы в Германской империи позволили снять множество идеологических ограничений. Благодаря этому именно здесь началось преподавание наиболее радикальных учений того времени, в частности материалистической философии

и теории эволюции Дарвина. Впоследствии именно немецкая модель стала основной моделью университетов, господствующей в мире до второй половины XX века и не утратившей своего значения до сих пор.

Впрочем, при любой модели реальная миссия университетов никогда не ограничивалась только формальными рамками. Несмотря на существенные различия немецкой и французской моделей, обе исходили из того, что главной функцией университетов является поддержка национальной культуры и развитие национального идеала в широком смысле этого термина. Государства не только контролировали университеты, но и сами попадали под их влияние [Иванова, 2022].

Возвращаясь к мнению Ортеги-и-Гассета о средневековых университетах, мы говорим об особенностях трех моделей университетов нового времени:

- *британская* модель наследует, прежде всего, общекультурную миссию средневековых университетов;
- *французская* делает акцент на профессионализации;
- *немецкая* отдает предпочтение научным исследованиям [Ортега-и-Гассет, 2019].

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

С середины XX века происходит постепенный переход к постклассическим моделям университетов. В первую очередь, это связано с резким ростом количества студентов. Другой важной причиной актуализации постклассических моделей университетского образования был пересмотр представлений о миссии университетов, связанный с двумя мировыми войнами, революциями, Великой депрессией и другими общественными потрясениями первой половины этого столетия. По мнению Ортеги-и-Гассета, катастрофичность сложившейся в эти времена ситуации в значительной степени вызвана тем, что выпускники университетов были новыми варварами, отсталыми от своей эпохи [там же]. Они не имели должной системы представлений о мире и человеке, который бы соответствовал времени. Он призвал вернуться к преподаванию культуры или системы жизненных идей как к главной цели университета. Но эта главная цель должна быть дополнена профессиональной подготовкой и исследовательской деятельностью.

Разделяя точку зрения Ортеги-и-Гассета, К. Ясперс расставлял акценты несколько иначе [Ясперс, 2006]. Университеты, по его мнению, объединяют людей, занимающихся поисками и передачей истины научным способом. Поэтому их

главной задачей он считал исследование. Но истинное знание должно быть не только открыто, но и сохранено, поэтому второй важной задачей университетов является преподавание. Поскольку знания и навыки недостаточны для понимания истины, нуждающейся в духовном формировании человека в целом, смыслом преподавания и исследования является просвещение и воспитание.

Великая хартия институтов описывает главные цели постклассических университетов [Савинова, 2018]. Согласно ей, университеты являются центрами культуры, знаний и исследований, которые создают, изучают, оценивают и передают культуру с помощью исследований и обучения. К их важным задачам также относятся: *распространение знаний среди новых поколений; предоставление будущим поколениям образования и воспитания; сохранение традиций европейского гуманизма.*

Р. Барнетт отмечает, что современные университеты должны помогать людям жить в условиях высокой неопределенности через развитие знания и углубление взаимопонимания между людьми и миром [Барнетт, 2008].

Несколько иначе выглядит миссия современных университетов в России и других постсоветских государствах. Система высшего образования сохраняет некоторые отличительные черты советской модели. В первую очередь она проявляется в значительном влиянии государства на все сферы деятельности университетов. Но есть и существенные отличия. Прежде всего это принципиально другое видение миссии университетов. В СССР периода развитого социализма она предполагала сосредоточение внимания на формировании мировоззрения и профессиональных компетенций. Вместе с тем в СССР понимали необходимость иметь разные (с точки зрения их миссий) высшие учебные заведения. Поэтому существовали МГУ, МФТИ, МИФИ и другие вузы, образованные по модели исследовательского университета.

Существенным признаком нашего времени является то, что деятельность подавляющего большинства университетов сосредоточена на предоставлении так называемых образовательных услуг. Так, согласно статье 23.4 действующего с 2013 года нового Закона Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации», «образовательная организация высшего образования – образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по образовательным программам высшего

образования и научную деятельность»¹. Этот закон также выделяет категории «федеральный университет» и «национальный исследовательский университет» (ст. 24.2). К главным целям федеральных институтов относится «обеспечение подготовки кадров для комплексного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации» (ст. 24.3). Здесь нет принципиальных отличий от общих целей высших образовательных учреждений. Программы развития национальных исследовательских университетов (ст. 24.5) должны быть направлены на «кадровое обеспечение приоритетных направлений развития науки, технологий, техники, отраслей экономики, социальной сферы, на развитие и внедрение в производство высоких технологий»², т. е. основные цели связаны не только с образованием и наукой, но также с разработкой и внедрением новых наукоемких технологий.

Отметим, что на практике современные российские университеты выполняют гораздо больше социально значимых функций, чем это предусмотрено законодательством. В частности, они в той или иной степени принимают участие в разработках национальных, отраслевых и региональных программ развития, внедрении современных технологий в разные сферы жизни, распространении лучшего мирового опыта и практик. Очень важной для общества, но вместе с тем и вызывающей много возражений является роль университетов в решении проблемы занятости молодежи. Но отсутствие официального признания и поддержки этих функций университетов со стороны государства значительно ограничивает их возможности как в содействии развитию общества, так и конкуренции с университетами других стран.

Известный российский экономист А. Аузан отмечает, что современные «университеты производят некоторые неформальные институты, системы ценностей и поведенческих установок, которые затем через тот или иной промежуток времени превращаются в формализованные институты – в системы экономики, политики, торговли и т. д.» [Аузан, 2013, с. 273]. Он также акцентирует внимание на необходимости дать ответ на вопрос, что делать с еще ничего не умеющей молодежью, но уже никому не нужной. А. Аузан рассматривает три варианта будущего молодежи – тюрьма, армия и университеты и последний, по его мнению, самый лучший. Впрочем, если принять именно такую картину будущего российской молодежи, то с автором трудно

¹Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС КосультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

²Там же.

не согласиться. Поэтому значимой задачей высших учебных заведений и университетов является участие в формировании среднего класса.

Сегодня важным аспектом деятельности университета как социального института, безусловно, является университетское сотрудничество, без которого в современном мире невозможно «остаться на плаву», университетская коммуникация – внутренняя и внешняя. В первом случае речь идет об обмене мнениями, обсуждении научно-исследовательских результатов и внутриуниверситетской коммуникации между студентами и преподавателями, во втором – о межуниверситетском сотрудничестве, международных программах обменов, партнерства, организации научных конференций. С одной стороны, это способствует взаимообмену знаниями и укрепляет позиции университета на национальном и международном уровне, а с другой – свидетельствует о доверии к университету как социальному институту, а, следовательно, и о наличии запроса на его развитие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Университет как социальный институт с начала своего возникновения является носителем комплексной многогранной миссии, элементы которой изменялись в зависимости от исторической эпохи и характера общественных отношений соответствующего временного периода. Во все эпохи он играл, несомненно, важную роль в обществе как научный, учебный и социальный институт. Основными аспектами миссии университета были и остаются научные исследования, обучение и служение обществу, к которым в разное время добавлялись различные концепты в соответствии с требованиями общества. Подчеркивая «идеологическое» изменение в трактовке миссии университета, заключавшейся в изменении начального ее понимания как продуцирование света знаний, который видит образованный человек перед

собой, на трактовку XX века как большого бизнеса, создающего определенные блага для общества, отметим, что исключительной социальной функцией, которую выполняет только университет, и ни один другой социальный институт, является научное исследование.

Сегодня задачи университета постоянно усложняются и дополняются новыми. Соответственно, переосмысливаются и миссии университетов, которые в современном мире являются комплексными, и преследуют следующие главные цели:

- формирование мировоззрения и воспитания молодежи;
- профессиональную подготовку и переподготовку специалистов;
- фундаментальные и прикладные научные исследования, сохранение и структурирование имеющихся знаний, инновационную деятельность в разных областях;
- социализацию молодежи и других уязвимых социальных групп (пенсионеров, инвалидов, безработных и т. п.);
- проектирование общественного развития на глобальном, региональном и местном уровнях, построение соответствующих прогнозов и сценариев;
- разработку и реализацию глобальных, региональных и местных программ в сфере просвещения, культуры, здоровья людей, спорта и т. д.

Соотношение между этими составляющими в миссиях разных университетов может варьироваться в очень широких пределах, отражая, прежде всего, существующие общественные потребности. Поэтому и оценка университетов должна быть, по крайней мере, двухуровневой. С одной стороны, это оценка соответствия общественным потребностям его декларируемых миссий, целей и задач, а с другой – оценка соответствия результатов деятельности этим декларациям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cortés-Sánchez, J. Mission and Vision Statements of Universities Worldwide – A Content Analysis. Bogotá : Universidad del Rosario Escuela de Administración Editorial Universidad del Rosario, 2017.
2. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М. : Директмедиа Паблишинг, 2007.
3. Ван Я. Генезис системы высшего образования в Китае: социальный аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 1. С. 22–30.
4. Харрис Д. Византия: История исчезнувшей империи. М. : Альпина нон-фикшн, 2017.
5. Фальк С. Светлые века. Путешествие в мир средневековой науки. М. : Альпина нон-фикшн, 2022.
6. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М. : НИУ ВШЭ, 2019.
7. Гельмгольц Г. Об академической свободе германских университетов // Отечественные записки. 2003. № 6 (15). С. 233–248.

8. Ньюмен Дж. Г. Идея университета. Минск : Беларуский гос. университет, 2006.
9. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5–6. С. 65–78.
10. Иванова Н. А. Университет: национальные особенности, модели трансформации и региональная специфика // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. 2022. № 5 (463). Вып. 64. С. 65–72.
11. Ясперс К. Идея университета. Минск : Беларуский гос. университет, 2006.
12. Савинова Е. А. Великая хартия университетов «Magna Charta Universitatum» // Основы научных исследований. Брянск : Империя, 2018. С. 227–229.
13. Барнетт Р. Осмысление университета // Alma Mater: Вестник высшей школы. 2008. № 6. С. 46–56.
14. Аузан А. Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 266–286.

REFERENCES

1. Cortés-Sánchez, J. (2017). Mission and Vision Statements of Universities Worldwide – A Content Analysis. Bogotá: Universidad del Rosario Escuela de Administración Editorial Universidad del Rosario.
2. Ljubker, F. (2007). Real'nyj slovar' klassicheskikh drevnostej = Real Dictionary of Classical Antiquities. Moscow: Directmedia Publishing. (In Russ.)
3. Wang, Y. (2018). The genesis of Chinese higher education system: a social aspect. Society: Sociology, Psychology, Pedagogics, 1, 22–30. (In Russ.)
4. Harris, J. (2017) Vizantiya: Istorija ischeznuvshej imperii = The Lost World of Byzantium. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
5. Falk, S. (2022) Svetlye veka. Puteshestvie v mir srednevekovoj nauki = The Light Ages: A Medieval Journey of Discovery. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
6. Ortega y Gasset, H. (2019). Missiya universiteta = Mission of the university. Moscow: The HSE University. (In Russ.)
7. Helmholtz, H. (2003). Ob akademicheskoy svobode germanskikh universitetov = Uber die akademische Freiheit der deutschen Universitaten. Domestic notes, 6 (15), 233–248. (In Russ.)
8. Newman, J. G. (2006). Ideja universiteta = The idea of a university. Minsk: BGU. (In Russ.)
9. Schnedelbach, G. (2002). Universitet Gumbol'dta = Humboldt University. Logos, 5–6, 65–78. (In Russ.)
10. Ivanova, N.A. (2022). University: national features, models of transformation and regional specificity. Bulletin of Chelya bnsk State University, 5 (463), 65–72. (In Russ.)
11. Jaspers, K. Ideja universiteta = The idea of a university. Minsk: BGU (In Russ.).
12. Savinova, E.A. (2018). Velikaja hartija universitetov «Magna Charta Universitatum» = Magna Charta Universitatom Magna Charta Universitatom. Fundamentals of scientific research. Bryansk: Empire, 227–229. (In Russ.).
13. Barnett R. (2008). Osmyslenie universiteta = Making sense of the university. Alma Mater: Higher School Herald, 6, 46–56. (In Russ.)
14. Auzan A. (2013). University Mission: An Economist's Perspective. Educational Studies (Moscow), 3, 266–286. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукашук Виталий Игоревич

доктор социологических наук, доцент
профессор кафедры социально-философских наук и массовых коммуникаций
Севастопольского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lukashchuk Vitalii Igorevich

Doctor of Social Sciences, Associate Professor
Professor of the Department of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications
Sevastopol State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.01.2023
17.03.2023
03.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 316:311.2+303:523.2

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_97

К вопросу о качестве онлайн-выборок при изучении социальной структуры в социологических исследованиях

В. Л. Примаков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

vprim2007@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения и оценки качества эмпирической информации в социологических исследованиях с использованием онлайн-выборок. Теоретико-методологический анализ направлен на выявление характеристики репрезентативности онлайн-выборок при изучении структуры социума. Раскрываются методологические аспекты контроля и обеспечения репрезентативности онлайн-выборок.

Ключевые слова: социологические исследования, качество онлайн-выборок, социальная структура, репрезентативность онлайн-выборок

Для цитирования: Примаков В.Л. К вопросу о качестве онлайн-выборок при изучении социальной структуры в социологических исследованиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 97–104. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_97

Original article

Online Sampling Quality Revisited When Studying Social Structure in Sociological Research

Viacheslav L. Primakov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

vprim2007@yandex.ru

Abstract. The article concerns the problem of determining and evaluating the quality of empirical information in sociological research using online sampling. Theoretical and methodological analysis focuses on the characterization of the representativeness of online samples when studying the social structure. Methodological aspects of monitoring and ensuring the representativeness of online samples are revealed.

Keywords: sociological research, online sampling quality, social structure, representativeness of online samples

For citation: Primakov, V. L. (2023). Online sampling quality revisited when studying the social structure in sociological research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 97–104. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_97

ВВЕДЕНИЕ

Проблема качества эмпирической информации всегда была актуальной, особенно в социологической науке. В последние годы ее результаты чаще всего базируются на данных количественных¹ выборочных онлайн-исследований. Так, по данным опроса ESOMAR Global Market Research, в российском сегменте мирового исследовательского рынка по-прежнему преобладают количественные исследования, причем 40 % из них – это количественные онлайн-исследования, которых почти в два раза больше, чем исследований с использованием любых других методик сбора данных². Как правило, они основаны на онлайн-выборках. Это побуждает исследователей внимательно относиться к проблемам качества таких выборочных проектов.

Проблема валидности и способов ее обеспечения в социологических онлайн-исследованиях находит систематическое освещение в академической и прикладной научной литературе. Например, особенностям построения онлайн-выборок посвящена отдельная глава учебника Санкт-Петербургского государственного университета [Методология и методы социологического исследования, 2014]. Полезный практический опыт определения оценки качества выборочных данных представлен в книге А. В. Чурикова «Основы построения выборки для социологических исследований» [Чуриков, 2020]. Регулярно пишет об этом специализированный сборник статей российских и зарубежных ученых и практиков, ведущих в этой области [Онлайн-исследования в России, 2016].

Разнонаправленный спектр обсуждений методик онлайн-выборок и обеспечиваемых ими качества представляют различные научно-прикладные web-площадки для специалистов и практиков. Например, на одной из них однозначно фиксируется вывод, касающийся качества исследований, построенных на онлайн-выборках: «Онлайн-исследования, где объектом являются только его участники, основаны на невероятной выборке добровольцев. Они представляют коллективное мнение респондентов и не претендуют на валидность и надежность данных»³. Звучит как научный приговор.

Однако проблема качества онлайн-выборок не только не исчерпана, но и практически не решена;

она все более «уходит в тень». Поэтому во многих исследованиях неслучайная онлайн-выборка приравнивается к случайной, а выводы априори классифицируются как валидные и представительные для всех, а не только для онлайн-пользователей, да еще и с вероятностной оценкой. Это особенно часто проявляется в практике начинающих социологов-исследователей. Анализ показывает, что более 95 % студентов-социологов МГЛУ при осуществлении исследовательских курсовых проектов и написания ВКР пользуются именно онлайн-выборками. Отсутствие устойчивых знаний о качестве выборочных данных и компетенций контроля и обеспечения необходимой (задаваемой) репрезентативности негативно отражается на надежности информации и валидности формулируемых выводов. Проблема усугубляется в контексте решения аналитических задач изучения структуры социума, дифференциации, классификации, типологизации, сравнения различных структурных элементов общества, социальных общностей как сложных иерархизированных систем.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать различные теоретико-методологические аспекты определения и оценки качества эмпирической информации в социологических онлайн-выборках.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЭМПИРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ВЫБОРОЧНОМ ИЗУЧЕНИИ СТРУКТУРЫ СОЦИУМА

Как известно, качество социологического исследования – характеристика весьма сложная, интегральная, определяемая как теоретической важностью, актуальностью, так и достоверностью результатов исследования [Социология: Словарь-справочник, 1991]. Достоверные результаты можно получить тогда, когда корректные теоретические выводы (определяемые качеством теории, используемой для интерпретации данных) основаны на качественных эмпирических данных. Нередко подобную характеристику именуют надежностью эмпирической социологической информации. Этому посвящены многочисленные работы авторов, к сожалению, незаслуженно забытых [Волович, 1974; Докторов, 1979; Саганенко, 1979; Саганенко, 1983].

Надежность эмпирической социологической информации чаще всего связывают с недостатками как теоретико-методологическими (теоретические ошибки исследования), так и методическими, процедурными (инструментальными). Методические недостатки, или качество методики исследования,

¹Следует заметить, что в профессиональном тезаурусе исследователей, и не только социологов, закрепилось устойчивая классификация исследовательских стратегий на количественные и качественные. Поэтому мы используем их названия без кавычек.

²Состояние рынка социологических и маркетинговых исследований в 2021 году. URL: https://researchfund.ru/files/industry_report_2021.pdf

³Применение онлайн методов в социологических и маркетинговых исследованиях. URL: <http://www.voxru.net/onlineresearch.pdf>

в свою очередь, связаны с (а) ошибками отбора и (б) ошибками измерения, осуществления процедур сбора данных. Именно ошибки отбора единиц анализа исследования (респондентов, чаще всего), как случайные, так и систематические, выступают важнейшей интегральной составляющей, определяющей надежность эмпирической информации и качество всего социологического исследования. Эти ошибки обуславливают важное свойство выборочной совокупности, именуемой репрезентативностью.

Несмотря на распространенность и широкую употребимость данного понятия, особенно в социологии, «репрезентативность» достаточно неоднозначно трактуется в специальной социологической литературе, а тем более понимается исследователями. Причин тому немало, однако мы полагаем, что тема данной статьи не предполагает глубокого анализа обозначенной проблемы. Сформулируем научное определение, основанное общепринятой методологией.

Под *репрезентативностью* (фр. *representative* – представительный) выборки в социологическом исследовании понимается свойство выборочной совокупности воспроизводить (представлять) параметры генеральной совокупности по признакам, значимым с точки зрения цели и задач исследования.

Характеризуя рассматриваемое свойство выборки, сделаем некоторые пояснения. Во-первых, репрезентативность выборки в социологических исследованиях как свойство не носит абсолютно-го характера. Она определяется целью и задачами исследования, выбранной обоснованной стратегией их достижения. Например, для многих целенаправленных выборок это свойство принципиально не только избыточно, но даже неприменимо.

Во-вторых, принципиальным и важным остается вопрос о критериях репрезентативности. Традиционно в общенаучной практике репрезентативность относилась исключительно к случайным методикам конструирования выборочной совокупности, имеющим вероятностно-статистическое обоснование (расчет соответствующего объема выборки, случайной статистической ошибки и случайных способов отбора). Критерием репрезентативности выступала вероятностно оцениваемая статистическая ошибка выборки, нередко называемая статистической погрешностью.

Достаточно распространенный социологический взгляд на анализируемое свойство несколько расширяет представление о нем, например, утверждая, что «понятие репрезентативности социологического исследования не ограничено рамками понятия репрезентативности в вероятностном смысле, и понятие ошибки в социологии шире,

чем в теории вероятностей и математической статистике» [Социологическая энциклопедия, 2003, с. 347]. Лишь отчасти можно согласиться с таким пониманием репрезентативности, однако такой подход дает возможность широкого использования онлайн-выборок в социологических исследованиях.

В-третьих, отметим, что выборка не может быть репрезентативна по всем признакам или даже одновременно по всем наиболее значимым, контролируемым. Она может быть репрезентативна по одним и нерепрезентативна по другим признакам. Признаки, по которым проектируется выборка (осуществляется расслоение ее объема и, соответственно, контролируется и оценивается репрезентативность), нередко называют контролируемыми или признаками репрезентации. Их, как правило, не бывает много, и они отличны от другой группы признаков, часто называемых исследуемые (изучаемые), описывающие объектно-предметную область на эмпирическом уровне. Причем качество выборочных эмпирических данных обусловлено предпочтением не любых, случайных или типичных, принятых, а нередко, только известных, признаков репрезентации, контролируемых при проектировании и реализации выборки (как правило, это известные социально-демографические переменные: «пол», «возраст», «место жительства» и др.). Основным критерий их выбора – содержательная и статистическая корреляция с признаками исследуемыми, обуславливающая зависимость исследуемых признаков, описывающих изучаемое явление, их вариацию от признаков репрезентации, определяющих эту неоднородность.

Сформулированное определение и сделанные пояснения позволяют акцентировать внимание на конкретных параметрах выборки, существенным образом определяющих качество эмпирических данных в социологическом выборочном исследовании. Чаще всего это объем, структура и ошибка выборки.

Объем выборки – число единиц анализа (наблюдения), составляющих выборочную совокупность. Основания для его определения, как правило, широко и доступно даны в учебной и методической литературе, особенно в статистической теории и методике. Важно, что объем выборки непосредственно и формализовано связан с ошибками выборки, особенно случайными, под которыми понимаются вызванные различными причинами отклонения оценок выборочных параметров от их значений в генеральной совокупности. Сложнее с систематическими ошибками, их вычислить трудно, практически невозможно. Подчеркнем лишь, что для осмысления этих ошибок

и их связи с объемом и структурой выборки достаточно научной литературы и нет необходимости в анализе данной темы.

Понятие «структура выборки» относительно редко можно встретить в словарях, справочниках по социологии. Чаще говорят о расслоении, размещении выборки, а еще чаще соединяют их с методами отбора: например, стратифицированная структура, квотная структура и пр. Основная методическая задача структурирования¹ (структуризации, расслоения) случайной выборки – повышение точности выборочных оценок, или, другими словами, уменьшение ошибок выборки. Структурируя выборочную совокупность, исследователь как бы «выбирает» неоднородность, вызванную распределением по признакам репрезентации, и в результате «сохраняет» ту, которая обусловлена случайным характером различий и отклонений. Тем самым, собственно, и уменьшается ошибка выборки, повышается ее репрезентативность и, соответственно, качество собранного эмпирического материала.

Однако, помимо этой методической задачи, такое расслоение при различных видах отбора имеет весьма важную методологическую установку – обеспечить представительство в выборке частей генеральной совокупности, отражающих ее объективную структуру, либо определенные подсовокупности, интересующие исследователя. Всё это становится особенно важным и проблемным в условиях как самой внутренней принципиальной неоднородности практически любой социальной совокупности, так и отсутствия сведений о степени этой неоднородности. Примечательно, что признаки, лежащие в основе такого выборочного структурирования, должны обоснованно и релевантно представлять (воспроизводить) основные признаки структуры генеральной совокупности, важные с точки зрения цели и задач исследования.

Несколько пояснений о социальной структуре изучаемой совокупности. «В широком смысле под социальной структурой понимается деление общества на сферы жизни людей <...>; в узком – все значимые различия между людьми в процессе их жизнедеятельности» [Тезаурус социологии, 2013, с. 222]. Другими словами, социальная структура означает деление общества, а значит,

и обследуемой генеральной совокупности, на подсовокупности, общности, группы на основании того или иного или нескольких взаимосвязанных признаков. Часто это – объективное деление, например, по признаку «пол», «возраст», «место жительства», «семейное положение», «уровень образования» и др. Но нередко в профиль структурного разделения исследователем могут закладываться и субъективные основания, например, «политическая ориентация», «религиозность», «этническая идентификация» и другие.

Структура выборки, соотнесенное пропорциональное (долевое), либо оптимальное (с учетом доли и дисперсии) распределение ее объема по признакам репрезентации, по сути, дает исследователю методический ключ сохранения объективной структуры генеральной совокупности в структуре выборочного проекта. В руках социолога-исследователя появляется механизм воспроизводства социальной структуры совокупности, являющейся объектом выборочного наблюдения.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ОНЛАЙН-ВЫБОРОК ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Следует особенно отметить, что основным требованием к выделяемым в проекте выборки структурным частям является достоверность исходной информации о долевом (чаще всего) распределении социальной структуры в генеральной совокупности по значениям репрезентируемых признаков. В этой связи имеет смысл напомнить, что в онлайн-выборках реализация этого требования сопряжена с серьезными проблемами и ограничениями. В контексте необходимости воспроизводства социальной структуры изучаемой совокупности в онлайн-выборке эти проблемы носят принципиальный характер.

Во-первых, социальные структуры пользователей Интернета в широком смысле, а тем более структуры конкретных интернет-площадок (социальные сети, форумы, чаты, блоги и пр.), существенно отличаются как друг от друга, так и от социальной офлайн-структуры². Причин тому много. Они связаны не только с так называемым цифровым неравенством, но и с различием в тематических интересах пользователей, их в интернет-активности, в принятых способах социального

¹Зд. и далее термины «структурирование», «структуризация», «расслоение», «разделение» мы рассматриваем как синонимы, характеризующие общенаучный структурный подход к анализу чего-либо общего (например, общества, совокупности людей) через его элементы (социальные группы, слои, страты), являющиеся его составными частями. Необходимо учитывать, что эти термины принципиально отличаются от описывающих определенные социальные феномены понятия «социальная стратификация» П. Сорокина, Т. Парсонса и др., «социальная структурация» Э. Гидденса, «структурный конструктивизм» П. Бурдьё.

²В данном случае мы сознательно не стали употреблять понятие «реальная» социальная структура, так как полагаем, что социальная структура онлайн-пользователей также может быть реальной, правда, с иной исследовательской точки зрения.

взаимодействия в Сети и др. Проблема, на которой мы хотим сосредоточить внимание, не в наличии всех этих структурных различий, а в том, какую социальную структуру мы воспроизводим в выборочной совокупности и с какой переносим выводы на генеральную совокупность. Казалось бы, очевидный ответ на поверхности: коль скоро выборка строится из генеральной совокупности пользователей Интернета, то и выводы должны переноситься только на этих онлайн-пользователей. Такой тип выстраивания субъектно-объектных отношений не всегда отвечает целям и задачам исследования. Следовательно, в подавляющем большинстве онлайн-исследований выводы переносятся на всю социальную офлайн-действительность. К тому же, понятно, что и онлайн-пользователи различных интернет-площадок неоднородны с точки зрения традиционно учитываемых признаков репрезентации (чаще всего, это социальнодемографические переменные), что существенно искажает пропорциональную (а тем более, оптимальную) репрезентацию респондентов соответствующих социальных статусов в онлайн-выборке.

Во-вторых, использование онлайн-выборки не только затрудняет, а, по сути, исключает использование однозначных верифицированных маркеров социальной стратификации среди потенциальных носителей информации по проблеме исследования. Подобная проблема существует и в офлайн-выборках. Однако там она может хотя бы отчасти контролироваться исследователем. В онлайн-выборках вопрос: «Кто я? – решает каждый респондент субъективно, исходя из собственных соображений о своем статусе в конкретном онлайн-взаимодействии. Проблему усложняет и принятая в сетевом сообществе интернет-культура, характеризующаяся не только анонимностью, но и различными формами искажения социальных статусных характеристик. Эта проблема имеет место даже в панельных выборках с верификацией через регистрационные (профилирующие) анкеты, а тем более в поточных, стихийных и целевых.

В-третьих, особые сложности в анализе социальной структуры создают локализации потенциальных респондентов в интернет-исследованиях. Эти сложности обнаруживаются и в географических, и во временных, и в тематических, и в коммуникационных, и в иных особенностях онлайн-выборок. Онлайн-исследование практически не в состоянии верифицированно выявить, а значит, и обоснованно представить в выборочной совокупности конкретную географическую совокупность потенциальных респондентов. Респонденты-пользователи по-разному могут определять и выбирать, например, свое «место жительства», «место

работы», «место постоянного проживания», «место нахождения в настоящее время». Нерепрезентативно «работает» и временной критерий отбора, поскольку позволяет осуществить выборочный срез не «здесь и сейчас», а зависит от многих вневременных условий (рейтинговой позиции сообщения, интенсивности информационного потока, отношения респондента к информации и пр.). О тематической локализации говорить тем более сложно. Поскольку обсуждать одно и то же событие респонденты могут на разных тематических площадках, ресурсах, от общих сетей до тематических блогов, форумов, каналов, чатов и пр., пользуясь гиперссылками и связями цитирования. Более того, постоянно изменяется интенсивность информационного контента, а значит, меняется и локализация интернет-активности пользователей. И в каждой такой коммуникативной интернет-локальности социальные структуры пользователей могут существенно различаться, особенно по наиболее важным, с точки зрения цели и задач конкретного исследования, признакам. Наконец, проблема локализации усугубляется слабо контролируемой даже программно-техническими средствами возможностью обеспечения принципа неповторности в формировании онлайн-выборки.

При этом целесообразно акцентировать внимание на такой характеристике признаков структуры (расслоения, разделения), как «важные». Их мы называли контролируемые признаки репрезентации и к ним относили те, которые имеют действительную связь с исследуемыми признаками, поскольку, традиционные социально-демографические переменные в выборке могут относительно адекватно представлять генеральную совокупность, но иметь весьма отдаленную связь с предметными признаками исследования и потому не являться обоснованными, а значит, и неважными признаками структуры. В любом проекте выборки, а тем более онлайн, исследователь вынужден обосновывать значимость этих признаков, их корреляцию с исследуемыми предметными признаками. Варьирование значений этих важных признаков репрезентации, собственно, и определяет структуру выборки, представляет в ней объективную социальную структуру носителей информации, валидную с точки зрения изучаемой проблемы и цели исследования.

Всё это заставляет исследователей решать вопрос об оценке репрезентации социальной структуры в онлайн-выборках. Это важно при реализации как дескриптивных, так и аналитических и экспериментальных количественных стратегических планов исследования.

Наша принципиальная позиция состоит в том, что выборочное онлайн-исследование не может

обеспечить контроль и реализацию задаваемой репрезентативности с использованием принятого вероятностного математико-статистического обоснования и случайных методов формирования выборки. Однако, полагая возможным приблизить структуру выборки к структуре генеральной совокупности, можно в качестве представительной оценки использовать апостериорную ошибку различия по важным контролируемым признакам. Такой методологический подход «открывает дверь» для широкого использования онлайн-выборок в социологических исследованиях, в том числе социальной структуры на основе использования различных неслучайных способов структурирования (расслоения).

С нашей точки зрения, критерий репрезентативности можно обоснованно определять, исходя из анализа выбранной стратегии и методического профиля выборочного исследования. Для *количественных исследований, основанных на неслучайных методах отбора*, главным образом квотном отборе, такой критерий сводится к точности воспроизведения значимых элементов социальной структуры и приближенном (часто повышенном) определении объема выборки, статистически значимого для проверки содержательных гипотез. Такого мнения придерживаются многие социологи-исследователи [Горшков, Шереги, 2009; Саганенко, 1983; Социология: Словарь-справочник, 1991; Ядов, 2001; Чуриков, 2020]. Такие выборочные проекты наиболее распространены в исследовательской практике. Они составляют подавляющее большинство онлайн-исследований в социологии и маркетинге. Соответственно, ошибка определяется апостериори на основе оценки различия задаваемых квот в выборке и достоверных статистических пропорций в генеральной совокупности.

Отдельное дополнение необходимо сделать относительно важного условия репрезентации, связанного с приближенным, часто повышенным, объемом онлайн-выборки в количественных исследованиях описательно-аналитического стратегического профиля. Прежде всего потому, что, например, квотная онлайн-выборка неслучайна и расчет ее объема не имеет четкого вероятностного математико-статистического обоснования, а порой и смысла, как показывает практика. При этом повышение такого объема по сравнению со случайным отбором не является отягощающей или трудноразрешимой задачей в онлайн-исследовании.

Обеспечение апостериорной ошибки выборки существенным образом связано не только со степенью однородности изучаемых структурных элементов генеральной совокупности, но и с глубиной последующего статистического анализа

сравниваемых подвыборок, репрезентирующих эти структурные части, что не менее существенно. Речь идет о *статистически значимом различии* сравнительного анализа подвыборок. Другими словами, объем подвыборок должен быть статистически значим для их аналитического сравнения в соответствии с предельной задаваемой ошибкой. Не углубляясь в анализируемую проблему, отметим, что в учебной и научной литературе она предметно описана, правда, зачастую и повсеместно игнорируется в конкретных эмпирических исследованиях, особенно неопытных социологов. Позволим себе процитировать коллег для пояснения сформулированного тезиса: «Необходимость обеспечить подвыборки определенного размера вытекает из задач их сравнения между собой. В этом случае наполнение подвыборок должно быть достаточным для того, чтобы констатировать статистические различия в их характеристиках. Как и в случае с выборками в целом, ключевым фактором для определения минимально необходимого размера подвыборок является размер ожидаемых различий между ними, который исследователь хочет зафиксировать с помощью статистических методов анализа» [Методология и методы ... 2014, с. 142]. В. А. Ядов предложил и методику оценки объема и статистической значимой разности в сравниваемых подвыборках [Ядов, 2001].

Что же касается *качественных исследований* с направленными и / или целевыми выборками, то проблема репрезентативности в них не стоит в принципе. Для подтверждения данного вывода не откажем себе в удовольствии еще раз процитировать классика: «В аналитических и экспериментальных исследованиях проблема статистической репрезентативности выборки оказывается второстепенной в сравнении с необходимостью обеспечить качественное представительство изучаемых социальных объектов» [Ядов, 2001, с. 114–115].

Отметим только, что качество качественного (здесь, по-нашему мнению, тавтология оправдана) социологического исследования и, соответственно, надежность эмпирического материала, собираемого с его помощью, не определяется структурным соответствием пропорций выборочных объектов наблюдения, обоснованно и целенаправленно отобранных. Определяющее значение имеет не структурная представительность выборки, а качественная представительность наблюдаемых объектов, составляющих подвыборку, целям исследования. Другими словами, объекты, включаемые в целевые выборки, должны содержательно представлять конкретную анализируемую целевую подгруппу, объем и структурный профиль которой может остаться неизвестным. Объемы таких

целевых групп могут быть частично ограничены оценкой однородности этих групп по ряду взаимосвязанных признаков (чем выше однородность, тем меньшая численность может обеспечить качественную представительность). Важное значение при конструировании таких целевых выборок имеет принадлежность единиц наблюдения к определенным тематическим полям коммуникации. Тем более надежность выводов, достигаемая на таких выборках, существенно зависит от особых профессиональных качеств исследователя, среди которых: теоретическая интерпретивистская подготовленность, индуктивная логика, «мягкая» методологическая ориентация, навыки интерпретационной работы с данными, способность к концептуальным обобщениям и т. п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что проблема качества в выборочных социологических исследованиях носит дискуссионный характер, научное осмысление репрезентативности онлайн-выборок позволяет найти вполне обоснованные способы обеспечения необходимого качества эмпирических данных. Их адекватная фиксация имеет особое значение при решении аналитических задач исследования социальной структуры, сравнения структурных компонентов изучения социальных общностей, сложных структурированных систем, дифференциации, классификации и типологизации. Учет необходимых методологических и методических требований конструирования таких онлайн-выборок существенно повышает качество получаемой социологической информации и обоснованность выводов эмпирических социологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методология и методы социологического исследования: учебник / под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014.
2. Чуриков А. В. Основы построения выборки для социологических исследований. М. : Общественное мнение, 2020.
3. Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М. : Типография, 2016.
4. Социология: Словарь-справочник. Т. 4. Социологическое исследование: методы, методика, математика и статистика. М. : Наука, 1991.
5. Волович В. И. Надежность информации в социологическом исследовании. Киев : Наука думка, 1974.
6. Докторов Б. З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979.
7. Саганенко Г. И. Социологическая информация: Статистическая оценка надежности исходных данных социологического исследования. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979.
8. Саганенко Г. И. Надежность результатов социологического исследования / под ред. В. А. Ядова. Ленинград : Наука, 1983.
9. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т.2 / Национальный общественно-политический фонд / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин: Главный редактор В. Н. Иванов. М. : Мысль, 2003.
10. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под. ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
11. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы: учебное пособие. М. : Альфа-М : ИНФРА-М, 2009.
12. Саганенко Г. И. Надежность результатов социологического исследования. Ленинград : Наука, 1983.
13. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Добросвет, 2001.

REFERENCES

1. Dudina, V. I., Smirnova, E. E. (Ed.). (2014). Metodologiya i metody sociologicheskogo issledovaniya: uchebnik = Methodology and methods of sociological research: textbook. St. Petersburg: Izdatelstvo SPBGU (In Russ.)
2. Churikov, A. V. (2020). Osnovy postroeniya vyborki dlya sociologicheskikh issledovanij = Fundamentals of sampling in sociological research. Moscow: Obchestvennoe mnenie. (In Russ.)

3. Shashkina, A. V., Devyatko, I. F., Davydova, S. G. (Ed.). (2016). Onlajn-issledovaniya v Rossii: tendencii i perspektivy = Online research in Russia: tendencies and perspectives. Moscow: Tipografiya. (In Russ.)
4. Osipov, G. V. (Ed.). (1991). Sociologiya: Slovar'-spravochnik. T. 4. Sociologicheskoe issledovanie: metody, metodika, matematika i statistika. = Sociology: Dictionary-reference. Vol. 4. Sociological research: methods, methodology, mathematics and statistics. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Volovich, V. I. (1974). Nadezhnost' informacii v sociologicheskom issledovanii = Reliability of information in sociological research. Kiev : Nauka dumka. (In Russ.)
6. Doktorov, B. Z. (1979). O nadezhnosti izmerenija v sociologicheskom issledovanii = On the Reliability of Measurement in Sociological Research = On the Reliability of Measurement in Sociological Research. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. (In Russ.)
7. Saganenko, G. I. (1979) Sociologicheskaja informacija: Statisticheskaja ocenka nadezhnosti ishodnyh dannyh sociologicheskogo issledovaniya = Sociological information: Statistical assessment of the reliability of the initial data of a sociological study. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie. (In Russ.)
8. Saganenko, G. I. (1983) Nadezhnost' rezul'tatov sociologicheskogo issledovaniya = Reliability of results of sociological research. Ed. V. A. Jadov. Leningrad : Nauka. (In Russ.)
9. Ivanov, V. M. (Ed.). (2003). Sociologicheskaja jenciklopedija: V 2 t. T. 2. Nacional'nyj obshhestvenno-politicheskij fond = The Sociological Encyclopedia. In 2 vols. Vol. 2. National Socio-Political Foundation. Moscow: Mysl'.
10. Toshhenko, Zh. T. (Ed.). (2013). Tezaurus sociologii: temat. slov-sprav = Thesaurus of Sociology: thematic dictionary-reference. Moscow: JuNITI-DANA. (In Russ.)
11. Gorshkov, M. K. (2009). Prikladnaja sociologija: metodologija i metody: Uchebnoe posobie = Applied Sociology: methodology and methods: textbook. Moscow: ALFA-M: INFRA-M. (In Russ.)
12. Saganenko, G. I. (1983). Nadezhnost' rezul'tatov sociologicheskogo issledovaniya = Reliability of the results of sociological research. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
13. Yadov, V. A. (2001). Strategija sociologicheskogo issledovaniya. Opisanie, ob'jasnenie, ponimanie social'noj real'nosti = Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Примаков Вячеслав Леонидович

доктор социологических наук, профессор
профессор кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Primakov Viacheslav Leonidovich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Prof.
Professor at the Department of Sociology
Institute for International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	30.01.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.02.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 316.334

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_105

Синергетический потенциал в деле совершенствования управленческой культуры организации

А. В. Саблуков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
asablukov@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы недоиспользования синергетического потенциала организациями, в связи с чем они работают не оптимально. Цель исследования – рассмотреть возможности использования ресурса самоорганизации в деле совершенствования управленческой культуры. Уделяется внимание концепции «Agile», которая по содержанию противоположна жестким формализованным системоцентричным организациям.

Ключевые слова: самоорганизация, управленческая культура, эффективность, синергетика

Для цитирования: Саблуков А. В. Синергетический потенциал в деле совершенствования управленческой культуры организации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 105–112. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_105

Original article

Synergetic Potential in Improving the Management Culture of an Organization

Alexander V. Sablukov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
asablukov@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of underutilization of the synergetic potential by organizations in connection with which they do not work optimally. The purpose of the study is to examine the possibilities of using the resource of self-organization in improving the management culture. The article focuses on the concept of Agile, which in its content is opposite to rigid formalized system-centered organizations.

Keywords: self-organization, management culture, efficiency, synergy

For citation: Sablukov, A. V. (2023). Synergy potential in improving the management culture of the organization culture of the organization. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 105–112. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_105

ВВЕДЕНИЕ

Анализ количественных и качественных переменных, отражающих управленческую культуру в организациях, как правило, способствует выявлению проблемных составляющих, которые так или иначе связаны с эффективностью управления. Естественным образом возникает вопрос: «с помощью каких регулирующих воздействий можно повысить эффективность организации?»

Изначально выработанный в области экономических познаний термин «эффективность» выражает собой вид оценочного показателя, представленного в качестве количественной характеристики через корреляцию затрат и результатов реализуемой в окончательном итоге деятельности. В этом случае эффективность как параметр фиксирует соотношение затрат и результатов менеджмента [Янбухтин, 2013]. Если фиксируется управленческий эффект в комплексном своем выражении, то в данном случае подразумевается социальная эффективность.

Цель исследования – определение синергетического потенциала организации и его возможности в деле совершенствования управленческой культуры.

САМООРГАНИЗУЮЩИЕСЯ НАЧАЛА ОБЩЕСТВА

Любая организация может пониматься как система и одновременно как подсистема системы более высокого уровня. Синергетика исследует открытые и сложные системы, к которым относятся любые организации. Управленческая культура является одним из организационных явлений надиндивидуального свойства. Она находит выражение в преобладающих способах управления и детерминирована множеством факторов.

Исследования самоорганизующихся систем сначала проходили в предметной области естественных наук, затем в экономических и получили название «синергетика». Один из главных представителей этого научного направления Илья Пригожин предлагал понимать под самоорганизацией установление порядка в системе. Самоорганизации в классическом кибернетическом смысле слова – это процесс структурирования системы, управляемый изнутри этой системы [Пригожин, Николис, 1990].

Самоорганизация означает переход от неорганизованной системы к организованной, либо переход от низкого уровня организованности системы к высокому. Немецкий ученый биолог Г. Хакен, который и назвал теорию самоорганизации «синергетикой» – теорией совместного действия – подчеркивал, что порядок в системе восстанавливается за

счет кооперативного действия подсистем, образующих систему» [Сорокин, 2003, с. 217]. Наблюдая существующие в природе разнообразные высокоорганизованные системы, их приспособляемость к изменяющейся среде, их развитие и самовоспроизведение, можно обнаружить, что в основе всех этих явлений лежит некий универсальный механизм, придающий этим системам способность не утрачивать свою упорядоченность [там же]. Статус самоорганизующихся за социальными системами ученые признали лишь в середине XX века.

В рамках синергетики разработано отличное от привычного понимание детерминизма; согласно новому пониманию, он не сводим к каузальным связям, хотя и имеет явные границы, вне которых значимые моменты перемен становятся индетерминистичными, хотя и продолжают иметь внешнюю и внутреннюю обусловленность. Замечая в управленческой культуре синергетическую природу, мы полагаем ее структурным основанием, на котором вырастает присущая рассматриваемой культуре ментальность индивидов. Последняя, в свою очередь, складывается в конкретно-исторические комплексы средств управления и саморегуляции поведения сотрудников той или иной организации [Hofstede, 1993]. В результате преобладающий тип ментальности субъектов и объектов управления задает ядро как доминирующей, так и управленческой культуры и репрезентирует ее исходные смыслы через действующее в данной социальной среде нормативное регулирование [Калина, Черный, Шоркин, 1999; Бормотова, Зорин, Михайлова, 2020].

Для подтверждения того, что в обществе присутствует ярко выраженное солидаризирующее начало, обратимся к теоретической концепции П. А. Кропоткина. В ней он описывает возможность существования организаций без управляющих вмешательств. Анализирует массу наблюдений взаимодействия живых существ, самоорганизующихся в систему на основе закона взаимопомощи. Именно последний притягивает индивидов друг к другу, позволяет им формировать сообщества различных уровней на началах альтруизма, кооперации, взаимоподдержки. И все это не требует внешней силы для удержания элементов социальной системы в единстве. По его мнению, в истории противостоят друг другу два начала – власть и самоорганизация [Кропоткин, 1918].

ПРОЯВЛЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Знакомство с результатами исследований различных организаций позволяет заметить некоторые

общие проявления управленческой культуры. Инаковость организаций с точки зрения их функционального предназначения неоспорима, что не мешает универсализации способов управления. Рассмотрим некоторые свойства характерные для организации управленческого процесса в российских организациях.

Выделим стремление создать максимально предсказуемое поле деятельности для всех членов организации, по возможности полностью прописанное в правовых нормах. Подобная унификация угнетает творческое начало в любой деятельности, тормозит поиск новых организационно-технологических форм и методов достижения результатов. Установка на то, что следует действовать только в соответствии с указаниями инструкций, распоряжениями начальников формирует привычку к шаблонным, стереотипным решениям принятым, как правило, без учета конкретной специфики того или иного профессионального сообщества. Естественно, мы не являемся сторонниками полного отсутствия правовой регламентации. Во многих направлениях деятельности ее важность и нужность несомненна, но при этом не всеобъемлюща.

Отметим высокий уровень бюрократизации современных организаций, ее влияние на снижение способности к самоуправлению [Бондаренко, 2015]. Бюрократический аппарат легитимизирующий, и вместе с тем, понижающий уровень креативности управленческих решений, инертен и обречен на отставание в оценке обстановки и учета изменяющихся обстоятельств. Рано или поздно приходит время, когда сотрудникам необходимо действовать самостоятельно, творчески в новых условиях с высокой степенью неопределенности, когда понадобится самоорганизоваться и тогда предшествующая пассивность парализующим образом скажется на процессе целеполагания и целедостижения. Опасность такого развития событий особенно велика в кризисных, чрезвычайных ситуациях. Применительно к одной из организаций О. И. Чепунов пишет: «Если в системе государственного управления нет постоянно действующего институционального механизма модернизации контрольно-надзорной системы, то через определенное время сложность и объем регулирования существенно возрастут вследствие противоречивости постоянно увеличивающихся норм данного института» [Чепунов, 2020, с. 131].

Указанные явления приводят к заорганизованности, которая делает планирование формальным, снижает его основательность как на индивидуальном уровне, так и на уровне подразделений. Если в прежнее время сотрудник мог составить план мероприятий с его участием на год и потом на 80–90 % все

эти мероприятия оказывались выполненными даже с учетом появления внезапных задач, то к настоящему моменту вероятность осуществления запланированных мероприятий уменьшилась до 30, максимум 50 %¹. По сути, мы имеем дело с такой заорганизованностью, при которой руководство вынуждено прибегать к ручному управлению, посредством разовых поручений. Как следствие инициативность работников снижается еще больше. Многие начинают действовать по принципу: есть указания – работаем, нет – имитируем трудовую активность.

Исследования показывают, что к настоящему времени надежды персонала компаний на демократизацию организационной жизни существенно уменьшились, и персонал стал ценностно ориентироваться на иерархические организационные условия [Захарова, Леонова, Коробейникова, 2017]. Таким образом постепенно происходит «переориентация персонала на более консервативные ценности» [Леонова, 2021, с. 61].

Типичная на сегодняшний день заорганизованность, когда количество мероприятий различных планов по устранению недостатков, выявленных в ходе проверок и количество составляемых справок, требуемых для подтверждения выполнения пунктов плана, забирает большую часть времени, предназначенного для выполнения основных функций. Процессы самоорганизации и саморегулирования при этом сведены к минимуму. Им не уделяется внимание, на них попросту нет ни сил, ни времени.

Еще одним показателем управленческой культуры является внутриорганизационное доверие. При избыточной централизации оно уменьшается. Исследование А. Э. Ушамирского показало, что основные мотивы неприятия молодежью современного российского социума связаны «с неблагоприятной духовной атмосферой, в основе которой лежат дефицит доверия между людьми и симуляция человеческих отношений» [Ушамирский, 2017, с. 3]. Верхние регулирующие звенья начинают ограничивать подчиненных от «лишней» информации, которая, по их мнению, может разбалансировать организацию, так как подчиненные узнают то, что им не следует знать. Сами руководители постепенно переориентируются на информацию, поступающую сверху. В таких условиях управленцам трудно быть инициативными в принятии управленческих решений, уметь их отстаивать, обладать большей свободой и самодостаточностью. Для этого требуется внутриорганизационное доверие, традиции

¹ А. Л. Кудрин Выступление на пленарном заседании «Реформа государственного управления как важнейший фактор реализации амбициозного плана развития страны» (в рамках Красноярского экономического форума 2017).

URL: <https://www.csr.ru/news/perestrojka-gosapparata/>

делегирования полномочий, а также право на добросовестную ошибку. Но на деле наблюдается излишне жесткое отношение к человеческому ресурсу; подчас при возникновении первых сложностей в производственных отношениях стремятся избавиться от сотрудника и заменить его на нового. Всё чаще практикуют игнорирование других социальных статусов сотрудников организации, кроме профессионального, увеличивают интенсивность труда. Работа не на результат, а на показатели, постоянные переработки, отсутствие выходных истощают человеческий ресурс организации, делают его нестабильным, повышают текучесть кадров.

Улучшить работу организации можно путем затрат внешней или внутренней энергии. С точки зрения внешнего наблюдателя результат будет похожий. Но при втором варианте происходит истощение системы. Процесс деградации произойдет быстрее, если в организации больше эгоистов, медленнее, если больше альтруистов. В любом случае важны не сиюминутные разрушительные меры, а долгосрочное совершенствование, которое невозможно без задействования самоорганизующих начал.

САМООРГАНИЗУЮЩИЕСЯ НАЧАЛА КАК ИММУННЫЙ МЕХАНИЗМ ОРГАНИЗАЦИИ

Суть описываемой проблемы в недоиспользовании синергетического потенциала организациями, не задействовании ими ресурса самоорганизации, который добавил бы им оптимальности, исходя из конкретных задач местной, фактической, ситуации с конкретной спецификой. История знает достаточно примеров, когда социальные системы с жесткими программами функционирования испытывали тяжелые последствия, деформации и разрушения. Значит, в текущих условиях исследователям и лицам, принимающим решения, стоило бы обратить внимание на развитие и поддержание норм самоорганизации. Не подверженные прямому жесткому воздействию субъекта управления индивиды трудятся эффективнее, моральный климат в таких коллективах заметно лучше, удовлетворенность, трудовой энтузиазм значительно выше. Такие условия, по сути, представляют собой питательную среду для развития самоорганизации.

Действуя в интересах оптимизации управленческой культуры, следует обратить внимание на степень ее детерминированности.

Пожалуй, наиболее уместно уделить здесь внимание концепции Agile, которая по своему содержанию противоположна жестким формализованным системоцентричным организациям. При этом, по мнению ее сторонников, именно она наиболее

перспективна с точки зрения эффективности деятельности и наиболее адекватна современной социокультурной среде.

Суть концепции в том, чтобы люди работали эффективнее, процессы и инструменты не должны их ограничивать. В Agile ни процесс, ни тем более программный инструмент не диктует, что людям делать. Более того, они сами решают, как менять процессы или инструменты своей работы. Люди также должны взаимодействовать максимально напрямую, т. е. без посредников в виде документов или других людей. В таких условиях работающие подразделения важнее исчерпывающей плановой и отчетной документации. У исполнителей максимум полномочий. В идеале люди самостоятельно принимают решения и несут за них ответственность. Когда команда или даже отдельный сотрудник сам может, хочет и имеет право решить какую-то проблему без ожидания действий извне, это значительно ускоряет работу [Евдокимов, 2020].

Также в этой концепции важную роль играет термин «гибкий образ мышления» (от английского Agile Mindset), который означает понимание индивидами ценностей Agile. Внутренняя мотивация вместо «кнути и пряника». Agile-методы помогают настроить процессы таким образом, что сотрудники становились более свободными и счастливыми на своей работе. Они начинают видеть полезность своего труда для граждан, ценить доверие и предоставленные им возможности для саморазвития. Люди с такой внутренней мотивацией эффективны на службе, особенно если она сопряжена с множеством сложностей. Из действий индивидов, которые разделяют указанные ценности и вложенные в них смыслы, складываются соответствующие социокультурные отношения [Кузьменков, 2020]. Общий смысл методологии Agile можно свести к развитию автономности участников управления.

Предлагаемый вариант решения проблемы предполагает комплексный подход. Особенно в той части, которая касается деятельности руководителей. Во многом эта проблема решается посредством повышения их образовательного уровня. Мотивация руководителя, его уровень и способность оказывать воспитательные воздействия на подчиненных, восприятие последних как ценный ресурс, который нужно беречь, умение прогнозировать будущее организации – всё это факторы, обуславливающие отношение руководителя к любым проявлениям новизны. Иначе говоря, предполагается развитие их инновационной готовности. Вместе с тем возрастет готовность признать невозможность предотвратить абсолютно

все негативные последствия. Принятие их неизбежности вместе с конструктивным осмыслением вынесенных уроков, будет способствовать преодолению алармистских тенденций в оценках деятельности как начальников, так и подчиненных.

Длительное пребывание в одной организационной среде приводит к некоторого рода капсулизации, появлению заметного отрыва от внешнего мира. Воздействовать на субъекты управленческого процесса следует путем знакомства их с тем, как воспринимаются общественным мнением преобладающие способы управления в их организации [Бормотова, Зорин, Михайлова, 2020]. Это позволит создать необходимые условия для их рефлексии относительно правильности / неправильности, уместности / неуместности практикуемых регулирующих воздействий; позволит увеличить адекватность представлений о степени соответствия их подходов к управлению с тем, которые распространены в доминирующей культуре, т. е. за пределами организации.

Итак, чем меньше расхождения в способах и формах управления в самой организации и ее подразделениях, тем лучше. Уменьшение разрыва благотворно сказывается на динамике управленческой культуры, прежде всего, потому что деятельность организации в таком случае больше соответствует ожиданиям индивидов.

У любого социального организма имеются внутренние ресурсы, которые позволяют ему воспроизводить свою целостность на основе саморегулятивных возможностей. Этот механизм не всегда очевиден, во многом скрыт, но, как утверждают приверженцы синергетического направления, он непременно имеется. Часто он обнаруживает себя в экстремальных условиях, например, во время переходного периода, когда требуется компенсировать или нивелировать отсутствие или дисфункцию каких-либо частей социальной системы.

Механизм самоорганизации играет положительную роль при обеспечении решения возникающих задач в кризисное время. Когда задачи становятся экстраординарными, а индивиды до этого момента работали только по формализованным правилам и без какой-либо инициативы и интериоризированной ответственности, то в новых, объективно сложных условиях они со своими обязанностями не справятся. Можно предположить, что в скором времени станет известно множество примеров действий в ситуациях неопределенности, случившихся в ходе проведения специальной военной операции.

Развитый механизм самоорганизации и саморегуляции позволит организациям продолжать солидаризированно функционировать и пережить период анонии, общей дисфункции, сохранить

свою целостность как элемента системы более высокого уровня. Приобретение таким путем стабильности организации, развитие ее до нужного уровня зависит также от фактора времени. Традиции саморегулирования должны развиваться, набрать силу, стать естественной частью идентичности всех членов организации. Насаждать их не следует, они должны зародиться, а точнее – возникнуть. Одним из основных источников энергии саморазвития являются, используя терминологию Л. Гумилева, пассионарные личности. В настоящее время в ходе управления персоналом используются фильтры, как минимум настороженно относящиеся к таким качествам потенциальных кандидатов как энергия, творческое начало, смелость, инициативность, открытость новому.

Для поддержания высокой устойчивости организации необходима активная авторегуляция в системе, которая желает соответствовать актуальному состоянию внешней среды. Необходимо способствовать процессам саморегулирования. Для этого имеется множество оснований. Члены организации, прошедшие профессиональный отбор, способны придерживаться системы социальных норм, которые групповым сознанием признаются как маркирующие, допустимые, рамки поведения [Зубок, Чупров, 2008]. Вся совокупность социальных отношений осуществляется при постоянном учете прошлого опыта сотрудников организации, их текущих ожиданий и предугадываемого будущего. При этом роль субъекта управления будет сводиться к тому, чтобы придавать направленный характер социальному взаимодействию членов организации в соответствии с установленными целеполаганиями.

В таком случае будем иметь дело со своего рода «иммунным механизмом организации», который укоренен в разумной и устоявшейся самопроизвольности и саморегулировании. Это будет являться важным системосохраняющим фактором, удерживающим ее от разрушения в условиях качественных общественно-политических перемен. Управленческая культура, если она обладает устойчивостью, которая представляет собой результат определенного запаса естественной защиты от дезорганизующих факторов, по сути, – это ценный организационный ресурс стратегического свойства и предназначения. Такой ресурс не привнесешь извне директивным способом и такое преимущество реально только при оптимальном соотношении организации и самоорганизации социальной системы. При таком условии станет возможно достичь естественноисторического развития множества организаций за счет и с использованием внутренней кооперации, содействия

и сотрудничества. В качестве социокультурных констант, на основе которых такое сотрудничество будет происходить, «могут выступать ценностные паттерны, социальные нормы, знаковые системы, поведенческие модели» [Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2020, с. 439]. В деле контроля и регулирования необходимо оставить основные направления контроля, остальное следует регулировать через институты доверия и саморегулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оптимизация управленческой культуры организации с использованием феноменов, относящихся к предметной области синергетики, может иметь большие перспективы. По сути, процессы самоорганизации могут создать глубинную основу, которая обеспечивает устойчивое существование организаций в условиях современного общества, поддержит воспроизводство их целостности, создаст импульс к самодвижению и саморазвитию.

Управленческая культура обнаруживается в совокупности типичных преобладающих

способов управления. Повышение эффективности функционирования организаций невозможно без задействования синергетических начал. Внешнее централизованное управление должно дополняться самоорганизацией внутри элементов, входящих в те или иные сферы общества в статусе подсистем. Совместная задача ученых и практических работников подобрать и обосновать оптимальное сочетание этих двух типов управления. Это станет важным, может быть, даже определяющим, условием эффективности протекания процессов управления в условиях динамики социальных перемен, с учетом возможных кризисных ситуаций и турбулентностей в ходе разворачивания социальных процессов.

Итак, эффективность преобладающих способов управленческой деятельности определяется диапазоном присутствия в организациях синергетических начал. В настоящее время, как показывает наше исследование, синергетический потенциал организаций недореализован.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Янбухтин Р. М. Эффективность деятельности полиции: проблемы и критерии // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2013. № 1 (63). С. 81–86.
2. Пригожин И., Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных систем к упорядоченности через флуктуации / пер. с англ. В. Ф. Пастушенко ; под ред. Ю. А. Чизмаджева. М. : Мир, 1990.
3. Сорокин В. В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
4. Hofstede G. Cultural Constraints in Management Theories // Academy of Management Executive. 1993. Vol. 7. P. 108–134.
5. Калина Н. Ф., Черный Е. В., Шоркин А. Д. Лики ментальности и поле политики. Киев : Агропромиздат. 1999.
6. Бормотова Т. М., Зорин В. Ю., Михайлова Н. В. Особенности политического лидерства // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 2 (140). С. 117–120.
7. Кропоткин П. А. Взаимная помощь, как фактор эволюции. М. : [б. и.], 1918.
8. Бондаренко Г. И. Основные аспекты взаимодействия местного самоуправления, властных структур и населения // Вопросы философии, социологии, культурологии. 2015. № 2. С. 314–317.
9. Чепунов О. И. Некоторые проблемы «регуляторной гильотины» // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2020. № 45 (1). С. 130–137.
10. Захарова Л. Н., Леонова И. С., Коробейникова Е. В. Ценностный конфликт и психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий. Н. Новгород : ННГУ, 2017.
11. Леонова И. С. Управление социально-психологическим возрастом персонала при внедрении инноваций: роль организационной культуры // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2021. № 46 (1). С. 58–69.
12. Ушамировский А. Э. Жизненные планы российской молодежи как рефлексия социального статуса // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2017. № 42 (24). С. 1–5.
13. Евдокимов А. Обзор Agile. Что это: методология, метод или философия? URL: <https://scrumtrek.ru/blog/agile-scrum/4029/metodologiya-agile/>
14. Кузьменков В. А. Аномия: основные подходы // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2020. Т. 45. № 1. С. 31–41.
15. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях социальной неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы исследования молодежи. М. : Academia. 2008.

16. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Реновация идеи социальной солидарности: опыт Белгородской области // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*. 2020. № 45 (3). С. 437–446.

REFERENCES

1. Yanbukhtin, R. M. (2013). Police efficiency: issues and criteria. *Vestnik VEGU*, 1(63). 81–86. (In Russ.)
2. Prigozhin, I., Nikolis, G. (1990). *Samooorganizatsiya v neravnovesnykh sistemakh: ot dissipativnykh sistem k uporyadochennosti cherez fluktuatsii* = Self-organization in nonequilibrium systems: from dissipative systems to ordering through fluctuations. Moscow. (In Russ.)
3. Sorokin, V. V. (2003). *Kontseptsiya evolyutsionnogo razvitiya pravovoy sistemy v perekhodnyy period* = The concept of the evolutionary development of the legal system in the transition period: dis. ... d-ra yurid. nauk. Yekaterinburg. (In Russ.)
4. Hofstede, G. (1993). Cultural Constraints in Management Theories. *Academy of Management Executive*, 7, 108–134.
5. Kalina, N. F., Chernyy, A. D., Shorkin, Ye. V. (1999). *Liki mental'nosti i pole politiki* = Faces of mentality and the field of politics]. Kiev: Agropromizdat. (In Russ.)
6. Bormotova, T. M. (2020). Sociological analysis of the media on the assessment of police activity. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 8(146), 33–38. (In Russ.)
7. Kropotkin, P. A. (1918). *Vzaimnaya pomoshch', kak faktor evolyutsii* = Mutual assistance as a factor in evolution. Moscow. (In Russ.)
8. Bondarenko, G. I. (2015). Main aspects of the interaction between local government, authorities and the public. *Voprosy filosofii, sotsiologii, kul'turologii*, 2, 314–317. (In Russ.)
9. Chepunov, O. I. (2020). Nekotoryye problemy «regulyatornoy gil'otiny» = Some problems of the «regulatory guillotine». *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 45(1), 130–137. (In Russ.)
10. Zakharova, L. N., Leonova, I. S., Korobeynikova, Ye. V. (2017). *Tsennostnyy konflikt i psikhologicheskaya zhiznesposobnost' personala rossiyskikh predpriyatiy* = Value conflict and psychological vitality of personnel of Russian enterprises. N. Novgorod: NNGU. (In Russ.)
11. Leonova, I. S. (2021). *Upravleniye sotsial'no-psikhologicheskim vozrastom personala pri vnedrenii innovatsiy: rol' organizatsionnoy kul'tury* = Management of socio-psychological age of personnel while introducing innovations: the role of organizational culture. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 46(1), 58–69. (In Russ.)
12. Ushamirskiy, A. E. (2017). Life plans of Russian youth as a reflection of social status. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 42(24), 1–5. (In Russ.)
13. Yevdokimov, A. *Obzor Agile. Chto eto: metodologiya, metod ili filosofiya?* = Review of Agile. Is it a methodology, a method or a philosophy? Available at, <https://scrumtrek.ru/blog/agile-scrum/4029/metodologiya-agile/> (In Russ.)
14. Kuz'menkov, V. A. (2020). The anomie: basic theories. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 1, 31–41. (In Russ.)
15. Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2008). *Sotsial'naya regulyatsiya v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti. Teoreticheskiye i prikladnyye problemy issledovaniya molodezhi* = Social regulation in conditions of social uncertainty. Theoretical and applied problems of youth research. Moscow: Academia. (In Russ.)
16. Babintsev, V. P., Gaydukova, G. N., Shapoval, Zh. A. (2020). *Renovatsiya idei sotsial'noy solidarnosti: opyt Belgorodskoy oblasti* = Renovation of the idea of social solidarity: the experience of the Belgorod region. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 45(3), 437–446. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саблуков Александр Валентинович

доктор социологических наук, доцент
профессор кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sablukov Alexander Valentinovich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor
Professor of the Department of Sociology
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	07.02.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	10.03.2023	
	03.04.2023	

Научная статья

УДК 316.3

DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_113

Уровневая дифференциация среды социальной адаптации молодых наемных работников

И. В. Шишков

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ilyashishkoff@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется уровневая дифференциация среды социальной адаптации на примерах молодых наемных сотрудников. Рассматриваются данные государственной статистики, международных организаций и частных компаний. Пересечение процессов адаптации на нескольких уровнях позволяет интерпретировать их взаимосвязь с агентами адаптации и характера воздействия. Адаптация молодых работников отличается массовостью, деперсонификацией в макро-среде, инструментальностью и параллельностью на мезоуровне, адресностью в микросреде.

Ключевые слова: социальная адаптация, среда адаптации, уровневая дифференциация, молодой наемный работник

Для цитирования: Шишков И. В. Уровневая дифференциация среды социальной адаптации молодых наемных работников // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). С. 113–122. DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_113

Original article

Layered Differentiation of Social Adaptation Environment for Young Employees

Ilya V. Shishkov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ilyashishkoff@gmail.com*

Abstract. The article analyzes multi-layered differentiation of social adaptation environment exemplified by young employees. Statistical data gathered by government, international and private organizations is looked into. It is possible to interpret the intersection of adjusting agents and their influence type considering adaptation processes' interconnectedness. Young people's adaptation is characterized by large-scale, depersonification in the macroenvironment, instrumentality and parallelness at the mesolevel, addressness in the microenvironment.

Keywords: social adaptation, adaptation environment, layered differentiation, young employee

For citation: Shishkov, I. V. (2023). Layered differentiation of social adaptation environment for young employees. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(851), 113–122. 10.52070/2500-347X_2023_2_851_113

ВВЕДЕНИЕ

Характерным для процесса социальной адаптации представляется множественная направленность воздействий на ее субъект. Воздействие может обладать стихийным или целенаправленным характером, итоговой целью которых станет бесконфликтная интеграция нового субъекта в устойчивую систему социальных отношений. Первый случай описывается пассивной моделью адаптации, в рамках которой субъект адаптации не прикладывает каких-либо существенных усилий для усвоения поведенческих образцов, но постепенно интернализует ценностно-мировоззренческие и поведенческие образцы. Во втором случае, как правило, процесс запускается либо по инициативе агентов адаптации, социализации в более широком смысле, либо исходя из собственных интересов адаптирующегося, либо при наличии взаимной инициативности всех субъектов и наполняется теми или иными мероприятиями, ориентированными на координацию поступков в нормативно санкционированном для группы формате. Конечная цель — воспроизводство устойчиво сложившейся системы социальных отношений, демонстрировавшей свою «жизнеспособность» в релевантной социальной структуре.

Однако в современном обществе обостряется конкретная проблема адаптации: социальный субъект становится участником множества процессов адаптации. Ввиду расщепления общества на различные социальные группы, фактическим участником которых адаптант становится или имеет потенциал в них встроиться, перед самим адаптирующимся становится выбор господствующей, например, референтной социальной группы, или нескольких. К тому же, чем больше групп, требующих адаптацию, тем больше ролевых наборов к освоению [Козырева, 2011]. Очевидно, что «массовость» не позволяет качественно интернализировать различные ролевые наборы. Более того, координация поступков в соответствии с предписаниями и требованиями (нормативностью), приобретенными ценностно-нормативным и статусно-ролевыми наборами одной социальной группы имеет потенциал к наложению негативных санкций на адаптанта со стороны другой группы, отличающейся системой социальных отношений. Соответственно, важны антиципация и понимание адаптирующимся зарождения подобной диспозиции к взаимодействиям неопределенного и напряженного характера — статусно-ролевому конфликту в целом. По нашему мнению, такая тенденция имманентна для параллельно проходящих разнородных процессов адаптации. Следовательно, необходимо понимать имманентные

особенности адаптации в границах сред различных уровней.

Данная проблема прослеживается в исследованиях, посвященных трансформационному воздействию глобализации на общество, таких ученых, как П. М. Козырева, Н. В. Бесчастнова, Р. А. Вагизов, Д. Вайсман, М. Грановеттер. Они оценивали степень влияния глобализации на социальную динамику как существенную. По их мнению, пиковая интенсивность глобальных процессов вела к неопределенности на мезоуровне и доминации макроуровневых явлений. Преимущественный акцент делался на переходе к слабым социальным связям и сопоставление их с сильными. Мезоуровень вводился в качестве промежуточного, призванного отразить комплексность социальных процессов и институтов, подверженных в том числе глобализационным преобразованиям. Именно на этом уровне оценивается столкновение надгосударственных социальных изменений, например, в работах М. А. Кузьминой, М. Грановеттера.

В работах Ю. А. Кузнецовой, Е. Ю. Алексейчевой, Д. В. Дунас рассматривается влияние виртуализации и цифровизации социальных отношений на молодежь и общество в целом. По их мнению, виртуальное пространство предоставляет вспомогательное пространство для социализации и социальной адаптации, ее среды.

Исследователи П. М. Козырева, П. А. Меркулов, А. Л. Елисеев, С. Ю. Иванов, Д. В. Иванова, С. И. Самыгин, М. А. Гнатюк, Д. В. Кротов изучают проблему социальной адаптации в современном российском обществе, анализируя трансформационные процессы и их последствия для социальной среды. Особое внимание они уделяют трудовой адаптации молодых сотрудников на рынке труда, а также соотношению труда и рекреации относительно разных уровней адаптации.

В исследовании используются материалы эмпирических исследований:

- собранные «Международной организацией труда» в 2019–2022 годах статистические данные Youth employment by sex, age and weekly hours actually worked, отражающие занятость молодежи в разных странах;
- статистические данные «Индикаторы достойного труда», опубликованные «Федеральной службой государственной статистики» в 2022 году;
- данные исследования «Института сравнительных социальных исследований», собранные в рамках программы изучения установок, взглядов, ценностей и поведения населения стран Европы;
- данные медиапотребления молодежи, полученные в ходе собственного исследования компании Mediascope в 2022 году;

– результаты исследования компании Headhunter, характеризующие особенности соотношения труда-рекреации на российском рынке труда.

В статье рассматривается проблема многомерности социальной адаптации на макро-, мезо- и микроуровнях. Новизна работы определяется тем, что автор статьи предпринимает попытки проанализировать параллельность социальной адаптации в различных средах и ее многоуровневость на примере молодых наемных работников. Мы попытаемся немного «расширить» перспективу, для чего затрагиваем потенциал одновременности агентов адаптации и процессов, действующих на разных общественных уровнях, и интерпретировать эти изменения – это цель нашего исследования. Вдобавок уделяем внимание «промежуточному» – мезо – уровню.

МНОГОУРОВНЕВОСТЬ СРЕДЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Среда социальной адаптации совмещает в себе условия адаптации и факторы адаптации. Если задуматься над условиями адаптации, то массовость векторов адаптационного воздействия очевидна, учитывая все социальные объекты, явления, события, простирающиеся на трех уровнях или существующих исключительно обособленно на том или ином из них. Объем факторов адаптации, выражающихся в проявлении причин непосредственного преобразовательного воздействия на адаптанта, не так широк по сравнению с условиями, так как факторы представляют собой производную от условий адаптации. Однако для самих факторов характерна повышенная интенсивность, адресность и «тенденциозность» развития субъекта адаптации [Шишков, 2022]. Интерпретация природы многоуровневой разветвленности открывает возможность для адекватного выстраивания стратегий адаптации как самим адаптирующимся, так и ангажированными агентами социализации. Далее, появляется возможность более комплексной организации – кристаллизации модели социальной адаптации, исходя из выработанной интерпретации.

В современных обществах всё больше наблюдаются так называемые пространственно-темпоральные изменения. Их можно охарактеризовать как абerrации пространственно-временного континуума, оказывающие влияние на устоявшуюся социальную структуру, социальные институты и процессы. Самыми явными проявлениями подобных абerrаций, вероятно, являются глобализация социальных пространств и «ускорение времени». Глобализация склонна к типизации социальных отношений под заданный типический образец,

характерный для источников глобализационного воздействия [Бесчастнова, Вагизов, 2016]. Хотя процесс глобализации начал терять определенную степень интенсивности, его влияние всё еще возможно наблюдать на практике. В то же время происходят изменения в восприятии «скорости времени», что предполагает интенсификацию не каких-то конкретных социальных процессов, а именно всех социальных процессов [Вайсман, 2019]. Законным следствием подобных трансформационных процессов становится «переформатирование» систем социальных отношений для реактивного ответа на них, а также антиципации и избегания неопределенности и напряженности в социальных взаимодействиях внутри групп и между ними.

Для успешного завершения процесса социальной адаптации логично ориентироваться на изменившиеся условия. Например, в научном дискурсе существуют аргументированные мнения, что в современном виртуализованном и глобализованном обществе формирование идентичности индивида затмевает пространственные и статусные детерминанты адаптации [там же]. Социальные отношения, детерминированные идентичностью, основываются на «слабых связях», что отличаются эпизодичностью взаимодействий, дистанционностью отношений [Granovetter, 1973]. Слабые связи, как правило, лежат в границах социальных сетей, которые благодаря тенденциям к виртуализации социальных процессов и явлений всё активнее конструируют «предметную» социальную реальность.

Трансформация социальной структуры под воздействием таких явлений повышено актуальна для молодых наемных работников как части молодежи. Молодежь как категория хоть и представляет собой квазигруппу – социальный агрегат оценивается как наиболее восприимчивая к проявляющимся структурным изменениям. Это обусловлено диспозицией к переносу социальных отношений в виртуальную среду, что открывает доступ к дополнительному массиву виртуально удаленных референтных и других групп. Аналогичное справедливо для типизации глобалистских образцов. Соответственно, виртуализация социальных взаимодействий, не вытесняя «классические», а прибавляя, расширяет список социальных групп для адаптации [Кузнецова, 2021]. Тем самым расширяется уровневая дифференциация воздействия агентов адаптации, социализации. И следовательно, повышается вероятность ролевых конфликтов: осложнение процессов адаптации к отдельно взятым социальным группам, например, находящимся «непосредственно» близко, и, в итоге, увеличение риска дезадаптации.

Следует также осознавать эффект дифференциации агентов влияния по уровню среды относительно первичности и вторичности социальных групп. Согласно нашей гипотезе, он [эффект] склонен к вариативности в зависимости от адаптирующей социальной группы и собственно уровня среды ее функционирования. Отметим, что относительно уровневой дифференциации молодых наемных работников обоснованно говорить о наличии некоторых особенностей.

Во-первых, социальная адаптация как часть социализации имеет вторичный характер. Когорты рассматриваемой молодежи уже прошли первичную социализацию, сформировав базовые характеристики личности, освоив основные общественные ценности, нормы, роли, паттерны поведения и др., и начинают переходить к следующему этапу социализации — вторичной. Молодые индивиды сменяют почти все вторичные, так называемые инструментальные, группы, сохраняя или в меньшей мере модифицируя первичные (экспрессивные), ввиду перемещения в другое социальное пространство — в другую социальную среду. Данная среда становится новой средой адаптации, где адаптанты самостоятельно предпринимают попытки к адаптации или подвергаются влиянию релевантных агентов адаптации. Как правило, адаптация на этой фазе социализации протекает в границах социальных структур, связанных с профессиональной деятельностью, что в особенности актуально для молодых сотрудников. При этом объем адаптационных воздействий, происходящий от социальных групп, агентов социализации на макро-, мезо- и микро-уровне либо так же остается, либо модифицируется в соответствие изменениям личности индивида. Однако масштаб социальных взаимодействий и отношений, вероятнее всего, остается таким же широким.

Во-вторых, многоуровневость среды адаптации раскрывает дополнительный потенциал не только явной, но и латентной социализации. В рамках *явной*, как было отмечено выше, происходит «смешение» агентов, действующих на разных уровнях социальной среды адаптации. В рамках *латентной* адаптант предстает перед возможностью взаимодействия с кристаллизовавшейся системой отношений между социальными субъектами, социальным и предметным миром ввиду уровневой дифференциации среды адаптации [Меркулов, Елисеев, 2020].

Переход молодежи в новые среды ввиду трудоустройства приводит к необходимости в социальной адаптации к ним и в то же время сохранения эффективно функционирующих уже интернализованных ценностно-нормативных и статуснорольевых наборов. Так как в статье рассматриваются

молодые наемные работники, то целесообразно охарактеризовать социальные особенности их трудовой деятельности.

Статистические данные показывают, что годовое совокупное количество отработанных часов работы у сотрудников более 11 600 за 2021 год в возрасте от 15–29 лет, что ниже, чем в двух предыдущих годах — 13 266 ч. и 12 078 ч. соответственно ввиду пандемии COVID-19 (*International Labour Organization*, 25.03.2023). Так, Россия находится на восьмом месте среди всех стран по этому показателю, что позволяет сделать вывод о высокой трудовой загруженности молодых работников в стране. Показатель производительности труда в 2019–2020 годы тоже снизился со 102,4 до 99,6 (*Росстат*, 14.09.2022). При этом следует учитывать, что 58 % россиян должны работать по договору 40 часов в неделю, но только 38 % работает столько в действительности в 2018 году, так как скорее остаются сверх трудовой и договорной нормы, чем их не выполняют (*Институт сравнительных социальных исследований*, 15.11.19). Разумно предположить, какую существенную долю занимает труд в жизни молодых работающих россиян. При анализе социальной адаптации в рамках исследования важно осознавать, что у современной молодежи наблюдается диспозиция к выбору работы; нынешняя молодежь совершает свой жизненный выбор и действует исходя из такой цели, как самореализация, самовыражение. Такая диспозиция размывает границу между собственной трудовой деятельностью и повседневной жизнедеятельностью [Иванов, Иванова, 2016]. Такая трудовая мотивация логично проистекает из высокого показателя трудовых часов и также выражается в феномене систематических переработок. Кроме того, 65 % трудоустроенных студентов и молодых работников в России проводят на работе больше предписанного договором времени, согласно проведенному в 2021 году исследованию компании HeadHunter (*HeadHunter*, 27.08.2021). Диспозиция к излишнему трудоголизму так же вносит существенный вклад в значимость многоуровневой трудовой социальной среды адаптации.

Помимо мотивационного фактора следует отметить структурный — влияние процесса виртуализации на социальную среду адаптации в ходе трудовой деятельности. Существенные временные показатели нахождения молодежи в виртуальном пространстве — более 5:40 ч. / день в возрасте 18–24 лет и более 4:40 ч. / день в 25–34 лет (*Mediascope*, 18.05.2022) — формируют пространственно-темпоральную аберрацию — постоянную доступность к взаимодействию с коллегами, начальством и др. Парадокс постоянной доступности работника заключается в том, что цифровая среда позволяет сокращать временные затраты

на социальные взаимодействия в ее границах, но вместе с тем увеличивается частота и количество самих взаимодействий [Вайсман, 2019]. Ввиду такого парадокса происходит усиление размывания границ трудовых отношений у молодежи, так как «черта», означающая окончание рабочего времени, перестает быть явной, например, в отличие от ухода с рабочего места.

Основываясь на статистических данных, предположим, что трудовая среда адаптации действительно выделяется как, если не основная, то как одна из ключевых в адаптации молодых наемных работников, не по их собственной природе, а по «требованиям» рынка труда. Трудовая деятельность обладает не только инструментальным, но и социально ориентированным характером. Определенная степень социальности трудовой деятельности неразрывно связана с процессом социальной адаптации работников, в особенности молодых. Во-первых, средовые факторы стимулируют сотрудника к овладению как профессиональными, так и социальными навыками, усвоению ценностно-нормативных и статусно-ролевых установок, посредством которых молодые сотрудники встраиваются в новую для себя среду и понимают правила (нормативность) ее функционирования, что выражается в дальнейшем воспроизводстве системы. Во-вторых, усвоение в ходе трудовой деятельности статусно-ролевого набора, характерного для среды адаптации, позволяет осознать собственную социальную идентичность и включенность в социальную структуру.

Размывание границ трудовой среды у молодых наемных работников может перемешивать ее содержание с другими средами, например, рекреационной. Такой феномен имеет конфликтный потенциал ввиду резкого переключения между усвоенными социальными статусами и ролями, характерными для разных сред адаптации.

Далее мы исследуем конкретные различия социальной адаптации молодежи на примере молодых наемных сотрудников на трех уровнях: на макро-, на мезо- и на микроуровнях.

МАКРОСРЕДА АДАПТАЦИИ

На макроуровне социологические исследования сосредотачиваются на социально-экономических и социально-политических явлениях, влияющих на социальную адаптацию. Адаптация на данном уровне проявляется как в виде явной, так и латентной социализации. Более существенную роль играют социальные институты, глобальные процессы, крупные организации и т. п. Имеет смысл говорить об адаптации к среде в первую очередь в ходе институциональной социализации.

Основное воздействие носит «тенденциозный» и «деперсонифицированный» характер [Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе, 2021]. На данном уровне подразумевается преобладание интериоризации «базовых», «широких» норм, образцов поведения, мировоззрения, привычек и др., направленных на значительный охват социальных групп в период адаптационных усилий. Вероятно, в качестве начальной проблемы следует отметить некоторую «размытость» освоенных образцов. Данную особенность возможно объяснить, по нашему мнению, тем, что векторы адаптационного воздействия на макроуровне направлены на реализацию социальной сущности в межгрупповом формате, т. е. усредненные нормы (типические), освоенные и интериоризованные подавляющим большинством общества, позволяют выстраивать эффективное социальное взаимодействие, если на практике поступки основываются на общем ценностно-образцовом базисе. Общее сходство по типическому базису дает возможность действительной антиципации поступков и их интерпретации, что ведет к адекватной координации поступков индивидами.

Если рассматривать условия адаптации молодых наемных сотрудников, на макроуровне, то необходимо уточнить, что главными агентами адаптации выступают деперсонифицированные социальные институты, столкновение с наполнением которых находится в зависимости от выбранного (мотивированно или вынужденно) молодым индивидом социального пространства для адаптации (*Mediascope*, 18.05.2022). Тем не менее макроуровень, обладая существенным социальным охватом, всё равно типизирует поведенческие предписания-требования (нормативность), что задает основу для более плавного встраивания молодых сотрудников в социальные группы, социальную среду, которые преимущественно состоят из других возрастных когорт. Естественно, для выстраивания устойчивой системы социальных отношений и интеграции в социальную структуру потребуются дополнительные усилия, так как типизированная ценностно-нормативная база обеспечивает только первоначальным преимуществом при адаптации, т. е. социальная адаптация представителя молодежи на данном уровне в первую очередь ориентирована на интеграцию в социальную структуру после выпуска из образовательных учреждений или во время обучения в средних профессиональных и высших учебных заведениях. Трудоустройство недавнего выпускника проверяет его социальную адаптивность при взаимодействии устоявшихся ценностно-нормативных и статусно-ролевых наборов с новыми для него агентами адаптации [Самыгин, Гнатюк,

Кротов, 2017]. Другими словами, подразумевается идентификация сотрудника в качестве работника конкретной индустрии или сотрудника умственного труда («белый воротничок»). В результате ценностно-нормативные и статусно-ролевые установки усваиваются в обобщенном характере, что «уточняется» и сужается на двух других уровнях.

Также наблюдается деперсонификация адаптационного воздействия ввиду того, что агентами становятся СМИ, институт культуры, предметы культуры, политические (институт власти) и экономические явления (институт рыночных отношений) и процессы и т. п. Глобализационная трансформация, потерявшая предыдущую интенсивность на этот момент, добавила дополнительный массив агентов адаптации, например, в виде зарубежных СМИ.

Следовательно, деперсонифицированные условия и агенты социальной адаптации на данном уровне обуславливают склонность к типизации поведенческих паттернов социальных групп и индивидов таким образом, чтобы у них имелось общее «типическое» основание для выстраивания социальных отношений и взаимодействий молодыми сотрудниками. Кроме того, их социальная адаптация в макросреде стремится к так называемому «аутопоэзису» (воспроизводству) наиболее объемных социальных структур и систем, что достигается посредством внутри- и межгрупповых интеграционных взаимодействий. Доминирующее влияние на адаптацию исходит от социальных институтов и самой социальной структуры, что допускает характеристику адаптивного влияния на макроуровне как массового, деперсонифицированного и широкого охвата. То же справедливо для приобретаемых ценностей, статусов и ролей у молодых сотрудников: при адаптационном воздействии в макросреде происходит контакт с их массовыми типическими образцами, которые дают по своей природе базовую возможность для минимально адекватного функционирования в средовых границах. На данном уровне среда адаптации направлена в основном на унификации ценностно-нормативных и статусно-ролевых моделей, которые будут применены молодыми сотрудниками при встраивании на мезо- и микроуровнях. На этих уровнях унификация переходит в частность.

МЕЗОСРЕДА АДАПТАЦИИ

Ввод мезоуровня в научный дискурс изначально задумывался в качестве компромисса между социологическим фокусом либо на макроуровне, либо на микроуровне. Предполагалось, что мезоуровень должен разрешить проблему интерпретации социальных явлений, имеющих место быть на

обоих уровнях, их пересечении [Кузьмина, 2020]. На текущий момент данный уровень используется как самостоятельная единица деления, что дает нам возможность выстроить дополнительную социологическую перспективу на социальные явления, в том числе на социальную адаптацию.

Среда социальной адаптации на мезоуровне – это сообщества, организации, города, поселения и т. п. Существенным критерием для выделения социальной структуры на мезоуровне является территориальная близость социальных субъектов – молодых сотрудников. Интересно, что в современном мире, как мы заметили ранее, пространственная принадлежность уступает вариативной идентификации по иным критериям. Существующая система социальной коммуникации сложилась под влиянием социальных сетей, глобализации и других факторов, способствующих кристаллизации социальных связей в трудовой и других средах [Вайсман, 2019]. Виртуализация также способствует этому.

Агенты социальной адаптации на этом уровне в своей основе регулируют статусно-ролевую систему молодых наемных сотрудников через вторичные группы социализации, а именно – производственные предприятия, политические организации, соседские объединения, локальные сообщества и др. Социальное взаимодействие с носителя норм выстраивается на основе рациональности для достижения общих целей (выполнение трудовых задач, решение локальных проблем, выражение коллективной политической воли и т. д.) [Кузьмина, 2020]. Соответственно, господствующей формой адаптации можно считать межличностные взаимодействия, представленные скоординированным поступками, регламентируемые групповым сознанием. Следовательно, сама адаптация носит исключительно инструментальный характер, поскольку социальные связи, отношения, как правило, базируясь на рациональности, остаются неустойчивыми. Они ориентированы на конкретные цели, а идентичность слабая.

Конечно, социальные институты оказывают определенное влияние на адаптацию и на этом уровне, но они соотносятся с тем, с какими формами социальной организации адаптирующийся взаимодействует: среда адаптации в трудовых коллективах и среда адаптации в соседском сообществе подвержена регуляции как со стороны общих социальных институтов, так и со стороны несовпадающих.

Рольевые наборы, соответственно, тоже варьируются от инструментальных целей, на которые нацелено участие в той или иной группе. В результате также появляется вероятность столкновения ценностно-нормативных наборов разных групп, если неосмотрительно координируются поступки на основе освоенных в одной в нерелевантной для них

другой группе. На данном уровне молодые наемные сотрудники вынуждены не только ориентироваться на унифицированные типические паттерны поведения, нормы, ценности и действовать в рамках заданных ролей, интернированных посредством адаптационного воздействия на макроуровне [Меркулов, Елисеев, 2020], но и локализовать их под более ограниченную среду адаптации, которая, вероятнее всего, будет обладать собственными индивидуальными социальными особенностями, отличающимися от массовых унифицированных на макроуровне. Таким образом, мезоуровень среды социальной адаптации сочетает в себе особенности и явной, и латентной социализации, что делает ее, с одной стороны, деперсонифицированной, а с другой – межличностной. Масштаб адаптационного воздействия не такой широкий, как на макроуровне, но и не такой узкий, как на микроуровне. Ряд социальных институтов, доминирующих на макроуровне, например, институт культуры, на этом теряет свое значение.

У молодых наемных сотрудников социальная адаптация в данной среде всё так же относится ко вторичной социализации, но стимулом становится, вероятнее всего, внешнее воздействие, исходящее в большей степени из пространственного фактора, чем идентичностной принадлежности [там же]. Так, возможно предположить, что идентификация молодого сотрудника как работника определенной компании менее важна, нежели идентификация на макроуровне. Однако молодой сотрудник более склонен идентифицировать себя через инструментальную направленность своей деятельности. Следовательно, разумно предположить, что конструирование адаптационной стратегии на данном уровне должно ориентироваться на понимание инструментальности целей адаптации и предписаний-требований (нормативности) – в этом заключается тенденциозность такой среды адаптации. Кроме того, можно предположить, что именно в мезосреде экономические факторы играют наибольшую роль среди остальных.

В мезосреде адаптации молодой сотрудник осуществляет первичную адаптацию усвоенных массовых статусно-ролевых отношений, но уже на микроуровне им осуществляется наибольшая локальная адаптация этих установок. Кроме того, молодые наемные работники параллельно находятся в состоянии ознакомления и интернализации социального содержания мезосреды посредством взаимодействия с уровневыми агентами адаптации.

МИКРОСРЕДА АДАПТАЦИИ

Микросреда адаптации очерчивается границами системы социальных отношений индивида в «локальном» социальном пространстве и малых групп

в частной социальной среде. К таким социальным общностям для молодых наемных работников, как и для молодежи в целом, возможно отнести семью, сожительство, домохозяйство и др. Адаптация на микросреде происходит в условиях устойчивых социальных отношений и статусно-ролевого набора, так как подобные общности относятся к первичным группам социализации. Соответственно, для микросреды адаптации в первую очередь характерны социальные взаимодействия как самоцель (экспрессивность) [Дунас, 2022]. Это основывается на сильной идентификацией индивида с группой – соотношения себя с ее ценностно-ролевым набором. Ценности и роли конструируются исходя из экспрессивной направленности социальных взаимодействий. Кроме того, групповое сознание представляется в высокой степени единым. В другом случае возрастает вероятность формирования конфликтных ситуаций, кристаллизующихся из неопределенности и напряженности социальных взаимодействий.

Социальная адаптация на микроуровне протекает в своей основе в границах явной социализации, где индивидуальные агенты социализации преобладают над «массовыми» (социальными институтами, организациями). Тем не менее это не отменяет наличия определенной степени институционального воздействия адаптации. В целом, адаптация на микроуровне носит укрепляющий характер, выполняя функцию по поддержанию интернализованного в ходе первичной социализации. Это позволяет поддерживать базис для более широких социальных отношений на других уровнях среды адаптации.

Основными активными единицами социальной адаптации на данном уровне выступают межличностные социальные действия. Адаптация на микроуровне строится на взаимодействии между небольшим кругом индивидов со, скорее, схожими, нежели различными ценностями, нормами и мировоззрением [Меркулов, Елисеев, 2020]. Соответственно, адаптационные процессы на микроуровне носят адресный (точечный) характер (таргетируют индивида), отличаются относительно устойчивыми социальными отношениями и конструируются на основе идентичности. Это также заметно на природе агентов социализации на эмпирическом уровне: главная роль остается за индивидами, представляющими малую группу, которые координируют поступки в ходе межличностных взаимодействий, способствующих более плавной адаптации через ознакомление, освоение и интериоризацию релевантного ценностного набора.

Учитывая особенности молодых наемных работников, следует дополнительно разграничить

трудоустройстве среды адаптации. Если на мезоуровне трудовая среда адаптации отчасти ограничивалась предприятием, то на микроуровне соответствующая адаптационная среда сужается до непосредственного трудового коллектива, коллектива; его центральные субъекты образуют само предприятие. В рамках трудового коллектива молодые сотрудники сталкиваются с еще одним параллельным процессом социальной адаптации. Он носит явный таргетированный характер, что следует из межличностного формата взаимодействия на микроуровне. Соответственно, сотрудники снова усваивают локальные типические образцы и вместе с тем локализуется массовые типические паттерны поведения, свой статусно-ролевой набор, приобретенные на макро- и мезоуровнях. Именно на данном уровне выстраивается первичная форма статуса, которым индивид оперирует в других средах адаптации. Постепенно при адаптации в других средах предписанный статус, характерный для семей как малых групп, может сменяться на достигнутый. Следовательно, адаптация молодых работников в отличных от микроуровня средах всегда является вызовом для устоявшегося статусно-ролевого набора.

Отличие трудового коллектива от многих других микросред состоит в том, что для молодых сотрудников характерно совмещать экспрессивные и инструментальные цели адаптационной деятельности. Например, сотрудник может сочетать друга с коллегами, иметь общие хобби и в то же время обладать статусом первоклассного специалиста и выполнять определенную трудовую функцию внутри коллектива, реализуя конкретный ролевой набор. В этом заключается сочетание первичности и вторичности трудового коллектива при адаптации на микроуровне.

Молодые сотрудники склонны менять ориентацию на другие социальные группы, находящиеся за пределами микроуровня. Особенно явно подобное проявляется при адаптации к трудовому коллективу, что связано с приобретением нового достигаемого статуса и новых групп идентичности. В итоге идентификация с другими группами может затмить идентификацию с минимальными группами микроуровня. Несмотря на кажущуюся устойчивость социальных связей, принадлежность субъектов профессиональной деятельности к малым группам по принципу идентичности может повлечь за собой ценностно-ролевой конфликт. Целесообразно подбирать именно поддерживающие адаптационные стратегии для сохранения устойчивости

социальных связей внутри микросреды с целью сохранения групповой идентичности и принадлежности «отстраняющегося» индивида к ней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, макро-, мезо- и микроуровни обладают собственными отличительными чертами безотносительно к процессу адаптации. Различия в уровнях среды адаптации выражается в спецификации типизации взаимодействий молодых наемных работников под сами условия адаптации. Наблюдаются отличия в активности и природе агентов социализации, характера адаптационных процессов, субъектами которых выступают молодые сотрудники, в зависимости от дифференциации уровня: на макроуровне характерны массовость адаптационных процессов, деперсонализация агентов адаптации и социализации, ведущая роль социальных институтов; на мезоуровне — компромиссное сочетание деперсонифицированных агентов адаптации и адресности воздействия, ослабление некоторых социальных институтов и замещение их другими, более релевантными, параллелизация институциональной и межличностной социализации, инструментальность адаптационных усилий; на микроуровне — господство адресности адаптации, идентичностная (экспрессивная) адаптация с возможным сочетанием в рамках трудового коллектива, риск идентичностных конфликтов для молодежи из-за освоения и интериоризации «чуждых» ценностно-ролевых наборов от других сред адаптации, устойчивость системы социальных отношений, индивидуализация агентов адаптации. Соответственно, осознание дифференциации среды социальной адаптации по уровням позволяет эффективнее выстраивать как стратегии адаптации, так и комплексные модели.

Тем не менее мы считаем ошибочным утверждать, что тот или иной уровень предстает доминирующим над другими, так как многие социальные институты и процессы действуют на нескольких уровнях, параллельно обуславливая достижение различных целей адаптации в результате имманентности. Аналогичное справедливо для агентов социальной адаптации, выступающих социальными акторами на междуровневой основе. Соответственно, пересечение процессов социальной адаптации на нескольких уровнях способствует ее фасилитации в общем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. Вып. 6 (326). С. 24–36.
2. Шишков И. В. Факторы социальной адаптации молодого наемного работника на рынке труда современного мегаполиса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 159–165.
3. Бесчастнова Н. В., Вагизов Р. А. Оценка глобализации мирохозяйственных связей на основе подсчета индекса глобализации // Экономика и социум. 2016. Вып. 4–1 (23). С. 239–243.
4. Вайсман Д. Времени в обрез. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М. : Дело, 2019.
5. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360–1380.
6. Кузнецова Ю. А. Виртуализация общества: «киберпротезирование» социальных форм взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Вып. 14 (4). С. 344–359.
7. Меркулов П. А., Елисеев А. Л. Проблемы трудоустройства и социальной адаптации молодежи в современной России // Трудоустройство и социальная адаптация молодежи в современных условиях: материалы научно-практической конференции. Орел, 2020. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. С. 101–108.
8. Цифровая гуманитаристика: человек в «прозрачном» обществе: Коллективная монография / Е. Ю. Алексеичева и др. М. : Книгодел, 2021.
9. Самыгин С. И., Гнатюк М. А., Кротов Д. В. Особенности трудовой адаптации российской молодежи на рынке труда // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. Вып. 11. С. 61–65.
10. Кузьмина М. А. Мезоанализ – междисциплинарная методология социальных и гуманитарных исследований // Социологические исследования. 2020. Вып. 8. С. 27–36.
11. Дунас Д. В. Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация? Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 78. С. 200–224.

REFERENCES

1. Kozyreva, P. M. (2011). Social adaptation of Russia's population in post-Soviet period. Sociological Research, 6(326), 24–36. (In Russ.)
2. Shishkov, I. V. (2022). Factors affecting the social adaptation of young employees to the labour market of a modern megalopolis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(849), 159–164. (In Russ.)
3. Beschastnova, N. V., Vagizov, R. A. (2016). Evaluation of global world-economy relations based on the globalization index. Economy and society, 4–1(23), 239–243. (In Russ.)
4. Wajzman, D. (2019). Pressed for time: the acceleration of life in digital capitalism. Moscow: Delo. (In Russ.)
5. Granovetter, M. (1973). The Strength of Weak Ties. American Journal of Sociology, 78(6), 1360–1380.
6. Kuznetcova, Y. A. (2021). Virtualization of society: “cyberprosthesis” of social interaction forms. Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology, 14(4), 344–359. (In Russ.)
7. Merkulov, P. A., Yeliseev, A. L. (2020). The issues of employment and social adaptation for young people in modern Russia. Trudoustroystvo i socialnaya adaptacia molodezhi v sovremennyh usloviayah (pp. 101–108): the digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
8. Alexeycheva, E. Y. et al. (2021). Cifrovaya humanistika: chelovek v “prozrachnom” obschetve = Cyber humanities: human in “transparent” society. Moscow: Knigodel. (In Russ.)
9. Samygin, S. I., Gnatyuk, M. A., Krotov, D. V. (2017). Peculiarities of Russian young people's labour adaptation in the labour market. Humanitarian, social and economic and social sciences, 11, 61–65. (In Russ.)
10. Kuzmina, M. A. (2020). Mesoanalysis as an interdisciplinary methodology in social and humanitarian research. Sociological Research, 8, 27–36. (In Russ.)
11. Dunas, D. V. (2022). Media and socialization: primary, secondary or self-socialization? The results of researching mediaconsumption by young people in Russia. Vestnik of Tomsky State University. Philology, 78, 200–224. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишков Илья Вадимович

аспирант кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shishkov Ilya Vadimovich

PhD student at Department of Sociology
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.02.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	21.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	03.04.2023	accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Общественные науки
Выпуск 2 (851)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Social Sciences
Issue 2(851)

Над выпуском работали:

доктор экономических наук доцент В. Н. Косторниченко
доктор социологических наук профессор И. В. Образцов
кандидат политических наук М. В. Пупышева
А. А. Азаренкова

Редактор В. А. Геронимус

Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина

Дизайн макета: А. В. Алымов

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 25.05.2023

Усл. печ. л. 15,25. Формат 60х90/8

Заказ № 21/23

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

5.4. Социология

5.5. Политические науки

5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.